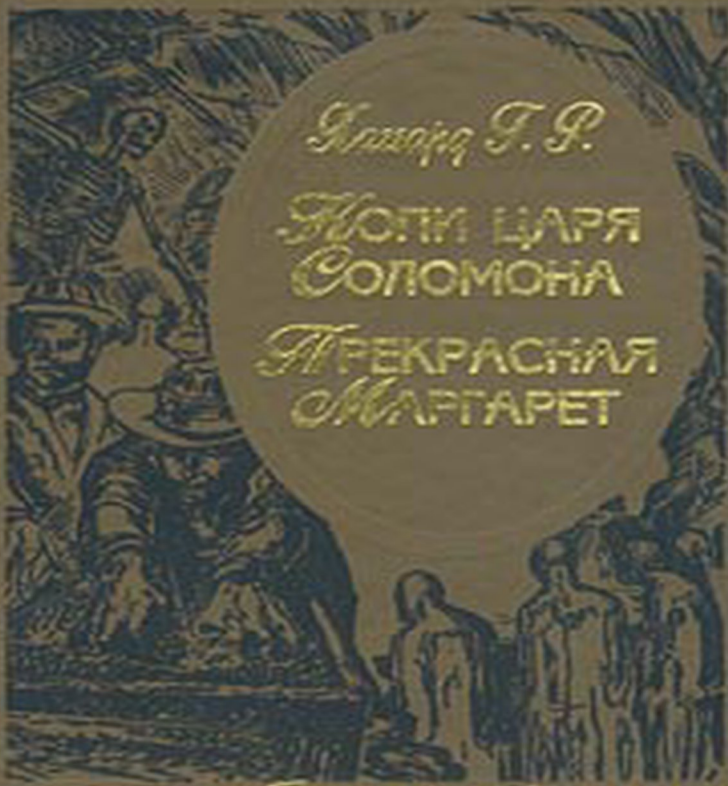

Генри Г. Р.

Копи царя Соломона

Прекрасная Маргарет

Библиотека приключений

ЭКСМО

Прекрасная Маргарет
Генри Райдер Хаггард

Аннотация
Генри Райдер Хаггард. Прекрасная Маргарет
ГЛАВА I. ПИТЕР ВСТРЕЧАЕТ ИСПАНЦА
ГЛАВА II. ДЖОН КАСТЕЛЛ
ГЛАВА III. ПИТЕР СОБИРАЕТ ФИАЛКИ
ГЛАВА IV. ВЛЮБЛЕННЫЕ
ГЛАВА IV. ТАЙНА ДЖОНА КАСТЕЛЛА
ГЛАВА VI. ПРОЩАНИЕ
ГЛАВА VII. НОВОСТИ ИЗ ИСПАНИИ
ГЛАВА VI. Д'АГВИЛАР ГОВОРИТ
ГЛАВА IX. ЛОВУШКА
ГЛАВА X. ПОГОНЯ
ГЛАВА XI. ВСТРЕЧА В МОРЕ
ГЛАВА XII. ОТЕЦ ЭНРИКЕ
ГЛАВА XIII. ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ
ГЛАВА XIV. ИНЕССА И ЕЕ САД
ГЛАВА XV. ПИТЕР ИГРАЕТ РОЛЬ
ГЛАВА XVI. БЕТТИ ПОКАЗЫВАЕТ КОГОТКИ
ГЛАВА XVII. ЗАГОВОР
ГЛАВА XVIII. СВЯТАЯ ЭРМАНДАДА
ГЛАВА XIX. БЕТТИ ПЛАТИТ СВОИ ДОЛГИ

ГЛАВА XX. ИЗАБЕЛЛА ИСПАНСКАЯ
ГЛАВА XXI. БЕТТИ ИЗЛАГАЕТ ДЕЛО
ГЛАВА XXII. ОСУЖДЕНИЕ ДЖОНА КАСТЕЛЛА
ГЛАВА XXIII. ОТЕЦ ЭНРИКЕ И ПЕЧЬ БУЛОЧНИКА
ГЛАВА XXIV. СОКОЛ НАПАДАЕТ
ГЛАВА XXV. «МАРГАРЕТ» УХОДИТ В МОРЕ
ЭПИЛОГ

Аннотация

Счастью Питера Брума и Маргарет Кастелл угрожает коварный маркиз Морелла. Он заманивает девушку на свой корабль и увозит ее в Гранаду. Питер и отец Маргарет — Джон Кастелл бросаются на поиски той, которая была для них всем.

Генри Райдер Хаггард
Прекрасная Маргарет

ГЛАВА I. ПИТЕР ВСТРЕЧАЕТ ИСПАНЦА

Это случилось весенним днем в шестой год правления короля Англии Генриха VII[1]. В Лондоне было большое торжество — его величество открыл только что созванный парламент и объявил своим верноподданным, что он намерен вторгнуться во Францию и собственной персоной возглавить английскую армию. Народ встретил это известие радостными криками. Правда, когда в парламенте был сделан намек на то, что война потребует денег, это сообщение вызвало гораздо меньший восторг. Но толпу около парламента, состоявшую в большинстве своем из людей, которым не нужно было раскошеливаться, эта

[1] Примечания: 1

Генрих VII — английский король (1485-1509), первый из династии Тюдоров. Его приход к власти знаменовал конец войны Алой и Белой розы — кровавой феодальной борьбы за английский престол между двумя линиями королевской династии: Ланкастерской и Йоркской. После смерти короля Эдуарда IV, в 1483 году, его брат Ричард III захватил престол и убил малолетних сыновей Эдуарда. Казнями и преследованиями Ричард III восстановил против себя и ланкастерцев и йоркистов, которые объединились вокруг Генриха Тюдора, представителя младшей линии Ланкастеров, имевшего незначительные права на престол. В битве при Босворте 22 августа 1485 года Ричард III потерпел поражение и был убит. Генрих Тюдор стал королем Англии под именем Генриха VII.

сторона дела не волновала. Когда появился король, окруженный блестящей свитой в толпе принялись кидать в воздух шапки и кричать до хрипоты.

Король, уже усталый человек, несмотря на свою молодость, с тонким и нервным лицом, улыбался чуть иронически. Вспомнив, однако, что ему, занимающему несколько сомнительное положение на троне нужно радоваться этим приветствиям, он произнес несколько милостивых слов и допустил трех граждан к своей королевской руке. Король даже разрешил каким-то больным детям дотронуться до своей одежды — это должно было излечить их от злого духа. Его величество задержался, чтобы принять прошения от бедняков, передал их одному из своих офицеров и, провожаемый возобновившимися с новой силой приветственными возгласами, проследовал в Вестминстерский дворец на пир.

В свите короля находился и посол де Айала, представлявший при английском дворе госуда-

рей Испании — Фердинанда и Изабеллу[2]. Его сопровождала группа роскошно одетых дворян. Судя по тому месту, которое занимал испанец в процессии, его страна пользовалась здесь почетом. Да и как могло быть иначе — ведь уже четыре года назад принц Артур, старший сын короля, которому исполнился тогда только год, был официально обручен с дочерью Фердинанда и Изабеллы, инфантой Екатериной, которая была старше его на девять месяцев. Ведь в те времена считалось, что привязанности принцев и принцесс должны направляться заранее по пути, выгодному их коронованным родителям и воспитателям.

Слева от посла на превосходном черном коне ехал высокий испанец, одетый богато, но просто, в черный бархат; его черную бархатную шляпу украшала единственная жемчужина. Это был красивый мужчина лет тридцати пяти, с суровым и резко очерченным лицом и острыми черными

[2] Примечания: 2

Фердинанд и Изабелла — король и королева Испании, при которых произошло объединение разрозненных до того времени испанских государств. В 1469 году династическим браком наследника арагонского престола Фердинанда и будущей королевы Кастилии Изабеллы было положено начало формальному объединению обоих государств. В 1474 году Изабелла утвердилась на кастильском престоле, а в 1479 году Фердинанд стал королем Арагона. Последняя дата отмечает образование единого испанского государства.

глазами. Говорят, что в каждом человеке можно найти сходство — иногда, конечно, довольно далекое и приблизительное — с каким-нибудь зверем или птицей. В данном случае это сразу бросалось в глаза. Спутник посла напоминал орла, и случайно или умышленно изображение орла украшало ливреи его слуг и сбрую коня. Пристальный взгляд, крючковатый нос, гордый и властный вид, тонкие, длинные пальцы, быстрота и изящество движений — все в нем напоминало царя птиц. Намекал на это сходство и девиз, сообщавший, что владелец его все, что ищет, находит и все, что находит, берет. С презрительным и скучающим видом он наблюдал за разговором английского короля с предводителями толпы, которых его величеству угодно было вызвать.

— Вы находите эту сцену странной, маркиз? — обратился к нему посол.

— Здесь, в Англии, если ваше преосвященство не возражает, называйте меня сеньор, — с достоинством ответил он, — сеньор д'Агвилар. Маркиз, которого вы изволили упомянуть, живет в Испании и является полномочным послом у мавров

в Гранаде[3]. Сеньор д'Агвилар, смиренный слуга святой церкви, — он перекрестился, — путешествует за границей по делам церкви и их величеств.

— И по своим собственным, я полагаю, — сухо заметил посол. — Откровенно говоря, сеньор д'Агвилар, одного я не могу понять: почему вы — а я знаю, что вы отказались от политической карьеры, — почему вы тогда не облачитесь в черное одеяние? Впрочем, почему я сказал — черное? С вашими возможностями и связями оно уже сейчас могло бы быть пурпурным, с головным убором того же цвета[4].

Сеньор д'Агвилар улыбнулся:

— Вы хотите сказать, что я иногда путешествую по своим собственным делам? Ну что ж, вы правы. Я отказался от мирского тщеславия — оно причиняет беспокойство, а для некоторых людей, высокорожденных, но не обладающих соответствующими правами, весьма опасно. Из желудей этого тщеславия часто вырастают дубы,

---

[3] Примечания: 3

В описываемое в романе время, после длительной борьбы за освобождение Испании от мавританско-арабского владычества (реконкиста), на территории Испании оставалось последнее мавританское государство — Гранадский эмират, образовавшийся в 1238 году.

[4] Примечания: 4

Высшие сановники католической церкви носили пурпурные одежды.

на которых вешают.

— Или плахи, на которых отрубают головы. Сеньор, я поздравляют вас: вы обладаете мудростью, которая умеет извлекать главное, отбрасывая в сторону призрачное. Это так редко встречается.

— Вы спрашиваете, почему я не меняю покроя своей одежды, — продолжал д'Агвилар, не обращая внимания на то, что его прервали. — Если быть откровенным, ваше преосвященство — по личным соображениям. У меня те же слабости, что и у других людей. Меня могут увлечь прекрасные глаза или ослепить чувство ненависти, а это все несовместимо с черным или красным одеянием.

— Однако те, кто носят его, грешат всем этим, — многозначительно заметил посол.

— Да, ваше преосвященство, и это позорит святую церковь. Вы, как служитель ее, знаете это лучше, чем кто-либо другой. Оставим земле все зло, но церковь, подобно небу, должна быть над всем этим, непорочная, ничем не запятнанная. Пусть она будет обителью молитв, милосердия и праведного суда, куда не вступит нога такого грешника, как я, — и д'Агвилар вновь перекрестился.

В его голосе было столько искренности, что

де Айала, знавший кое-что о репутации своего собеседника, с любопытством посмотрел на него.

«Истый фанатик, — подумал де Айала, — и человек полезный нам, хотя он отлично знает, как получать радости и от церкви и от жизни».

Вслух же он сказал:

— Неудивительно, что святая церковь радуется, имея такого сына, а ее враги трепещут, когда он поднимает свой меч. Однако, сеньор, вы так и не сказали мне, что вы думаете обо всей этой церемонии и здешнем народе.

— Народ этот, ваше преосвященство, я знаю хорошо — ведь мне случалось уже жить здесь и я говорю на их языке. Именно поэтому я покинул Гранаду и нахожусь сегодня здесь, чтобы наблюдать и докладывать... — Он приостановился и добавил: — Что же касается церемонии, то, будь я королем, я бы вел себя иначе. Ведь только что в этом здании чернь — представители общин, так ведь, кажется, они себя называют? — чуть ли не угрожала своему коронованному владыке, когда он униженно просил ничтожную частицу богатств страны для того, чтобы вести войну. Я видел, как он побледнел и задрожал от этих грубых голосов, будто один звук их может поколебать его трон. Уверяю вас, ваше преосвященство,

настанет время, когда Англией будут править эти самые общины. Посмотрите на человека, которого его величество держит за руку и называет сэром. Ведь король, так же как и я, знает, что это еретик, и имей король права, этого человека за его грехи следовало бы отправить на костер. По полученным мною вчера сведениям, он высказывался против церкви…

— Церковь и ее слуги не забудут об этом, когда придет время, — обронил де Айала. — Однако аудиенция окончена, и его величество приглашает нас на пир, где не будет еретиков, которые раздражают нас, а так как сейчас пост, то и еды почти не будет. Поедем, сеньор, а то мы загораживаем путь.

Прошло три часа, солнце уже садилось. Оно было красноватое, несмотря на начало весны; на болотистых полях Вестминстера было холодно. На пустыре напротив дворца, где шел пир, толпились лондонские горожане. Они окончили свои дневные дела и пришли посмотреть на королевское торжество. В этой толпе обращали на себя внимание мужчина и дама, которую сопровождала молодая хорошенькая женщина.

Мужчине на вид было лет тридцать. Одет он был скромно, как одевались обычно лондонские

купцы; у пояса его висел нож. Роста в нем было добрых шесть футов[5]. Впрочем, и его спутница, закутанная в отделанный мехом плащ, тоже была высокого роста. Строго говоря, мужчину вряд ли можно было назвать красивым — у него был слишком высокий лоб и резкие черты лица. К тому же правую сторону его чисто выбритого лица от виска и до энергичного подбородка пересекал красноватый шрам от удара мечом. Тем не менее лицо это было открытое, мужественное, хотя и несколько суровое, а серые глаза смотрели прямо. Это было лицо не купца, а скорее человека благородного происхождения, привыкшего к походам и войнам. У него была великолепная подвижная фигура, а голос его, когда он говорил, что бывало весьма редко, звучал ясно и приятно.

О фигуре его спутницы сказать что-либо было трудно, так как ее скрывал длинный плащ, но лицо, выглядывавшее из-под капюшона, когда она поворачивала голову и лучи заходящего солнца падали на него, поражало своей красотой. Маргарет Кастелл, или, как ее называли, прекрасная Маргарет, до конца жизни затмевала других женщин своей редкостной красотой. Нежными

---

[5] Примечания: 5

Фут — мера длины, около 30,5 сантиметра.

тонами и округлыми линиями ее лицо напоминало цветок. Его украшал белоснежный ясный лоб и великолепно очерченные яркие губы. Но для того чтобы понять секрет обаяния, выделявшего ее среди других красивых женщин того времени, нужно было заглянуть в ее глаза. Они были не голубыми или серыми, как можно было ожидать, судя по цвету лица, но огромными черными, блестящими и в то же время влажными, как у лани; их обрамляли черные, изогнутые ресницы. От этих глаз нельзя было оторваться, как, скажем, от розы, лежащей на снегу, или от утренней звезды, сверкающей в предрассветном тумане. И несмотря на застенчивость этих глаз, мужчине требовалось немало времени, чтобы забыть их, особенно если ему удавалось видеть глаза Маргарет в сочетании с темно-каштановыми волосами, волнами спадавшими на ее точеные плечи.

Питер Брум — так звали мужчину — несколько беспокойно посматривал вокруг и наконец обратился к Маргарет:

— Стоит ли нам оставаться здесь, кузина? Тут много простолюдинов. Ваш отец может рассердиться.

Тут следует объяснить, что в действительности родственные отношения Питера и Маргарет

были гораздо менее близкими — только дальнее родство по линии матери, — однако они называли так друг друга, поскольку это было удобно и могло значить и очень много и ничего.

— Почему? — возразила она. В ее глубоком и мягком голосе слышался чуть заметный иностранный акцент, нежный, как дуновение южного ветра ночью. — С вами, кузен, — и она с удовольствием посмотрела на его рослую, мужественную фигуру, — мне некого бояться. А я очень хочу поближе увидеть короля. И Бетти тоже об этом мечтает. Правда ведь? — обратилась она к своей спутнице.

Бетти Дин была кузиной Маргарет, хотя ее родство с Питером Брумом было уже совсем далеким. Бетти была благородного происхождения, но ее отец, необузданный и беспутный человек, разбил сердце ее матери и умер вслед за ней, оставив Бетти на попечении матери Маргарет, в доме которой она и выросла.

Бетти была по-своему примечательна как внешностью, так и характером. Красивая, превосходно сложенная, сильная, с большими дерзкими голубыми глазами и яркими полными губами, она отличалась смелостью и прямотой. Будучи женщиной романтичной и тщеславной, Бетти

любила общество мужчин и еще больше любила нравиться им. Однако в свои двадцать пять лет она была честной девушкой и умела постоять за себя, в чем имели возможность убедиться многие ее поклонники. И хотя Бетти занимала довольно низкое положение, в глубине души она очень гордилась своим происхождением и была весьма честолюбива. Самым сокровенным ее желанием было выйти замуж так, чтобы подняться до положения, которого ее лишили безумства отца, — довольно трудная задача для девушки, являвшейся чем-то вроде прислуги и к тому же без всякого приданого.

И наконец для завершения ее образа надо добавить, что она любила свою кузину Маргарет больше, чем кого-либо другого на всем свете, хотя Питера она уважала не меньше, вероятно потому, что, как она ни старалась, ее красота оставляла его совершенно хладнокровным.

В ответ на вопрос Маргарет Бетти рассмеялась:

— Конечно! Ведь мы так редко выбираемся из Холборна[6] и мне не хотелось бы пропустить случай посмотреть на короля и его двор. Однако

---

[6] Примечания: 6

Холборн — один из районов Лондона.

мастер[7] Питер так благоразумен, что я всегда слушаюсь его. К тому же начинает темнеть.

— Ну хорошо, — ответила Маргарет со вздохом, слегка пожав плечами, — если вы оба против меня, придется идти. Но в следующий раз, когда я пойду гулять, кузен Питер, я пойду с кем-нибудь более добрым.

Она повернулась и начала быстро пробираться сквозь толпу. Прежде чем Питер успел остановить ее, Маргарет свернула направо, где было посвободнее, и очутилась на площадке перед самым залом. Здесь собрались солдаты и слуги с лошадьми, ожидающие своих господ. Толпа замкнулась за Маргарет, и Питер с Бетти на несколько минут остались отрезанными от нее.

Маргарет вдруг оказалась одна среди солдат, составлявших стражу испанского посла де Айала. Солдаты эти отличались своей заносчивостью и грубостью — они были уверены в полной безнаказанности, так как знали, что положение их господина всегда будет им защитой. К тому же почти все они были пьяны.

Один из этих людей, здоровенный рыжий шотландец, которого дипломат-священник вывез

---

[7] Примечания: 7
Мастер — молодой барин, дворянин.

из его родной страны, где был раньше послом, неожиданно увидев перед собой молодую и красивую женщину, решил поближе рассмотреть ее и прибегнул для этого к грубой уловке. Сделав вид, что он споткнулся, шотландец схватился за плащ Маргарет якобы для того, чтобы удержаться, и с силой сдернул его, открыл прелестное лицо и стройную фигуру.

— Друзья, — заорал он хриплым, пьяным голосом, — эта голубка прилетела сюда, чтобы подарить мне поцелуй! — И, обхватив Маргарет своими длинными руками, он старался привлечь ее к себе.

— Питер! На помощь, Питер! — закричала Маргарет, отчаянно сопротивляясь.

— Нет уж, красотка, если ты зовешь святого, — отвечал пьяный шотландец, — то Эндрью ничуть не хуже Питера.

Его приятели встретили это «остроумное» замечание громким смехом, ибо знали, что шотландца зовут Эндрью.

Однако в следующее мгновение они опять хохотали, но уже по другой причине. Эндрью показалось, что он очутился во власти урагана. Маргарет была вырвана из его рук, а сам он крутящимся волчком отлетел в сторону и со страшной

силой упал вниз лицом.

— Вот это Питер! — воскликнул по-испански один из солдат.

— Да, у него стоящий святой патрон, — откликнулся второй.

А третий принялся поднимать лежащего Эндрью. Вид шотландца был страшен. Шляпа слетела, и огненно-рыжие волосы были измазаны грязью. Кроме того, падая, он разбил себе нос о камни, и по лицу его текла кровь. Маленькие красные глаза его свирепо сверкали, как у хорька, а физиономия посерела от боли и ярости. Рыча что-то по-шотландски, он выхватил меч и бросился на своего противника с явным намерением убить его.

Питер был без меча, а свой коротенький нож он даже не успел вытащить. Однако в руке у него была толстая палка с железным наконечником. И не успела Маргарет всплеснуть руками, а Бетти взвизгнуть, как Питер отбил меч и, прежде чем шотландец мог напасть вновь, ударил его палкой. Страшный удар пришелся шотландцу по плечу и заставил его пошатнуться.

— Хороший удар, Питер! Отлично сработано. Питер! — закричали зрители.

Но Питер не видел и не слышал их — он был ослеплен яростью из-за оскорбления, нанесен-

ного Маргарет. Палка вновь взлетела, но на этот раз всей силой обрушилась на голову шотландцу, раскололо ее, как яичную скорлупу, и оскорбитель рухнул мертвым.

Наступило минутное молчание — шутка окончилась трагедией. Наконец один из испанцев, глядя на поверженное тело, воскликнул:

— Во имя бога, нашего товарища убили! Этот торгаш бьет крепко!

Среди приятелей убитого поднялся ропот, и один из них закричал:

— Рубите его!

Питер рванулся вперед и схватил с земли меч шотландца. Одновременно он отбросил палку и левой рукой выхватил из ножен свой кинжал. Теперь Питер приготовился встретить врагов. Вид у него был такой свирепый и воинственный, что, хотя четыре или пять мечей сверкнули в воздухе, противники приостановились. Питер, однако, понимал, что против такого количества врагов ему не выстоять, и в первый раз за время всей этой сцены раздался его голос:

— Англичане! — громко крикнул он, не поворачивая головы и не отводя глаз от врагов. — Неужели вы будете стоять и смотреть, как эти испанские собаки убивают меня?

Наступила короткая пауза, и затем раздался чей-то голос:

— Клянусь, только не я! — И высокий вооруженный кентец очутился рядом с Питером. Вокруг левой руки у него был обернут плащ, а в правой он держал обнаженный меч.

— И не я! — крикнул другой. — С Питером Брумом мы вместе воевали.

— И не я! — откликнулся третий. — Мы ведь с ним земляки из Эссекса!

Не прошло и минуты, как рядом с Питером собралась довольно внушительная группа крепких и рослых англичан. Силы противников оказались приблизительно равны.

— Теперь хватит, — сказал Питер. — Мы хотим только, чтобы игра была честная. Друзья, посмотрите за женщинами. А вы, убийцы, если хотите испробовать, как англичане умеют работать мечом, выходите. А если трусите, так дайте нам спокойно уйти.

— Выходите, чужеземные трусы! — зашумела толпа, которая не любила эту буйную и привилегированную стражу.

Теперь уже закипела кровь у испанцев — проснулась старая национальная вражда. На ломаном английском языке сержант выкрикнул

несколько грязных ругательств по адресу Маргарет и призвал своих товарищей «перерезать глотки лондонским свиньям». В красноватых лучах заходящего солнца алым пламенем сверкнула сталь мечей, еще секунда — и завязалась бы кровавая драка.

Однако этого не случилось. Высокий сеньор, укрывавшийся в тени и наблюдавший всю эту сцену, стал между противниками и отвел готовые скреститься мечи.

— Довольно, — спокойно сказал по-испански д'Агвилар (ибо это был он). — Дураки! Вы что, хотите, чтобы всех испанцев в Лондоне разорвали на куски? Что касается этого пьяного животного, — и он тронул ногой труп Эндрью, — то он сам виноват. К тому же он не был испанцем, и вам незачем мстить. Слушайте меня. Или я должен сказать вам, кто я?

— Мы знаем вас, маркиз, — послушно ответил сержант. — Спрячьте свои мечи, приятели. В конце концов, это не наше дело.

Солдаты повиновались с явной неохотой, но в этот момент появился де Айала. Ему уже сообщили о смерти его слуги, и взбешенный посол громко потребовал, чтобы человек, убивший шотландца, был выдан.

— Мы не выдадим Питера испанскому попу! — зашумела толпа. — Идите сюда и попробуйте взять его, если хотите!

Опять все заволновались, а Питер со своими приятелями приготовился к бою.

Сражение было неминуемо, несмотря на попытки д'Агвилара предотвратить его, но шум неожиданно начал затихать, и воцарилась тишина. Среди поднятых мечей шел невысокий, богато одетый человек. Это был король Генрих.

— Кто осмелился обнажить мечи на моих улицах, перед самыми дверьми моего дворца? — ледяным голосом спросил он.

Дюжина рук указала на Питера.

— Говори, — приказал ему король.

— Маргарет, иди сюда! — крикнул Питер.

И девушку вытолкнули к нему.

— Ваше величество, — сказал Питер, показывая на труп Эндрью, — этот человек хотел обидеть девушку, дочь Джона Кастелла. Я, ее кузен, отшвырнул его. Тогда он обнажил свой меч и напал на меня, и я убил его палкой. Вон она лежит. А испанцы — его товарищи — хотели убить меня. Я позвал на помощь англичан. Вот и все.

Король оглядел его с ног до головы.

— Купец по одежде, — сказал он, — и воин по

виду. Как твое имя?

— Питер Брум, ваше величество.

— А! Был такой сэр Питер Брум, который пал на Босвортском поле, сражаясь против меня. — Король улыбнулся: — Ты, случаем, не знаешь его?

— Это был мой отец, ваше величество. Я видел, как его убили, и убил убийцу.

— В это я могу поверить, — произнес король, разглядывая его. — Но почему сын Питера Брума, носящий на лице боевой шрам, одет в купеческое платье?

— Ваше величество, — спокойно ответил Питер, — мой отец продал свои земли, дав взаймы короне все, что у него было. А я никогда не предъявлял счета. Поэтому я должен жить так, как могу.

Король рассмеялся:

— Ты нравишься мне, Питер Брум, хотя ты, конечно, ненавидишь меня.

— Нет, ваше величество. Пока был жив Ричард, я сражался за Ричарда. Ричарда нет, и я, если понадобится, буду сражаться за англичанина Генриха и служить королю Англии.

— Хорошо сказано! Может быть, ты мне понадобишься. Я не помню зла. Однако я чуть не забыл: это ты так собираешься сражаться за меня

— устраивая бунт на улицах и ссоря меня с моими друзьями испанцами?

— Ваше величество, я все рассказал вам.

— Твою историю я слышал. Но кто подтвердит, что это правда? Может быть, ты, дочь купца Кастелла!

— Да, ваше величество. Человек, которого убил мой кузен, оскорбил меня. А моя единственная вина в том, что я хотела посмотреть на ваше величество. Вот, видите мой разорванный плащ?

— Неудивительно, что он убил его из-за таких глаз, как твои. Но ты можешь быть пристрастна. — Король опять улыбнулся и добавил: — Нет ли других свидетелей?

Бетти уже открыла рот, но вперед вышел д'Агвилар, снял шляпу, поклонился и сказал по-английски:

— Есть, ваше величество. Я все видел. Этот смелый джентльмен ни в чем не виноват. Виноваты слуги моего соотечественника де Айала. Во всяком случае, вначале. А потом уже началась ссора.

Тут вмешался де Айала. Он был все еще зол и заявил, что если он не получит удовлетворения за убийство его слуги, то напишет их величествам, королю и королеве Испании, и сообщит им, как

обращаются с их людьми в Лондоне.

При этих словах Генрих помрачнел. Более всего он не хотел портить отношения с Фердинандом и Изабеллой.

— Ты сделал сегодня дурное дело, Питер Брум, — сказал он. — Разобраться в этом должен будет судья. А пока тебя следует задержать. — И король обернулся, как бы для того, чтобы отдать приказ об аресте.

— Ваше величество! — воскликнул Питер. — Я живу в доме купца Кастелла в Холборне и никуда не скроюсь.

— А кто поручится за это, — спросил король, — или за то, что ты не затеешь новой ссоры по дороге домой?

— Я поручусь, — спокойно сказал д'Агвилар, — если эта леди разрешит мне проводить ее вместе с ее кузеном домой. Кроме того, — добавил он тихо, — мне кажется, что если бросить его в тюрьму, то это гораздо скорее может вызвать мятеж, нежели если отпустить его домой.

Генрих посмотрел на толпу, которая следила за этой сценой, и прочел на лицах нечто такое, что заставило его согласиться с д'Агвиларом.

— Хорошо, маркиз, — сказал он, — я полагаюсь на ваше слово и слово Питера Брума, что он явит-

ся, когда будет вызван. Пусть этот труп оставят до завтра в аббатстве, пока не начнется расследование. Дайте мне руку, ваше преосвященство, у меня есть гораздо более важные вопросы, о которых я хочу поговорить с вами, прежде чем мы отойдем ко сну.

ГЛАВА II. ДЖОН КАСТЕЛЛ

Когда король удалился, Питер обратился к тем, кто окружал его, и сердечно поблагодарил их. Затем он сказал Маргарет:

— Пойдемте, кузина. Представление окончено, и ваше желание исполнилось — вы видели короля. А теперь, чем скорее мы попадем домой, тем спокойнее я буду.

— Конечно! — ответила Маргарет. — Я видела больше, чем мне бы хотелось увидеть. Но прежде чем мы уйдем, надо поблагодарить этого испанского сеньора…

— … д'Агвилара, леди. Пока достаточно этого имени, — любезно ответил испанец, низко кланяясь и не сводя глаз с прекрасного лица Маргарет.

— Сеньор д'Агвилар, я благодарю вас от себя и от имени моего кузена, чью жизнь, возможно, вы спасли. Не так ли, Питер? И мой отец будет вам благодарен.

— Да, — несколько мрачновато произнес Питер, — я очень благодарен ему. Что же касается моей жизни, то я больше полагаюсь на мои собственные руки и руки моих приятелей. Покойной

ночи, сэр.

— Я боюсь, сеньор, — с улыбкой отозвался д'Агвилар, — что мы еще не можем расстаться. Вы забыли, что я поручился за вас и поэтому должен сопровождать вас до вашего дома, чтобы увидеть, где вы живете. К тому же это будет безопаснее, ибо мои соотечественники мстительны, и, если я не пойду с вами, они могут напасть на вас.

Заметив по лицу Питера, что он решительно против такого сопровождения, Маргарет поспешно вмешалась:

— Конечно, это самое разумное. И мой отец решил бы так же. Сеньор, я буду показывать вам дорогу. — И, приняв галантно предложенную ей д'Агвиларом руку, Маргарет быстро пошла вперед, предоставив Питеру идти с Бетти.

Шествуя в таком порядке, они пересекли окутанные наступающими сумерками поля, лежащие между Вестминстером и Холборном, и углубились в лабиринт узеньких улочек. Маргарет довольно скоро разговорилась со своим спутником по-испански — язык этот она, по причинам, которые в дальнейшем будут разъяснены, знала хорошо. Позади шел Питер Брум в самом дурном настроении, держа в одной руке меч шотландца, а другой поддерживая Бетти.

Джон Кастелл жил в большом, выстроенном без четкого плана доме на главной улице Холборна. Позади дома находился сад, обнесенный высокой стеной. Фасад дома был занят лавкой, складом для товаров и конторой. Джон Кастелл был очень богатый купец, занимавшийся по королевскому разрешению вывозом товаров из Испании. Его суда привозили оттуда прекрасную испанскую шерсть, которая обрабатывалась в Англии, бархат, шелка и вина из Гранады, а также превосходное инкрустированное оружие из толедской стали. Иногда он имел дело с серебром и медью, добываемыми в горных рудниках, так как он был не только купцом, но и банкиром или тем, что подразумевалось под этим словом в те времена.

Никто точно не знал размеров его богатства. Говорили, что под лавкой находятся наполненные драгоценными товарами подвалы. Своими толстыми каменными стенами и железными дверьми, через которые не мог проникнуть ни один вор, его дом напоминал тюрьму. В этом большом здании, которое во времена Плантагенетов[8] представляло собой укрепленную

[8] Примечания: 8

Плантагенеты — английская королевская династия (1154-1399). В 1399 году король Ричард был низложен, и власть перешла к династии Ланкастеров.

дворянскую усадьбу, существовали тайные помещения, известные одному лишь хозяину. Даже его дочь и Питер никогда не переступали их порога. В доме было немалое количество слуг, крепких парней, носивших под плащами ножи и даже мечи и охранявших покой хозяев. Внутренние комнаты, в которых жили сам Кастелл, Маргарет и Питер, отличались простором и удобствами, были заново отделаны дубом в соответствии с модой Тюдоров и имели глубокие окна, выходившие в сад.

Когда Питер и Бетти подошли к двери, они обнаружили, что Маргарет и д'Агвилар, шедшие гораздо быстрее их, уже вошли в дом. Дверь была закрыта. На довольно сильный стук Питера отворил слуга. Питер пересек прихожую и вошел в зал, откуда доносились голоса. Это была красивая комната, освещенная висящими лампами, заправленными оливковым маслом, с большим камином, в котором горел огонь. Дубовый стол, стоявший перед очагом, был накрыт для ужина. Маргарет, сбросившая с себя плащ, грелась, стоя у огня, а сеньор д'Агвилар удобно устроился в большом кресле. У него был такой вид, словно он здесь привычный гость. Шляпу он держал в руках и, откинувшись назад, наблюдал за Маргарет.

Перед ним стоял Джон Кастелл, крупный мужчина лет пятидесяти — шестидесяти, с умным лицом, на котором выделялись острые черные глаза и черная борода. Здесь, у себя дома, он был одет в богатый камзол, отделанный дорогим мехом и украшенный золотой цепью с драгоценным камнем на застежке. Когда Кастелл сидел у себя в лавке или в конторе, он одевался проще, чем любой купец в Лондоне. Однако в глубине души он любил роскошь и по вечерам, даже если никто не мог его увидеть, доставлял себе такое удовольствие.

Едва взглянув на лицо Кастелла, Питер понял, что тот очень взволнован. Кастелл обернулся на звук шагов Питера и сразу обратился к нему со свойственной ему решительностью и твердостью в голосе:

— Что я услышал, Питер? Ты убил человека перед воротами дворца? Ссора! Бунт, который едва не дошел до кровопролития между англичанами с тобой во главе и стражей его преосвященства де Айала. Король арестовал тебя, а этот сеньор взял на поруки. Это правда?

— Совершенная, — спокойно ответил Питер.

— Тогда я погиб, мы все погибли! О, будь проклят тот час, когда я пустил человека вашей

кровожадной профессии в свой дом! Что ты можешь сказать?

— Что я хочу ужинать, — ответил Питер. — Те, кто начал рассказывать эту историю, пусть и кончают ее. У них язык привешен лучше, чем у меня! — И он сердито посмотрел на Маргарет, которая открыто смеялась, в то время как важный д'Агвилар улыбался.

— Отец, — вмешалась Маргарет, — не сердись на кузена Питера. Его единственная вина в том, что у него слишком тяжелая рука. Виновата я, потому что захотела остаться, чтобы посмотреть на короля, хотя и Питер и Бетти были против. А потом этот грубиян, — и ее глаза наполнились слезами стыда и гнева, — схватил меня, и Питер сбил его с ног. Когда же тот набросился на Питера с мечом, Питер убил его своей палкой, ну и… потом случилось все остальное.

— Это было великолепно проделано! — сказал д'Агвилар своим мягким голосом с иностранным акцентом. — Я видел все и был уверен, что шотландец вас убьет. Я еще понимаю, как вы сумели отпарировать удар, но как вы успели ударить его прежде, чем он напал вновь, — о, это…

— Ну ладно, — вмешался Кастелл. — Давайте сначала ужинать, а потом поговорим. Сеньор

д'Агвилар, я надеюсь, вы окажете мне честь, разделив с нами наш скромный ужин? Хотя, конечно, трудно после королевского пира сесть за стол купца.

— Это вы мне оказываете честь, — ответил д'Агвилар, — что же касается пира, то в связи с постом его величество очень воздержан. Я почти ничего не ел и, так же как и сеньор Питер, весьма голоден.

Кастелл позвонил в серебряный колокольчик, и слуги принесли обильный и вкусный ужин. Пока они расставляли блюда, купец подошел к буфету, вделанному в стену, и вынул оттуда две оплетенные бутыли. Он осторожно откупорил их и объявил, что хочет угостить сеньора вином его родной страны. При этом он прочитал по-латыни молитву и перекрестился. Д'Агвилар последовал его примеру, присовокупив, что он рад обнаружить, что оказался в доме такого доброго христианина.

— А кем, вы думаете, я еще могу быть? — спросил Кастелл, бросив на него проницательный взгляд.

— Я ничего не думаю, сеньор, — ответил д'Агвилар, — но, увы, не все же христиане. В Испании, например, есть много мавров и… евреев.

— Я знаю, — сказал Кастелл, — я ведь торгую и с теми и с другими.

— Тогда вы, наверное, бывали в Испании?

— Нет, я английский купец. Но попробуйте это вино, сеньор, оно из Гранады, и одно это уже говорит за то, что оно хорошее.

Д'Агвилар пригубил, а потом выпил весь бокал.

— Вино действительно превосходное, — сказал он. — У меня нет подобных даже дома в моих подвалах.

— Значит, вы живете в Гранаде, сеньор д'Агвилар? — спросил Кастелл.

— Иногда, когда я не путешествую. У меня там есть дом, который оставила мне моя мать. Она любила этот город и купила у мавров старый дворец. А вам, сеньора, не хотелось бы повидать Гранаду? — спросил он, обращаясь к Маргарет. Похоже было, что он хочет переменить тему разговора. — Там есть великолепное здание, его называют Альгамбра[9]. Оно видно из окон моего дома.

— Вряд ли моя дочь когда-либо увидит его, — обронил Кастелл. — Я не думаю, что она посетит Испанию.

---

[9] Примечания: 9

Альгамбра — дворец гранадских султанов (эмиров).

— Вы не думаете, но кто может знать? Один лишь бог и его святые. — Д'Агвилар опять перекрестился и принялся расписывать красоты Гранады.

Он был прекрасный рассказчик, с приятным голосом, и Маргарет с интересом слушала его, забывая о еде, а ее отец и Питер наблюдали за ними обоими. Наконец ужин был окончен, слуги убрали со стола и удалились. Тут Кастелл обратился к Питеру:

— Ну, а теперь рассказывай свою историю.

Питер рассказал ему все в нескольких словах, не упустив, однако, ничего.

— Я не виню тебя, — сказал купец, когда Питер закончил, — и понимаю, что ты не мог действовать иначе. Я виню Маргарет, потому что я разрешил ей прогуляться с тобой и Бетти только до реки и приказал остерегаться толпы.

— Да, отец, это моя вина, и я прошу у тебя прощения, — сказала Маргарет так покорно, что Кастелл не нашел в себе сил бранить дочь.

— Прощения ты должна просить у Питера, — пробормотал он, — похоже, он попадет в тюрьму за это дело, да еще его будут судить за убийство. Не забывай, это был слуга де Айала, с которым наш король не захочет портить отношения, а де

Айала, по-видимому, весьма рассержен.

Эти слова напугали Маргарет. Ее сердце сжалось при мысли, что Питер может пострадать. Она побледнела, и глаза ее опять наполнились слезами.

— О, не говори так! — воскликнула она. — Питер, тебе нужно немедленно скрыться.

— Ни в коем случае, — твердо ответил тот. — Ведь я дал слово королю, а этот иностранный господин поручился за меня.

— Что же делать? — продолжала Маргарет; затем повернулась к д'Агвилару и, сжимая свои тонкие пальцы, обратилась к нему, с надеждой глядя в лицо. — Сеньор, вы так могущественны, и вы в дружбе с сильными людьми, помогите нам!

— Разве я здесь не для того, чтобы сделать это? Хотя, я думаю, человек, который может созвать половину Лондона себе на помощь, как это сделал на моих глазах ваш кузен, вряд ли нуждается в моей поддержке. Однако послушайте меня. Испания имеет здесь при дворе двух послов — де Айала, который оскорблен, и доктора де Пуэбла, друга короля. Как это ни странно, де Пуэбла не любит де Айала. Но он любит деньги, которые, вероятно, можно добыть. Итак, если обвинение будет предъявлено не священником де Айала, а

де Пуэбла, который знает ваши законы и ваш суд, то… вы понимаете меня, сеньор Кастелл?

— Понимаю, — ответил купец. — Но как я могу подкупить де Пуэбла? Если я предложу ему деньги, он только потребует еще.

— Я вижу, что вы знаете его светлость, — сухо заметил д'Агвилар. — Вы совершенно правы, никаких денег предлагать не нужно. Подарок должен быть сделан после того, как будет получено помилование, не раньше. О, де Пуэбла знает, что слово Джона Кастелла так же ценится в Лондоне, как и среди евреев Гранады и купцов Севильи. В обоих этих городах я слышал о богатстве купца Кастелла.

При этих словах глаза Кастелла вспыхнули, но он только сказал:

— Может быть. Но как я могу добраться до посла, сеньор?

— Если вы разрешите, это будет моя задача. А теперь скажите, какую сумму вы считаете возможной, чтобы выручить вашего друга из неприятностей. Пятьдесят золотых?

— Это слишком много, — возразил Кастелл. — Убитый мерзавец не стоит и десяти. Кроме того, шотландец был нападающей стороной и платить вообще ничего не следует.

— Сеньор, в вас говорит купец. Вы опасный человек, если вы думаете, что миром должна управлять справедливость, а не короли. Мерзавец не стоит ничего, но слово де Пуэбла, замолвленное королю Генриху, стоит дорого.

— Ладно, пусть будет пятьдесят золотых, — сказал Кастелл, — и я заранее благодарю вас за посредничество. Вы возьмете деньги сейчас?

— Ни в коем случае. Только тогда, когда я принесу решение о помиловании. Сеньор, я буду у вас и сообщу, как обстоят дела. Прощайте, прекрасная сеньора. Пусть святые заступятся за того покойного мошенника, благодаря которому я познакомился с вами, и благословят ум вашего отца и крепкую руку вашего кузена. До следующей встречи.

Д'Агвилар с поклоном удалился, провожаемый слугой.

— Томас, — сказал Кастелл слуге, когда тот вернулся, — ты умеешь хранить тайны. Надень-ка шапку и плащ и проследи, куда пошел этот испанец. Узнай, где он живет, и выспроси о нем все, что сумеешь. Поторапливайся!

Слуга поклонился и исчез. Кастелл прислушался, пока не донесся стук запираемой двери, потом повернулся к Питеру и Маргарет и сказал:

— Не нравится мне это дело. Я чувствую, оно принесет нам несчастье. И испанец этот мне тоже не нравится.

— Он выглядит очень благородным джентльменом и высокого происхождения, — сказала Маргарет.

— Да, очень благородным, слишком благородным, и высокого происхождения, слишком высокого, если я не ошибаюсь. Таким благородным и такого высокого происхождения... — Кастелл остановился и затем добавил: — Дочь моя, ты своим своеволием привела в движение страшные силы. Иди в постель и моли бога, чтобы они не обрушились на наш дом и не сокрушили его и нас.

Маргарет удалилась, перепуганная и слегка возмущенная — что плохого она сделала? И почему ее отец не доверяет этому красивому испанцу?

Когда она ушла, Питер, который за все время почти ничего не произнес, поднял голову и прямо спросил:

— Чего вы боитесь, сэр?

— Многого, Питер. Во-первых, что из меня благодаря этому делу вытянут много денег. Известно ведь, что я богат. А вытянуть деньги не считается тяжелым грехом. А во-вторых, если я буду проти-

виться, это может вызвать вопросы.

— Какие вопросы?

— Ты слышал когда-нибудь, Питер, о новых христианах, которых испанцы называют маранами?

Питер кивнул головой.

— Тогда ты должен знать, что мараны — это крещеные евреи. Так вот, — я рассказываю тебе об этом потому, что ты умеешь хранить тайны, — мой отец был мараном. Как звали его, не важно, пусть лучше имя его будет забыто. Но он бежал из Испании в Англию по причинам, которые касались его одного, и взял имя той страны, откуда приехал, — Кастилии, или Кастелл. А так как закон не разрешает евреям жить в Англии, он принял христианскую веру. Не доискивайся причин, почему он это сделал, они похоронены вместе с ним. Он крестил и меня, своего единственного сына. Мне тогда было десять лет. Его очень мало интересовало, как я клялся: отцом Авраамом или святой Марией. Документ о моем крещении до сих пор лежит у меня в стальном ящике. Так вот, отец был умный человек, и он создал свое дело. Когда же двадцать пять лет назад он умер, то оставил мне немалое состояние. В этот же год я женился на англичанке, двоюродной сестре твоей матери. Я любил ее, был счастлив

с ней и дал ей все, о чем она могла мечтать. Но после рождения Маргарет — это было двадцать три года назад, — она заболела и уж не могла оправиться. Спустя восемь лет она умерла. Ты помнишь ее, ведь ты был уже юношей, когда она привезла тебя сюда и взяла с меня обещание, что я всегда буду помогать тебе, так как, кроме твоего отца, сэра Питера, не оставалось никого из вашего старинного рода. Сэр Питер вопреки моему совету поставил все на этого узурпатора и мошенника Ричарда, который обещал облагодетельствовать его, а сам тем временем забрал у него все деньги. Твой отец был убит при Босворте, оставив тебя без земель, без денег и в немилости, и тогда я предложил тебе кров, и ты, как умный человек, снял свои доспехи и надел суконную одежду купца, став моим партнером по торговле, хотя твоя доля в прибылях была ничтожна. Теперь ты опять сменил трость на сталь, — и Кастелл глянул на меч шотландца, лежавший на маленьком столике, — а Маргарет вызвала к жизни те страшные силы, о которых я говорил.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Этого испанца, которого она привела в дом и нашла таким приятным.

— Вы что-нибудь знаете о нем?

— Подожди минутку, и я расскажу тебе.

Джон Кастелл взял лампу и вышел из комнаты. Вскоре он вернулся, держа в руках письмо и расшифрованный текст, написанный его собственной рукой.

— Это, — сказал он, — письмо от моего компаньона и родственника Хуана Бернальдеса, марана, живущего в Севилье, где находится двор Фердинанда и Изабеллы. Помимо других дел, он пишет мне: «Я предупреждаю всех братьев в Англии, чтобы они были осторожны. Я узнал, что некто, чье имя я не могу упомянуть даже в шифрованном письме, могущественный и высокопоставленный человек, который, хотя и известен как любитель наслаждений и распутник, является одним из самых ярых фанатиков Испании, послан или в ближайшее время будет послан из Гранады, где он жил, чтобы наблюдать за маврами, в Англию в качестве посла, для того чтобы заключить секретное соглашение с королем. Должен быть составлен список богатых маранов, имена которых хорошо известны здесь, с тем чтобы, когда настанет момент для истребления всех евреев и маранов, их можно было схватить и доставить в Испанию на суд инквизиции. Он должен также договориться о том, чтобы

ни одному еврею или марану не разрешалось искать убежища в Англии. Используй эту информацию и предупреди всех, кого это касается».

— Вы думаете, д'Агвилар и есть этот человек? — спросил Питер, пока Кастелл складывал письмо и прятал его в карман своего камзола.

— Думаю, да. Я уже слышал, что лиса вышла на охоту и надо следить за своими курятниками. А ты разве не заметил, что он крестился как священник и как он говорил о том, что находится среди добрых христиан? Потом, сейчас великий пост, а у нас, к несчастью, на столе было мясо, хотя никто из нас не ел его. Ты ведь знаешь, — добавил поспешно Кастелл, — я не очень строго соблюдаю всякие церковные правила. Испанец заметил это и притронулся только к рыбе, хотя выпил немало сладкого вина. Я уверен, сообщение об этом мясе будет отправлено в Испанию с первым же курьером.

— А если и так, что за беда? Мы живем в Англии, и англичане не подчиняются испанским законам и обычаям. По-моему, сеньор д'Агвилар убедился в этом сегодня около дворца. Последствий этой ссоры следует бояться здесь, дома. И пока мы в безопасности в Лондоне, нам ничего не угрожает из Испании.

— Я не трус, но я думаю, Питер, опасность гораздо серьезнее. У римского папы длинные руки, а у хитрого Фердинанда еще длиннее. И оба они тянутся к горлу и к кошелькам еретиков.

— Но мы не еретики.

— Да, вероятно, не еретики, но мы богаты, а отец одного из нас был еврей. К тому же в этом доме есть еще кое-что, чего может пожелать даже самый верный сын святой церкви. — И Джон Кастелл посмотрел на дверь, через которую ушла Маргарет.

Питер понял — его сильные руки сжались в кулаки, а серые глаза вспыхнули.

— Я пойду спать, — сказал он. — Я хочу подумать.

— Нет, — ответил Кастелл, — наполни свой бокал и посиди. Мне нужно еще кое-что сказать тебе, а такого подходящего момента у нас не будет. Кто знает, что может случиться завтра.

ГЛАВА III. ПИТЕР СОБИРАЕТ ФИАЛКИ

Питер послушно сел в глубокое дубовое кресло у потухшего камина и, по своему обыкновению, молча ждал, что скажет Кастелл.

— Слушай, — начал тот. — Пятнадцать месяцев назад ты говорил со мной кое о чем.

Питер кивнул головой.

— О чем ты тогда говорил?

— Что я люблю мою кузину Маргарет и прошу у вас разрешения сказать ей об этом.

— И что я ответил?

— Что вы запрещаете, потому что недостаточно испытали меня и она сама не испытала себя. И потому еще, что она будет очень богата и при ее красоте может рассчитывать на мужа с более высоким положением, хотя она и дочь купца.

— Ну, а дальше?

— А дальше ничего. — Питер медленно выпил свое вино и поставил стакан на стол.

— Ты очень молчаливый человек, даже когда дело идет о любви, — сказал Кастелл, пристально глядя на него своими острыми глазами.

— Я молчу, потому что говорить больше нечего. Вы приказали мне молчать, я и молчу.

— Даже тогда, когда ты видишь, как эти блестящие лорды делают ей предложения и она сердится, потому что ты никак не проявляешь своей любви, и уж готова уступить кому-либо из них?

— Да, даже тогда. Это тяжело, но я молчу. Разве я не ем ваш хлеб? Что же я должен обманывать вас и нарушать ваш запрет?

Джон Кастелл опять посмотрел на него, и на этот раз в его взгляде было уважение и любовь.

— Молчалив и суров, но честен, — сказал он как будто про себя и тут же добавил: — Тяжелое испытание, но я понимал это и помогал тебе самым лучшим образом, отправляя этих поклонников — а все они нестоящие люди — к чертям. Теперь скажи, ты по-прежнему хочешь жениться на Маргарет?

— Я редко меняю мои решения, а в таком деле никогда.

— Отлично! Тогда я разрешаю тебе узнать, что она думает по этому поводу.

Лицо Питера вспыхнуло от радости, которую он не мог скрыть. Но затем, как будто устыдившись такого проявления чувств, он взял стакан

и выпил несколько глотков вина, прежде чем ответить.

— Благодарю вас. Я даже не смел думать об этом. Но, по чести говоря, я действительно не пара кузине Маргарет. Земель, которые должны были принадлежать мне, у меня нет, и я ничего не скопил из того, что вы платите мне за мою скромную помощь в торговле. А Маргарет богата или будет богата.

Глаза Кастелла блеснули, ответ ему понравился.

— Зато у тебя честное сердце, — сказал он. — Какой мужчина в подобном случае стал бы говорить против себя? Кроме того, ты благородного происхождения и недурен собой; во всяком случае, так думают некоторые девушки. Что же касается богатства, то, как говорил мудрый царь нашего народа, богатые часто приделывают себе крылья и улетают. Больше того: я тебя полюбил и стал уважать, и я охотнее отдам свое единственное дитя тебе, чем любому лорду Англии.

— Я даже не знаю, что сказать, — прервал его Питер.

— Ничего не говори. Это твоя привычка, и неплохая. Слушай. Ты только что вспомнил о своих землях в Эссексе, в чудесной долине Дедхэма,

как о пропавших. Так вот, они возвращены. Месяц назад я купил их и даже по цене более высокой, чем мне хотелось бы, так как на них были другие претенденты. И как раз сегодня я выплатил все в золоте и получил купчую. Она — на твое имя, Питер Брум, и, женишься ты на моей дочери или нет, земли будут твоими, когда я умру, потому что я обещал моей покойной жене помогать тебе, а она ребенком жила в вашем замке.

Взволнованный молодой человек вскочил на ноги и обратился, как было принято в то время, к святому, чье имя он носил:

— Святой Петр, благодарю тебя…

— Я просил тебя помолчать, — перебил его Кастелл, — к тому же, кроме бога, благодарить нужно только Джона, а не святого Петра, который имел к этим землям не больше отношения, чем отец Авраам или терпеливый Иов. Ну, с благодарностью или без, но эти земли твои, хотя я и не собирался пока говорить тебе об этом. А сейчас я хочу кое-что предложить. Во-первых, скажи мне, что думает Маргарет по поводу твоего каменного лица и сжатых губ.

— Откуда я знаю? Я никогда не спрашивал ее об этом. Вы запретили мне.

— Ха! Живя в одном доме, в вашем возрасте, я

бы узнал все, и не нарушая слова. Однако темпераменты бывают разные, а ты слишком честен для влюбленного. Скажи, испугалась она сегодня, когда этот негодяй бросился на тебя с мечом?

Питер подумал:

— Не знаю, я не смотрел на нее. Я смотрел на шотландца и его меч, иначе был бы мертв я, а не он. Но, конечно, Маргарет сильно испугалась, когда тот негодяй схватил ее, ведь она громко позвала меня.

— Ну, и что же? Какая женщина в Лондоне не позвала бы на помощь такого парня, как Питер Брум, в подобном случае? Ладно, ты должен спросить Маргарет, и поскорее, если ты сможешь найти слова. Поучись у этого испанского лорда — шаркай ногой, кланяйся и льсти, рассказывай ей всякие басни про войну и посвящай стихи ее глазам и волосам. Питер, ты же не дурак. Неужели я в мои годы должен учить тебя, как ухаживать за женщинами!

— Может быть, сэр. Я не умею делать ничего подобного, а стихи мне трудно читать, не то что писать. Но я могу задать вопрос и получить ответ…

Джон Кастелл нетерпеливо покачал головой:

— Спрашивай, если ты хочешь, но никогда не

принимай ответа, если он отрицательный. Лучше подожди и спроси еще раз…

— И если понадобится, — продолжал Питер, не замечая, что его прервали, — я могу переломать этому испанцу все его кости, как веточки.

— Ну что ж, возможно, тебе и придется это сделать прежде, чем все это кончится. Что касается меня, то я думаю, что кости ему ломать нужно. А ты поступай как знаешь, спрашивай как умеешь. Но спрашивай! Я хочу услышать ответ до завтрашнего вечера. Однако становится поздно, а мне нужно еще кое-что сказать тебе. Мне угрожает опасность. О моем богатстве прослышали за границей, и есть немало людей, которые мечтают поживиться. Среди них, я полагаю, и некоторые высокие персоны. Так вот, Питер, я хочу закрыть свою торговлю и удалиться туда, где никто не найдет меня, — в твой замок в Дедхэме, если ты приютишь меня там. Уже больше года прошло с того дня, как ты заговорил со мной о Маргарет. Я собираю свои деньги в Испании и Англии, вкладываю их небольшими суммами в надежные дела, покупаю драгоценности или одалживаю деньги купцам, которым я доверяю и которые не ограбят ни меня, ни моих близких. Ты хорошо работал у меня, Питер, но ты не купец, у тебя нет

этого в крови. Денег у нас более чем достаточно, я передам свое дело другим. Они продолжат его под своим именем, но на паях, и, если бог позволит, святки мы будем проводить в Дедхэме.

В эту минуту открылась дверь, и в комнату вошел слуга, которого Кастелл посылал проследить за испанцем.

— Ну, что скажешь? — обратился к нему Кастелл.

Слуга поклонился и начал рассказывать:

— Я шел за сеньором, как вы приказали мне, до его дома, но он не заметил меня. Он живет неподалеку от Вестминстерского дворца, в том же большом доме, где и посол де Айала. Люди, стоявшие у его дома, снимали перед ним шляпы. Потом я приметил, что некоторые из них вошли в таверну. Я последовал за ними, заказал себе вина и стал прислушиваться к их разговорам. Испанский язык я знаю хорошо, ведь я служил пять лет в вашей конторе в Севилье. Они обсуждали сегодняшнюю драку и говорили, что если бы они поймали того длинноногого парня, имея в виду мастера Питера, то расправились бы с ним, так как он опозорил их, убив своей палкой шотландца, который был их начальником. Я разговорился с ними, выдав себя за английского матроса, бы-

вавшего не раз в Испании. Они были слишком пьяны, чтобы задавать мне вопросы. А я спросил их о высоком сеньоре, который вмешался в драку, перед тем как прибыл король. Они объяснили, что это богатый сеньор, по имени д'Агвилар, но служить ему во время поста плохо, потому что он очень строг в религии, хотя во всем другом совсем не строг. Я сказал, что принял его за очень знатного дворянина, и тогда один из них ответил, что я прав и в Испании нет более высокого рода, чем род этого господина, но, к несчастью, его родословная не так уж чиста — в его крови есть немного чернил.

— Что это значит? — спросил Питер.

— Это испанское выражение, — объяснил ему Кастелл, — оно означает, что он незаконнорожденный и что в его венах есть кровь мавров.

— Потом я поинтересовался, что здесь делает этот господин, а солдат ответил мне, что с этим вопросом лучше обращаться к самому господу богу или к королеве Испании. В конце концов после еще одной кружки вина солдат рассказал мне, что этот сеньор большей частью живет в Гранаде и что если я навещу его там, то увижу немало прелестных женщин. А имя его маркиз Нигель. Я заметил, что это значит маркиз Никто, на что

солдат заявил мне, что я слишком любопытен и что он именно так и хотел сказать — никто. Он тут же крикнул своим товарищам, что я шпион, и я решил, что пора уходить, а то они были так пьяны, что могли изувечить меня.

— Хорошо, Томас, — сказал Кастелл. — Сегодня ты на страже? Посмотри хорошенько, чтобы двери были на запоре и мы могли спать спокойно, не боясь испанских воров. Иди отдыхай, Питер. А я еще задержусь. Мне нужно написать письма в Испанию, чтобы отправить с кораблем, который уходит завтра вечером.

Когда Питер ушел, Джон Кастелл потушил все свечи, за исключением одной. Со свечой в руке он прошел в небольшой зал, в котором в старые времена, когда этот дом принадлежал знатному дворянину, находилась домашняя церковь. Здесь стоял алтарь и над ним распятие. Джон Кастелл преклонил колено перед алтарем — даже в этот ночной час он не был уверен, что за ним не следят чьи-нибудь глаза, — затем поднялся, проскользнул за алтарь, приподнял занавес и нажал пружину, скрытую в деревянной панели. Дверь открылась в крохотную потайную комнатку без окон, скрывавшуюся в толщине стены. Возможно, здесь когда-то священник хранил свое

облачение или священные дары.

Сейчас в этой комнатке стоял простой дубовый стол, на нем свечи, небольшой деревянный ящик и несколько свитков пергамента. Джон Кастелл пал ниц перед этим столиком и начал горячо молиться отцу Аврааму. Хотя отец и крестил его, когда он был мальчиком, Джон Кастелл остался верен своей религии. Именно поэтому он так тревожился за свою тайну. Если это будет обнаружено, он погибнет — его уделом и уделом его семьи будет смерть, ибо в те времена не было более страшного преступления, чем молиться другому богу, кроме того, которому разрешала молиться святая церковь. Однако в течение многих лет он шел на этот риск, молясь так же, как молились его предки.

Окончив молитву, Кастелл покинул свою тайную молельню, закрыл потайную дверь и прошел в контору. Там он просидел до рассвета сначала за письмом к своему другу в Севилью, а потом зашифровывая его. Он запечатал письмо, сжег черновик, потушил свечу и подошел к окну посмотреть на восход солнца. В саду под его окном цвели бледные примулы, пели дрозды.

— Интересно, — сказал он вслух, — увижу ли я эти цветы, когда они вновь распустятся? У меня

ощущение, что петля уже затягивается на моей шее. Я почувствовал это, когда проклятый испанец перекрестился за моим столом. Ну что ж, пусть будет что будет, я постараюсь скрывать правду, пока смогу, но если они откроют мою тайну, я не стану отрицать ее. Большая часть моих денег в сохранности, моего богатства им никогда не получить, теперь я устрою свою дочь — с Питером она будет в безопасности. Мне не нужно было откладывать это так долго, но я мечтал о хорошей партии для нее — ведь она, как христианка, могла на это рассчитывать. Я исправлю свою ошибку — не позже завтрашнего утра она будет помолвлена с Питером и не позже мая станет его женой. Бог моих отцов, дай нам спокойно и в безопасности прожить еще один месяц, а потом возьми мою жизнь, ибо я публично отрекся от тебя.

Раньше чем Джон Кастелл отправился к себе в спальню, Питер уже был на ногах — по правде говоря, он почти не спал эту ночь. Разве мог он заснуть, когда между заходом и восходом солнца судьба его изменилась столь удивительным образом. Еще вчера он был только помощником купца — подходящее ли занятие для человека, приученного владеть оружием и с честью но-

сившего его? Сегодня Питер стал джентльменом, владельцем обширных земель, принадлежавших многим поколениями его предков. Вчера он был безнадежным влюбленным, так как в глубине души он никогда не верил, что богатый Джон Кастелл позволит ему, бедняку без кола, без двора, ухаживать за его дочерью — самой прекрасной и самой богатой невестой в Лондоне. Он уже просил однажды его разрешения, но, как и ожидал, получил отказ. Будучи человеком слова, Питер ни разу не сказал Маргарет ни единого нежного слова, не пожал ей руки, даже не смотрел ей в глаза. Иногда, правда, ему казалось, что она не была бы против, если бы он сделал что-нибудь подобное. Пожалуй, Маргарет бывала даже удивлена, что он этого не делает. Больше того: теперь он понял, что даже ее отец удивлен его сдержанностью. Такова была странная награда за добродетель.

Питер любил Маргарет. С тех пор как мальчиком он играл с ней, он не любил никого, кроме нее. Она одна заполняла его мысли днем и сны по ночам. Она была его надеждой, его путеводной звездой. Небо представлялось ему местом, где он всегда будет вместе с Маргарет, земля без нее могла быть только адом. Только ради нее он оставался в лавке Кастелла, подставляя свою гордую

шею под ярмо торговца, занимаясь торговыми операциями, выслушивая грубости от купцов и знатных покупателей, принимая чеки, торгуясь, и все это без малейшего неудовольствия, хотя частенько ему казалось, что он не выдержит и отвращение к такой жизни задушит его. Ведь только из-за нее он оказался здесь, вместо того чтобы вдали отсюда мечом пробивать себе дорогу к славе и успеху или этим же мечом вырыть себе могилу. Здесь он мог быть рядом с Маргарет, мог касаться ее руки утром и вечером, видеть сияние ее необыкновенных глаз, а иногда, когда она наклонялась над ним, чувствовать ее дыхание на своих волосах. И вот теперь испытание приходит к концу — ему вдруг приоткрылись врата рая.

Но что, если Маргарет окажется ангелом с огненным мечом, запрещающим ему войти в рай? Питер трепетал при этой мысли. Ну что ж, пусть будет что будет, он не станет силой навязываться ей или звать на помощь ее отца. Он сделает все, чтобы завоевать ее благосклонность, а если потерпит поражение, благословит ее и не будет досаждать ей.

Рассвет еще только наступал, но Питер не мог дольше лежать в постели. Он встал и быстро оделся. У открытого окна он произнес молитву,

поблагодарив бога за все прошлые милости, и попросил его благословения. Взошло солнце, и вдруг Питера охватило страстное желание оказаться на лоне природы, наедине с небом, птицами и деревьями. Ведь он родился в деревне и не любил город, а здесь, в Лондоне, куда ни пойдешь, обязательно всюду люди. Тут же он вспомнил, что теперь ему нельзя ходить по улицам одному, без охраны, — испанцы могут подкараулить его и захватить врасплох. Остается сад — туда он может пойти погулять.

Питер спустился по широкой дубовой лестнице, отпер дверь и очутился в саду. Хотя сад содержался не очень хорошо, но зато для Лондона он был достаточно велик. Сад окружала высокая стена. Одна из дорожек вела к старым вязам. Под ними была скамейка, невидимая из окон дома. Летом она была излюбленным местом Маргарет, которая также всей душой любила природу. Сад доставлял ей большую радость — почти все цветы были посажены ее руками.

Некоторое время Питер прогуливался по аллее. Случилось так, что Маргарет, тоже плохо спавшая этой ночью, проснулась рано и увидела Питера сквозь шторы окна. Ей стало любопытно, что он делает в саду в такой ранний час и почему он одет

в свой лучший костюм. Может быть, подумала она, его обычная одежда оказалась порванной или испачканной во вчерашней стычке? Тут Маргарет вспомнила, как храбро вел себя Питер во время этого столкновения. Она как будто вновь увидела все это — как сильные руки Питера схватили огромного рыжего негодяя и швырнули его на землю, как Питер отражал удары сверкающей стали одной только тростью, потом последовал его удар, и оскорбитель упал мертвым.

Да, ее кузен Питер был настоящим мужчиной, хотя и несколько странным. Вспомнив некоторые непонятные для нее вещи, Маргарет пожала плечами и надула губки. Этот испанец за один час сказал ей больше учтивых слов, чем Питер за два года. К тому же испанец красив, и у него очень благородный вид. Но, в конце концов, испанец — это испанец, и все другие мужчины — только другие мужчины, а Питер — это Питер, человек особенный, интересующийся женщинами так же мало, как и торговлей.

Но почему же он, человек, который не интересуется ни женщинами, ни торговлей, живет здесь, думала она. Чтобы нажить богатство? Это было трудно предположить. Очевидно, деньги тоже мало его интересовали. Во всем этом была

какая-то тайна. Маргарет очень хотелось бы заглянуть в сердце Питера и увидеть, что скрыто там. Ни один мужчина не имел права оставаться загадкой для нее. Да, в один прекрасный день она это сделает, чего бы это ей ни стоило.

Маргарет вспомнила, что она так и не поблагодарила Питера, больше того — предоставила ему идти домой с Бетти, а это путешествие, как она поняла из оживленного рассказа своей кузины, когда та раздевала ее, не доставило удовольствия ни ему, ни ей. Здесь надо разъяснить, что Бетти была сердита на Питера за то, что он однажды сказал ей, что она красивая дура, которая слишком много думает о мужчинах и слишком мало о своих делах. Маргарет подумала, что, когда начнется день со всеми его заботами, она уже не сможет поговорить с Питером, и решила сойти вниз, поблагодарить его и попробовать заставить его хоть на этот раз заговорить.

Итак, Маргарет завернулась в свой отороченный мехом плащ, накинула на голову капюшон, ибо апрельское утро было довольно холодным, и спустилась в сад. Однако, когда она оказалась в саду, Питера там уже не было. Маргарет пожалела, что она так рано пришла в сад, где было еще сыро, и стала подумывать, не пора ли ей

вернуться. Тут она решила, что будет глупо, если кто-нибудь увидит ее, и направилась по дорожке, делая вид, что ищет фиалки. Но фиалок не было. Так она дошла до старых вязов в глубине сада и меж их древних стволов увидела Питера. Теперь она поняла, почему не нашла фиалок — их собрал Питер. В эту минуту он был занят тем, что пытался, довольно неуклюже, связать их травою вместе с листьями в небольшой букет, в левой руке он держал фиалки, правой тянул за один конец травинки, а так как ему не хватало пальцев ухватить другой конец, то Питер пытался сделать это с помощью зубов. Наконец ему удалось затянуть узелок, но стебелек травы разорвался, и фиалки рассыпались. Тут у Питера вырвалось такое словечко, которое не следует произносить даже наедине с самим собой.

— Я знала, что это случится, — воскликнула Маргарет, — но никогда не думала, что ты способен рассердиться из-за такого пустяка.

Питер поднял глаза и увидел Маргарет, освещенную солнцем, свежую и прекрасную, как сама весна. Она с упреком покачала головой, и от этого движения капюшон упал, ее губы и глаза смеялись. Маргарет была так прекрасна, что при виде ее у Питера дрогнуло сердце. Но, вспомнив

вырвавшиеся у него только что слова и кое-что сказанное накануне Кастеллом, он покраснел так отчаянно, что щеки Маргарет от сочувствия к нему тоже зарделись. Это было глупо, но Маргарет ничего не могла с собой поделать. Питер сегодня был какой-то странный, и это невольно взволновало ее.

— Для кого ты так рано собираешь фиалки? — спросила она. — Тебе сейчас нужно было бы молиться за душу шотландца.

— Меня совершенно не интересует его душа! — раздраженно буркнул Питер. — Если у этого негодяя была душа, то он должен был сам позаботиться о ней. А фиалки я собираю для тебя.

Маргарет изумленно раскрыла глаза. У Питера никогда не было привычки преподносить ей цветы. Неудивительно, что он выглядел так странно.

— Ну, тогда я помогу тебе связать их. Ты знаешь, почему я встала так рано? Это все из-за тебя. Я дурно вела себя вчера вечером. Я рассердилась, потому что ты перечил мне, когда я хотела остаться посмотреть на короля. Я так и не поблагодарила тебя за все, что ты сделал, хотя в глубине души я так признательна тебе. Ты выглядел очень благородно, стоя с мечом в руке,

окруженный англичанами. Иди сюда, и я как следует поблагодарю тебя.

Питер от растерянности выронил и остальные фиалки. В этот момент его осенила идея, и он сказал:

— Ты видишь, я не могу подойти к тебе. И если ты действительно хочешь отблагодарить меня за такой пустяк, иди сюда и помоги мне собрать эти фиалки, черт бы их побрал, у них такие короткие стебли!

Маргарет чуть помедлила, затем подошла поближе, наклонилась и начала подбирать фиалки одну за другой. Питер рассыпал их на довольно большом пространстве, и сначала он и Маргарет находились далеко друг от друга, но по мере того как фиалок становилось все меньше, они сближались. Наконец на земле остался только один цветок, и оба потянулись за ним. Маргарет схватила фиалку, а Питер — ее руку. Они выпрямились, и лица их оказались совсем рядом — глаза Маргарет сияли, а в глазах Питера вспыхнуло пламя. Секунду смотрели они друг на друга, и неожиданно Питер поцеловал ее в губы.

ГЛАВА IV. ВЛЮБЛЕННЫЕ

— Питер! — задохнулась от волнения Маргарет. — Питер!

Но Питер не отвечал, только его лицо стало таким бледным, что шрам от удара меча, пересекавший щеку, казался красной ниткой узора, вышитого на белой скатерти.

— Питер, — повторила Маргарет, освобождая свою руку, — ты понимаешь, что ты сделал?

— По-моему, ты сама понимаешь, — пробормотал Питер, — зачем же мне объяснять?

— Значит, это не случайно! Значит, ты действительно хотел этого! И тебе не стыдно!

— Если бы это было случайно, то я не прочь чаще сталкиваться с такими случайностями.

— Питер, пусти меня! Я сейчас же скажу обо всем отцу.

Питер радостно улыбнулся:

— Можешь все рассказать ему. Он не будет сердиться. Он сам сказал мне…

— Питер, как ты смеешь еще и лгать! Не хочешь ли ты убедить меня, что мой отец велел тебе поцеловать меня и сделать это непременно в шесть

часов утра?

— Он ничего не говорил о поцелуях, но я думаю, что он имел это в виду. Он сказал мне, что я могу просить тебя выйти за меня замуж.

— О, это совсем другое дело! — ответила Маргарет. — Если бы ты попросил меня выйти замуж и я после долгого раздумья сказала бы «да», чего мне, конечно, не следовало бы делать, тогда, может быть, перед нашей свадьбой ты мог бы поцеловать меня... А ты начал с этого, и это бессовестно и безнравственно с твоей стороны, и я никогда не буду больше разговаривать с тобой.

— Тем более я должен поговорить с тобой, — покорно заметил Питер, — раз у меня есть такая возможность. Ты не должна уходить, прежде чем не выслушаешь меня. Послушай, Маргарет, я люблю тебя с той поры, когда тебе было еще двенадцать лет...

— Это новая ложь, Питер, или ты сошел с ума. Если ты любишь меня целых одиннадцать лет, ты бы сказал мне об этом.

— Я давно хотел сказать, но твой отец запретил мне. Я просил у него разрешения пятнадцать месяцев назад, но он взял с меня слово, что я ничего не скажу тебе.

— Ничего не скажешь?.. Но он же не мог заста-

вить тебя обещать никак не показывать этого.

— По-моему, это одно и то же. Теперь я понимаю, что вел себя, как дурак, и, кажется, упустил время.

Питер выглядел таким удрученным, что Маргарет несколько смягчилась.

— Ну что ж, — сказала она, — по крайней мере, это было честно, и я рада, что ты честен.

— Ты только что сказала, что я лгал… дважды. Если я честен, как я мог лгать?

— Я не знаю. Для чего ты загадываешь мне загадки? Дай мне уйти и постарайся забыть все это.

— Только после того, как ты прямо ответишь мне. Ты выйдешь за меня замуж? Если нет, то тебе незачем уходить, потому что тогда уйду я и не буду больше тебя беспокоить. Ты знаешь меня и знаешь все обо мне. Мне нечего тебе больше сказать, кроме того, что, хотя ты можешь найти более красивого мужа, ты никогда не найдешь такого, который любил бы тебя и заботился о тебе больше, чем я. Я знаю, что ты очень красива и очень богата, а я некрасив и небогат. Я не раз молил небо, чтобы ты была не такой богатой и не такой красивой, потому что иногда это приносит несчастье женщине, когда она честна и имеет

только одно сердце, чтобы отдать его мужчине. Но это так, и я не могу ничего изменить. И хотя у меня мало шансов на успех, но я решил довести дело до конца. Есть ли у меня какая-нибудь надежда, Маргарет? Скажи мне и положи конец моим страданиям. Я ведь не умею много говорить.

Теперь заволновалась Маргарет, обычная кокетливая уверенность покинула ее.

— Так делать не полагается, — прошептала она, — и я не хочу… Я поговорю с отцом. Он даст тебе ответ.

— Не нужно беспокоить его, Маргарет. Он уже сказал свое слово. Его самое большое желание — чтобы мы поженились. Твой отец хочет оставить торговлю и поселиться с нами в Дедхэме, в Эссексе. Он купил там имение моего отца.

— Ты полон странными новостями сегодня утром, Питер.

— Да, Маргарет, колесо нашей жизни, которое тащилось так медленно, сегодня закрутилось. Наверно, бог там, над нами, подхлестнул лошадей нашей судьбы, и они понеслись галопом, куда — я не знаю. Будут ли они бежать вместе или врозь? Это ты должна сказать.

— Питер, — попросила она, — дай мне немного

подумать.

— Хорошо, целых десять минут по часам, а если нет, то всю твою жизнь, потому что я соберу свои вещи и уеду. Пусть говорят, что я боялся быть схваченным за убийство солдата.

— Это нехорошо с твоей стороны — так настаивать.

— Нет, так лучше для нас обоих. Может быть, ты любишь другого?

— Должна тебе признаться, да, — прошептала Маргарет, незаметно взглянув на него.

Тут Питер, как ни крепок он был, побледнел и в волнении отпустил ее руку, все еще державшую фиалки. Маргарет с удивлением посмотрела на него.

— Я не имею права спрашивать тебя, кто он, — пробормотал Питер, пытаясь прийти в себя.

— Конечно, нет, но я скажу тебе: это мой отец. Какого еще мужчину я могу любить?

— Маргарет, — с гневом вскричал Питер. — Ты дразнишь меня!

— Почему? Какого еще мужчину могу я любить… разве только тебя…

— Я не могу больше переносить эту игру! — вырвалось у Питера. — Прощайте, госпожа Маргарет. Да будет с вами бог! — И он бросился

бежать.

— Питер! — позвала она, когда он пробежал уже несколько ярдов. — Хочешь взять эти фиалки на прощанье?

Питер остановился.

— Тогда иди сюда и возьми их.

Питер подошел. Чуть дрожащими пальцами Маргарет стала прикалывать цветы к его камзолу, придвигаясь все ближе к нему, пока ее дыхание не коснулось его лица, а волосы не задели его шляпу. И не важно, как это случилось, но фиалки опять оказались на земле, она вздохнула, а Питер обнял ее своими сильными руками и начал целовать в волосы, в глаза, в губы. Она не сопротивлялась.

Наконец она оттолкнула его и, взяв за руку, заставила сесть на скамейку и сама села на некотором расстоянии.

— Питер, — прошептала она, переводя дыхание, — я должна сказать тебе кое-что. Питер, ты плохо думаешь обо мне? Нет, нет, молчи, теперь моя очередь говорить. Ты думаешь, что я бессердечная и играю тобой. Я делала это только для того, чтобы убедиться, что ты действительно любишь меня. Теперь я уверена и хочу сказать тебе. Я люблю тебя так же давно и так же сильно, как

и ты. Иначе разве я не могла бы выйти замуж за кого-нибудь из моих многочисленных поклонников? И признаюсь тебе, к стыду своему, однажды я так рассердилась на тебя за твое молчание, что чуть не вышла замуж за другого. И все-таки я не смогла сделать этого. Питер, когда я увидела вчера, как ты с одной только тростью в руках защищал меня, и подумала, что тебя могут убить, тогда я поняла всю правду, и сердце мое чуть не разорвалось. И если бы ты умер, оно разорвалось бы. Но теперь все это позади, и мы знаем тайну друг друга. Ничто теперь не разлучит нас. Только смерть.

Так говорила Маргарет, и Питер жадно впитывал ее слова, подобно тому как пустыня, иссушенная годами засухи, впитывает капли дождя. Он смотрел в ее лицо, с которого исчезла насмешливость, — это было лицо самой прекрасной и самой серьезной женщины, к которой неожиданно пришло сознание, что такое жизнь со всеми ее радостями и тяготами. Когда Маргарет кончила говорить, этот молчаливый мужчина, который даже в минуту величайшего счастья оставался немногословным, сказал:

— Бог был добр к нам! Поблагодарим его.

Так они и сделали. Их молитва была детски

простодушной, они верили, что сила, которая соединила их, научила любить друг друга, благословит и защитит их от всех бед, врагов и зла на всю жизнь.

Они еще долго сидели, то разговаривая, то опять замолкая. И вдруг после одного из таких моментов блаженного молчания они оба чего-то испугались — так бывает, когда темная туча среди ясного дня вдруг закрывает солнце и грозит ураганом и ливнем.

— Пойдем, уже пора, — сказала Маргарет. — Отец будет искать нас.

Они молча вышли из укрытия старых вязов на поляну. И вдруг Маргарет заметила, что ее нога наступила на чью-то тень. Она подняла глаза: перед ней стоял не кто иной, как сеньор д'Агвилар, серьезно и немного иронически смотревший на них. Возглас испуга вырвался у Маргарет, а Питер, повинуясь инстинкту храброго человека, всегда идущего навстречу опасности, шагнул к испанцу.

— Матерь божья! Уж не приняли ли вы меня за вора? — В голосе д'Агвилара была насмешка.

Чтобы не столкнуться с Питером, испанец посторонился.

— Извините, сеньор, — ответил, придя в себя

Питер, — но вы появились столь неожиданно. Мы меньше всего ожидали видеть вас здесь.

— Не более, чем я мог думать, что встречу вас. Мне кажется, в саду несколько неуютно в такое холодное утро. — И д'Агвилар оглядел их обоих своими внимательными, насмешливыми глазами. Под его испытующим взглядом молодые люди покраснели. — Позвольте мне объяснить, — продолжал д'Агвилар. — Я явился сюда так рано по вашему делу — предупредить вас, мистер Питер, чтобы вы не выходили сегодня из дому, так как есть приказ о вашем аресте, а я еще не имел возможности уладить это дело и добиться его отмены. Совершенно случайно я встретил ту красивую леди, которая была с вами вчера. Она возвращалась с рынка и сказала мне, что она ваша кузина. У нее добрая душа. Она привела меня в дом и, узнав, что ваш отец, которого я хотел повидать, молится в старой часовне, проводила меня до ее дверей. Я вошел, но никого не увидел и, подождав немного, спустился через открытую дверь в этот сад, решив погулять, пока кто-нибудь не выйдет. Ну, и, как видите, мне посчастливилось гораздо больше, чем я мог надеяться.

— Так, — заметил Питер. Маневры этого человека и его пространные объяснения были ему

неприятны. — Надо найти господина Кастелла.

— Мы очень благодарны вам, что вы пришли предупредить нас, — пробормотала Маргарет. — Я пойду поищу отца. — И она проскользнула мимо испанца.

Д'Агвилар посмотрел ей вслед и обернулся к Питеру:

— Вы, англичане, крепкие люди: вы не боитесь холодного весеннего воздуха. Хотя в таком обществе и я бы не побоялся. Она поистине красавица. У меня есть кое-какой опыт по этой части, но такой женщины я никогда еще не видел.

— Моя кузина достаточно хороша, — холодно ответил Питер, которому весьма не понравились слова испанца.

— Да, — продолжал д'Агвилар, не обращая внимания на тон Питера, — она так хороша, что достойна иного положения — не дочери купца, а благородной леди, графини, правящей городами и землями, а может быть, даже королевы. Королевская одежда и украшения очень пошли бы ей.

— Моя кузина не ищет этого. Она счастлива своим скромным жребием, — возразил Питер и тут же добавил: — А вот и господин Кастелл.

Д'Агвилар направился навстречу купцу и веж-

ливо приветствовал его. От его внимания не ускользнуло, что, несмотря на все усилия, прилагаемые Кастеллом, чтобы выглядеть спокойным, ему это явно не удавалось.

— Я очень ранний гость, — обратился к нему д'Агвилар, — но я знаю, что вы, деловые люди, поднимаетесь вместе с жаворонками, а мне хотелось застать нашего друга раньше, чем он выйдет отсюда. — И д'Агвилар объяснил причину своего прихода.

— Благодарю вас, сеньор, — ответил Кастелл, — вы очень добры ко мне и к моей семье. Я весьма сожалею, что вам пришлось ожидать меня. Мне сказали, что вы искали меня в часовне, но я уже успел уйти оттуда в контору.

— Да, я смог убедиться в этом. Какое необычное это место — ваша старая часовня! В ожидании вас я прошел в алтарь и прочитал молитву, которую не успел совершить дома.

Кастелл чуть заметно вздрогнул, быстро глянул на д'Агвилара и переменил тему разговора. Он предложил испанцу позавтракать вместе с ним. Однако тот отказался, объяснив, что спешит по их делам и своим собственным, и попросил разрешения прийти к ним ужинать завтра, в воскресенье, а заодно и рассказать, как идут дела, — предло-

жение, не принять которое Кастелл не мог.

Итак, испанец вежливо откланялся и вышел из дома. Он пришел сюда пешком и без сопровождающих. Свернув за угол, д'Агвилар столкнулся не с кем иным, как с Бетти. Она возвращалась откуда-то с поручением, которое ей показалось удобным выполнить именно сейчас.

— Как! — воскликнул д'Агвилар. — Опять вы! Святые очень добры ко мне сегодня. Прошу вас, сеньора, пройдемте немного со мной. Мне хочется спросить вас кое о чем.

Помедлив секунду, Бетти согласилась. Не часто случалось ей пройти по Холборну с таким благородным кавалером.

— Пусть вас не смущает ваше скромное платье, — говорил д'Агвилар, — с такой фигурой, как ваша, можно одеваться во что угодно.

Этот комплимент заставил Бетти покраснеть от удовольствия — она очень гордилась своей фигурой.

— Не хотелось бы вам, — продолжал д'Агвилар, — иметь мантилью из настоящего испанского кружева? Ну, так вы получите ее. Я привез одну такую мантилью из Испании и преподнесу ее вам. Я не знаю ни одной женщины, которой она пойдет больше, чем вам. Однако, госпожа

Бетти, вы сказали мне неправду о вашем хозяине. Я пошел в часовню и не нашел его там.

— Он был там, сеньор, — возразила Бетти, стараясь оправдаться перед этим приятным и изысканным иностранцем. — Я видела, как он вошел туда за минуту до вашего появления и не выходил оттуда.

— Но куда же он девался, в таком случае, сеньора? Может быть, там есть склеп?

— Не знаю, но там, за алтарем, есть маленькая комнатка.

— Вот как! А откуда вы знаете?

— Однажды я услышала голос за занавесом, приподняла его и увидела приоткрытую потайную дверь. За ней был господин Кастелл, он стоял на коленях перед столиком и произносил молитву.

— Как странно! А что было на столике?

— Только деревянный ящик странной формы, похожий на маленький домик, два подсвечника и несколько свертков пергамента. Но, сеньор, я совсем забыла — я обещала господину Кастеллу никому не рассказывать об этом. Он тогда обернулся и бросился на меня, как сторожевой пес. Вы ведь никому не скажете о том, что я вам рассказала?

— Никогда. Меня не интересуют частные дела вашего хозяина. Я хочу спросить вас о другом. Скажите, почему ваша прелестная кузина не замужем? Разве у нее нет поклонников?

— Поклонников? О, сколько угодно, но она отказывает им и делает вид, что они ее не интересуют.

— Может быть, она влюблена в своего кузена, этого длинноногого, здоровенного и крепколобого мастера Брума?

— О нет, сеньор, не думаю. В него не может влюбиться ни одна женщина — он слишком суров и молчалив.

— Я согласен с вами, сеньора. Но тогда, вероятно, он влюблен в нее?

Бетти покачала головой.

— Питер Брум не думает о женщинах, сеньор. Во всяком случае, он никогда не говорит ни о них, ни с ними.

— Ну, это как раз доказывает обратное. Но, в конце концов, ведь это не наше с вами дело. Я просто рад услышать, что между ними ничего нет, потому что ваша хозяйка должна выйти замуж за человека высокого рода и стать благородной леди, а не женой купца.

— Конечно, сеньор. Хотя Питер Брум не купец,

по крайней мере по рождению. Он дворянин и был бы сэром Питером Брумом, если бы его отец не сражался против нынешнего короля и не лишился своих земель. Питер Брум солдат, и, говорят, очень храбрый. В этом все могли убедиться вчера вечером.

— Без сомнения. Пожалуй, он со своим суровым лицом и молчаливостью мог бы стать великим полководцем, если бы подвернулся случай. Однако, сеньора Бетти, скажите мне, как это могло случиться, что вы, такая красавица, — и д'Агвилар поклонился, — до сих пор не замужем? Я не думаю, чтобы это было от недостатка в претендентах на вашу руку.

И опять Бетти, эта глупая девушка, покраснела от удовольствия.

— Вы правы, сеньор, — ответила она, — у меня их много, но я в этом отношении похожа на свою кузину — они мне не нравятся. Хотя мой отец потерял свое состояние, я благородного происхождения, и, полагаю, именно поэтому меня не привлекают все эти простолюдины. Я скорее останусь здесь навсегда, чем выйду замуж за кого-нибудь из них.

— Вы совершенно правы, сеньора, — проникновенно сказал д'Агвилар.

— Не позорьте вашу кровь. Выходите замуж только за человека, равного вам по происхождению. Для такой прекрасной и обворожительной девушки это не будет трудно. — И он посмотрел в ее большие глаза с выражением нежного обожания.

Теперь, когда они уже шли по полю, где встречалось мало людей, проявления этой нежности со стороны испанца становились все откровеннее, и тщеславная Бетти, которая тем не менее была гордой и честной девушкой, сочла за лучшее заявить, что ей нужно возвращаться. Несмотря на протесты д'Агвилара, она оставила его и побежала обратно, не чуя под собой ног от счастья.

«Как красив и благороден этот джентльмен! — думала Бетти. — Настоящий кавалер. И, конечно, он влюбился в меня. Почему бы и нет? Это случается довольно часто. Многие богатые леди, которых она знает, не были и вполовину так красивы и благородны по происхождению, как она, а оказались бы менее подходящими женами для его… если только, — эта мысль несколько охладила ее, — если только он уже не женат».

Судя по всему, д'Агвилар довольно быстро добился успехов в выполнении замысла, который родился у него всего несколько часов назад. Бетти

была уже наполовину влюблена в него. Правда, он совершенно не стремился покорить сердце этой красивой, но глупой женщины, — он видел в ней только полезное для него орудие, ступеньку, благодаря которой он мог приблизиться к Маргарет.

В Маргарет он влюбился с первого взгляда. Когда он впервые увидел ее в толпе перед королевским дворцом, без плаща, испуганную, разгневанную, ее нежная и в то же время величественная красота зажгла огонь в его южной крови. Д'Агвилар был человеком чувственным и пресыщенным, но чувство, которое он испытывал в этот момент, было для него совершенно неизведанным. Его потянуло к этой женщине так, как не тянуло ни к одной женщине до тех пор, и более того — он захотел сделать ее своей женой. Почему бы и нет? Правда, в его родословной есть пятно, но положение он занимает высокое. Маргарет, конечно, ниже его, но это возмещается ее красотой; кроме того, она остроумна и образованна настолько, чтобы занять то положение, которое он может предложить ей. К тому же как ни велико его состояние, но беспутный образ жизни заставил его наделать много долгов, а она единственная дочь одного из самых богатых купцов Англии,

и ее приданому позавидуют многие принцессы. Что еще может помешать ему? Он оставит Инессу и всех остальных — по крайней мере, на время — и сделает Маргарет хозяйкой своего дворца в Гранаде. Короче говоря, как это часто бывает с теми, у кого в венах течет восточная кровь, он решил все еще до того, как встал из-за стола Кастелла накануне вечером. Он должен жениться на Маргарет и ни на ком другом.

Правда, он тут же представил себе все трудности, стоявшие на его пути. Прежде всего он не доверял Питеру, этому спокойному, сильному человеку, который мог одной тростью расправиться с хорошо вооруженным воином и одним словом призвать половину Лондона себе на помощь. Д'Агвилар был уверен, что Питер не может не быть влюбленным в Маргарет, а это был опасный соперник. Ну что ж, если Маргарет не думает о Питере, то это не страшно, но если это так — кстати, что они делали сегодня утром одни в саду? Пожалуй, от Питера необходимо избавиться, вот и все. Это не так уж трудно, если прибегнуть к некоторым известным способам: здесь найдется немало испанцев, которым ничего не стоит нанести ему в темноте удар кинжалом в спину.

И все же при всех его грехах мысль о таком шаге

смущала д'Агвилара. Он был фанатиком, у которого злодеяния сменялись периодами раскаяния и молитв. Тогда он отдавал свои средства и свой талант на службу церкви, как было в настоящий момент. Нет, д'Агвилар никогда не запятнает себя убийством, об этом не может быть и речи, иначе чем он сможет смыть этот грех со своей души? Но есть другие пути. Разве, к примеру, этот Питер — правда, при самообороне — не убил одного из слуг испанского посла? А может быть, этим не придется воспользоваться. Ему казалось, что он нравится Маргарет, и, кроме этого, он многое может предложить ей. Он будет честно ухаживать за ней и, если она или ее отец отвергнут его, тогда начнет действовать. Тем временем над головой Питера будет занесен меч, и д'Агвилар сделает вид, что он единственный человек, который может удержать этот меч. А пока он должен узнать все о Кастелле.

На этот раз судьба в лице глупой Бетти улыбнулась ему. У него не было сомнений, об этом он уже слышал в Испании, и пребывание в доме купца окончательно убедило его, что Кастелл — еврей. Рассказ Бетти о комнате за алтарем, где был молитвенный ящик, свечи и свитки, подтверждал это. В конце концов, этого было вполне доста-

точно, чтобы отправить его на костер испанской инквизиции или изгнать из пределов Англии. Если теперь Джон Кастелл, испанский еврей, не захочет отдать ему свою дочь, не заставит ли его переменить свое решение легкий намек на полномочия их величеств королей Испании и святого отца?

Обдумывая все это, д'Агвилар вернулся к себе и прежде всего записал рассказ Бетти и все, что он сам видел в доме Джона Кастелла.

ГЛАВА IV. ТАЙНА ДЖОНА КАСТЕЛЛА

В доме Джона Кастелла, как и во многих других домах в те времена, было принято, что все продавцы и клерки завтракали и обедали вместе с хозяевами в одном зале, но за двумя отдельными столами. Исключение составляла Бетти, как кузина и компаньонка дочери хозяина, — она ела за одним столом с Кастеллами. В это утро место Бетти оказалось пустым. Кастелл, хотя и сидел в глубокой задумчивости, заметил это. Ни Маргарет, ни Питер не могли ответить на его вопрос. Однако один из слуг, как раз тот, которого накануне вечером Кастелл посылал проследить за д'Агвиларом, сказал, что он видел Бетти, когда проходил через Холборн, — она шла вместе с тем самым испанским господином. Услышав это, хозяин дома помрачнел.

Завтрак прошел в полном молчании, и, едва слуги покинули зал, появилась раскрасневшаяся Бетти.

— Где ты была? — обратился к ней Кастелл. — И почему опоздала к завтраку?

— Я ходила за полотном для простынь, но оно не было приготовлено, — бойко протараторила Бетти.

— Как видно, тебя заставили долго ждать, — спокойно заметил Кастелл. — Ты никого не встретила?

— Только людей на улице.

— Я не буду тебя больше ни о чем спрашивать, иначе ты будешь продолжать лгать и принимать грех на свою душу, — сурово сказал Кастелл. — Отвечай мне: куда ты ходила с сеньором д'Агвиларом и о чем ты с ним говорила?

Бетти поняла, что ее видели с испанцем и что продолжать скрывать это бесполезно.

— Я прошла с ним совсем немного и то только потому, что сеньор попросил показать ему дорогу.

— Послушай, Бетти, — перебил ее Кастелл, не обращая внимания на ее слова, — ты уже достаточно взрослая девушка, чтобы отвечать за себя. Я не буду ничего говорить тебе относительно прогулок с кавалерами. Эти прогулки не приведут к добру. Но имей в виду: ни один человек, знающий дела моего дома, — и он пристально посмотрел на нее, — не должен иметь ничего общего ни с одним испанцем. Если тебя еще раз увидят с этим

господином, ты никогда больше не перешагнешь порог моего дома. Молчи, мне не нужно твоих оправданий. Забирай свой завтрак и иди с ним куда-нибудь в другое место.

Бетти, чуть не плача, покинула зал. Она была очень рассержена, ибо на характеру своему была девушкой упрямой. Маргарет, любившая свою кузину, попыталась сказать что-то в ее оправдание, но отец перебил ее:

— Глупости! Я знаю Бетти — она тщеславна, как павлин. Она не может забыть о своем благородном происхождении, о том, что она хороша собой, и ищет мужа выше себя по положению. А этот испанец играет на ее слабостях в своих целях, и я ручаюсь, что эти цели не из хороших. Если мы не помешаем этому, она может навлечь беду на всех нас. Ну, хватит говорить о Бетти Дин. Я должен идти работать.

Однако Питер, не промолвивший ни слова за все это время, остановил его:

— Сэр, нам нужно сказать вам кое-что о себе.

— О себе? — с удивлением переспросил Кастелл. — Ну что ж, говорите. Впрочем, здесь не место для таких разговоров. Я думаю, что у стен тут тоже есть уши. Идите за мной.

Он провел их в старую часовню и запер дверь.

— Вот теперь говорите, в чем дело.

— Сэр, — начал Питер, — получив ваше разрешение, я просил сегодня утром вашу дочь стать моей женой.

— Я вижу, ты не терял время даром, друг мой. Если б ты поднял ее с постели или просил ее руки через дверь, то и тогда не мог проделать это быстрее. Впрочем, понятно; ты всегда был человеком действия. Так что ответила тебе моя Маргарет?

— Час назад она сказала, что согласна стать моей женой.

— Ты осторожный человек, — улыбнулся Кастелл, — ведь известно, что женщина за час может изменить свое решение. А что ты скажешь теперь, Маргарет, после столь долгого раздумья?

— Что я сердита на Питера! — воскликнула Маргарет, топнув своей маленькой ножкой. — Если он не доверяет мне на час, то как он может навеки связать свою жизнь с моей?

— Нет, нет, Маргарет, — вмешался Питер, — ты не поняла меня. Я просто не хотел связывать тебя в случае, если…

— Вот ты опять говоришь то же самое! — перебила его Маргарет, раздраженная и в то же время довольная.

— Похоже, что мне лучше помолчать, — сми-

ренно заметил Питер. — Говори сама.

— Да уж, конечно, молчать ты мастер. Я это знаю лучше, чем кто-нибудь другой, — ответила Маргарет, вознаграждая себя за томительные месяцы и годы ожидания. — Хорошо, я скажу за тебя. Отец, Питер сказал правду, я согласилась выйти за него замуж, хоть это и означает вступить в орден Молчаливых братьев. Да, я согласна, не ради Питера, конечно, — у него слишком много недостатков, — а ради себя, потому что я люблю его. — И Маргарет мило улыбнулась.

— Не шути, Маргарет.

— А почему, отец? У Питера такой торжественный вид, что этого хватит на двоих. Посмотри на него. Давай смеяться, пока это возможно. Кто знает, не придется ли нам плакать.

— Хорошо сказано, — вздохнул Кастелл. — Итак, вы решили обручиться. Я рад этому, дети мои, ибо кто знает, когда могут нагрянуть те слезы, о которых сейчас говорила Маргарет. Возьми ее руку, Питер, и клянись распятием, которому ты поклоняешься, — Питер с удивлением посмотрел на него, но Кастелл продолжал, — поклянитесь оба, что в любом случае, вместе и порознь, при добрых или худых вестях, в бедности или богатстве, в мирные дни или в дни гонений, в тяжких

испытаниях, в радости или горе, вы останетесь верными своему слову, пока не будете обвенчаны, а после этого — верными друг другу всю жизнь, пока смерть не разлучит вас.

Кастелл произнес эти слова серьезно и взволнованно, он всматривался в лица Питера и Маргарет так, словно хотел прочитать их самые сокровенные мысли. Его волнение передалось молодым людям — они опять ощутили страх, подобный тому, который охватил их в саду, когда они увидели перед собой тень испанца. Торжественно, почти не испытывая радости, естественной в такой момент, они взялись за руки и поклялись на распятии, что через все испытания, даже те, которые они сейчас не могут предвидеть, они пронесут эту клятву и сохранят верность друг другу до самой смерти.

— И после нее, — добавил Питер.

Гордая голова Маргарет склонилась в знак согласия.

— Дети, — сказал Кастелл, — вы будете богаты. Не так много людей в этой стране богаче вас. Но, пожалуй, разумнее будет с вашей стороны не выставлять напоказ ваше богатство и не пытаться подражать знатным людям. Иначе вы возбудите зависть, и она погубит вас. Умейте ждать, и по-

ложение само придет к вам, а если не к вам, то к вашим детям. Питер, я хочу сказать тебе сейчас, чтобы не забыть, что опись всех моих капиталов и вложений в движимую собственность, в земли, суда и торговые предприятия зарыта под полом в моей конторе, как раз под тем местом, где стоит мой стул. Поднимете доски, выкопаете землю и найдете каменную плиту, под ней железный ящик с документами, инвентарными книгами, там лежат и драгоценности. Если по какой-либо причине этот ящик будет потерян, копии почти всех документов находятся у моего друга и партнера по торговле в Англии — Симона Леветта, которого вы знаете. Запомните мои слова.

— Отец, — озабоченно прервала его Маргарет, — почему ты так говоришь? Как будто ты не будешь с нами. Ты боишься чего-нибудь?

— Да, дочь моя, я боюсь или, вернее сказать, не боюсь, а жду. Я готов встретить все, что ждет меня. Но и вы ведь поклялись, и вы сдержите клятву?

— Да, — в один голос ответили Питер и Маргарет.

— Тогда приготовьтесь принять на себя тяжесть первого испытания, потому что я не хочу больше скрывать от вас правду. Дети, вы были убеждены,

что я одной с вами веры, на самом деле это не так. Я еврей, как были ими мой отец и дед еще во времена Авраама.

Эти слова произвели на Питера и Маргарет ошеломляющее впечатление. Питер от удивления раскрыл рот и второй раз за этот день побледнел; Маргарет без сил опустилась в кресло и беспомощно смотрела на него. В те времена быть евреем означало подвергаться страшной опасности. Кастелл смотрел на них обоих — их молчание показалось ему оскорбительным.

— Ах, вот как! — воскликнул он с горечью. — И вы, оказывается, как все? Вы презираете меня за то, что я принадлежу к расе более древней и благородной, чем все эти ваши выскочки лорды и короли? Вы знаете мою жизнь — сделал я что-нибудь плохое? Обманывал своих соседей или грабил бедняков? Или я насмехался над вашим причастием? Замышлял ли я крамолу против властей? Может быть, я был плохим другом или жестоким отцом? Вы качаете головой, но почему же тогда вы смотрите на меня, как на отверженного? Разве я не имею права следовать вере моих отцов? Разве я не могу молиться богу так, как мне нравится? — И он с вызовом посмотрел на Питера.

— Нет, сэр, — ответил тот, — конечно, вы можете. По крайней мере, я так считаю. Но почему же тогда вы все эти годы притворялись, что молитесь так же, как мы?

При этом прямом вопросе, столь характерном для Питера, Кастелл отпрянул, как воин, получивший неожиданный удар в самое уязвимое место. Мужество покинуло его, гнев в его глазах сменился смирением, и сам он стал как будто меньше ростом. Теперь это был обвиняемый, ждущий милосердного приговора из рук своей дочери и ее возлюбленного.

— Не судите меня жестоко, — сказал он. — Подумайте о том, что значит быть евреем — отверженным, которого каждый бродяга может оттолкнуть и оплевать, человеком вне закона, за которым охотятся в каждой стране, охотятся, как за диким волком, и, поймав, убивают для развлечения добрых христиан, предварительно обобрав его до нитки. И теперь представьте себе, что была возможность избежать всех этих ужасов, приобрести безопасность, спокойствие и защиту церкви, а затем богатство и положение.

Он остановился на мгновение, словно ожидая возражений, но Питер и Маргарет молчали, и Кастелл продолжал:

— К тому же в детстве меня крестили, но сердце мое, как и сердце моего отца, осталось с евреями, а там, где сердце, там и человек.

— Это ухудшает дело, — заметил как бы про себя Питер.

— Так учил меня мой отец, — защищался Кастелл.

— Мы должны отвечать за свои грехи, — еще раз прервал его Питер.

Тут уже Кастелл не выдержал:

— Вы молокососы, вы еще ничего не знаете об ужасах жизни, а готовы упрекать меня! Если бы вам пришлось пережить то, что пережил я, кто знает, оказались бы вы хоть наполовину так смелы, как я. Почему, вы думаете, я открыл вам эту тайну, которую я мог бы скрыть от вас так же, как скрывал ее от твоей матери, Маргарет? Я открыл ее вам потому, что это часть той кары, которую я должен нести за свой грех. Да, я знаю, мой бог ревнив, и грех падет на мою голову, я заплачу все, до последнего гроша, хотя и не знаю еще, когда и где эта кара обрушится на меня. Иди, Питер, иди, Маргарет, донесите на меня, если хотите. Ваши попы похвалят вас за это и откроют вам кратчайший путь в рай. Я не буду винить вас и не уменьшу ваше богатство ни на один золотой.

— Не давайте волю своему гневу, сэр, — сказал Питер. — Это дело касается только вас и бога. Что мы можем сказать вам, и кто поставил нас судьями над вами? Мы только молим бога, чтобы ваши опасения оказались напрасными и чтобы вы окончили свои дни в мире и почете.

— Я благодарю тебя за эти добрые слова, они делают честь тебе, — сказал Кастелл. — Но что скажет Маргарет?

— Что я скажу? — растерянно спросила Маргарет. — Мне нечего сказать. Питер прав: это дело твое и бога. Но мне тяжело потерять любимого.

Питер удивленно посмотрел на нее, а Кастелл воскликнул:

— Потерять? Почему? Разве он только что не клялся?

— Дело не в этом. Как я могу просить его, дворянина, христианина по рождению, жениться на дочери еврея, который всю жизнь молился Христу, а на самом деле отрицал его!

Тут Питер поднял руку.

— Прекрати этот разговор, — сказал он. — Даже если бы твой отец был самим Иудой, какое это имеет отношение к тебе и ко мне? Ты принадлежишь мне, а я тебе до тех пор, пока смерть не разлучит нас. И никакая вера другого человека

не может стать между нами ни на минуту. Сэр, мы благодарим вас за доверие, и будьте уверены, что, хотя все, что вы сказали, огорчило нас, мы будем любить и уважать вас ничуть не меньше оттого, что знаем правду.

Маргарет с рыданием припала к груди отца:

— Прости меня, если я была резка. Ведь я ничего не знала об этом, а меня всю мою жизнь учили ненавидеть евреев. Какое мне дело до того, какой ты веры, — ведь для меня ты только любимый отец!

— Зачем же тогда плакать? — спросил Кастелл, нежно гладя ее по голове.

— Потому что тебе грозит опасность. По крайней мере, ты так говоришь, а если с тобой что-нибудь случится… что я тогда буду делать?

— Прими это как волю божью и, если удар падет на меня, встреть его храбро, как, надеюсь, встречу его я. — Кастелл поцеловал Маргарет и вышел, из часовни.

— Оказывается, радость и беда идут рука об руку, — прошептала Маргарет.

— Да, дорогая, они близнецы. Но если мы уже обрели радость, то не будем страшиться беды. Чума побери всех попов и весь их фанатизм! Христос старался обратить всех евреев в свою веру, но

он не призывал убивать их. А что касается меня, то я уважаю человека, который держится своей веры, и могу простить его, потому что это попы заставили его притворяться и лгать. Моли бога, чтобы мы скорее обвенчались и спокойно уехали из Лондона туда, где сумеем укрыть твоего отца.

— Я молю, молю... — прошептала Маргарет, придвигаясь к Питеру.

И скоро они забыли обо всех страхах в объятиях друг друга.

На следующее утро — это было воскресенье — Питер, Маргарет и Бетти отправились к мессе в храм святого Павла. Кастелл сослался на плохое самочувствие и остался дома. Теперь, когда его тайна уже не была тайной, он решил, насколько это возможно, избегать посещения христианского храма. Поэтому он сказался больным. Но Маргарет это не могло не тревожить. Что же будет? Ведь нельзя же все время притворяться больным? А не посещать церковь — значило объявить себя еретиком.

Оставшись дома, Кастелл послал двух крепких парней из числа своих слуг незаметно сопровождать Питера и Маргарет, приказав им следовать всюду за ними.

Когда Питер, Маргарет и Бетти выходили из

церкви, Питер заметил двух испанцев, лица которых были ему знакомы. Ему показалось, что они следят за ним. В толпе он потерял их из виду, поэтому ничего не сказал своим спутницам. Самая близкая дорога к дому шла через поля и сады, где было совсем мало домов. Питер и Маргарет шли, разговаривая; вдруг Бетти, которая шла сзади, вскрикнула. Питер поднял голову и увидел двух испанцев, пролезающих через дыру в изгороди не более чем в шести шагах от него. Он заметил также, что испанцы держатся за рукоятки мечей.

— Вперед, смелей, — прошептал Питер Маргарет, — я не покажу им спину.

При этом он взялся за рукоятку меча, который был у него под плащом, и попросил Маргарет держаться позади.

Они оказались лицом к лицу с испанцами. Те довольно вежливо поклонились и спросили, не он ли мастер Питер Брум. Говорили они по-испански, но Питер, как и Маргарет, знал этот язык довольно прилично — он учил его в детстве, и ему приходилось говорить по-испански, работая у Джона Кастелла, который широко пользовался этим языком в своих торговых операциях.

— Да, это я, — ответил он. — У вас дело ко мне?

— У нас есть поручение к вам от одного на-

шего товарища, шотландца, по имени Эндрью, которого вы встретили на днях, — обратился к Питеру один из испанцев. Он умер, но просил передать поручение, суть которого сводится к тому, чтобы вы встретились с ним. Мы все поклялись передать вам это и проследить за тем, чтобы вы явились на свидание.

— Вы хотите сказать, что собираетесь убить меня, — ответил Питер, стискивая зубы и вытаскивая меч из-под плаща. — Ну что ж, подходите, трусы, и мы увидим, кто из нас составит компанию в аду вашему Эндрью. Маргарет, Бетти, бегите!

Питер сбросил плащ и обмотал им левую руку. Испанцы на мгновение остановились — решительный вид Питера ясно говорил о том, что сладить с ним будет нелегко. Когда же они двинулись на него, послышался звук шагов, и рядом с Питером оказались двое слуг с мечами в руках.

— Очень рад вас видеть, — заметил Питер, взглянув на них. — А теперь, сеньоры, вы все еще хотите передать послание?

Вместо ответа испанцы пустились бежать. Один из слуг схватил с дороги большой камень и изо всех сил бросил им вслед. Камень попал в спину отставшего испанца и свалил его лицом в

грязь. Испанец вскочил и, прихрамывая, побежал дальше, выкрикивая по-испански проклятья.

— Я думаю, — сказал Питер, — теперь мы можем спокойно идти домой. Сегодня мы, пожалуй, больше никаких посланцев от Эндрью не встретим.

— Сегодня, может быть, и нет, — вздохнула Маргарет, — но завтра или послезавтра они опять придут. Чем все это кончится?

— Ну, это знает один бог, — мрачно ответил Питер, опуская свой меч в ножны.

Когда они рассказали про нападение Кастеллу, тот очень взволновался.

— Они хотят отомстить тебе за смерть того шотландца, — озабоченно сказал он. — Испанцы мстительны. Кроме того, они никогда не простят, что ты тогда позвал англичан на помощь. Я боюсь за тебя, Питер: если ты будешь выходить из дому, они убьют тебя.

— Но ведь я не могу вечно сидеть взаперти, как крыса в щели! — сердито возразил Питер. — Что же делать? Обратиться к закону?

— Нет, ты ведь сам нарушил закон, убив человека. Я думаю, что тебе лучше всего уехать на время, пока эта буря не минует нас.

— Уехать? Питеру уехать? — испуганно вскрик-

нула Маргарет.

— Да! Послушай меня, дочь. Вы не можете сейчас же обвенчаться. Это не так просто. Нужно дать извещение, договориться о церемонии. На это уйдет около месяца. Уже не так уж долго, и конце концов, вы ведь только вчера обручились. Теперь вот что: никто не должен знать о вашей помолвке. Иначе испанцы начнут преследовать и тебя, Маргарет. Я заклинаю вас, это должно храниться в полной тайне. Вы должны держаться подальше друг от друга, как будто между вами ничего нет.

— Как хотите, сэр, — заметил Питер. — Что касается меня, то мне не нравится, когда скрывают правду. Это всегда приводит к осложнениям. По-моему, мне нужно рискнуть и остаться здесь, а свадьбу устроить как можно скорее.

— Чтобы твоя жена через неделю стала вдовой или чтобы эти мерзавцы сожгли наш дом? Нет, нет, Питер, не надо дразнить судьбу. Мы узнаем, как обстоят дела у д'Агвилара, и тогда решим.

ГЛАВА VI. ПРОЩАНИЕ

Д'Агвилар, как и обещал, явился в тот же вечер, но уже не пешком и не один, как в прошлый раз, а со свитой, приличествующей знатному вельможе. Двое слуг бежали впереди, расчищая дорогу. За ними на великолепном белом коне следовал сам д'Агвилар в бархатном плаще и шляпе с длинными страусовыми перьями. Четверо вооруженных всадников в ливреях с гербом д'Агвилара сопровождали его.

— Мы приглашали одного гостя, или, скорее, он сам напросился, а кормить придется семь человек, не говоря уже о лошадях! — проворчал Кастелл, наблюдая за этой процессией из окна верхнего этажа. — Ну что ж, делать нечего. Питер, пойди проследи, чтобы хорошо накормили слуг — они не должны обижаться на наше гостеприимство. Слуг можно накормить в маленьком зале вместе с нашими людьми. А ты, Маргарет, надень свое лучшее платье и драгоценности, которые ты надевала, когда я прошлым летом брал тебя на городской бал. Покажем этим изысканным иностранным птицам, что у лондонских купцов

тоже есть красивое оперение.

Питер медлил, сомневаясь, разумно ли устраивать такой роскошный прием. Будь на то его воля, он бы послал сопровождающих испанца людей в таверну, а его самого принимал бы в скромном платье и за обычным столом. Но Кастелл, который в этот вечер нервничал и, кроме того, любил иногда похвастать своим богатством, рассердился и стал кричать, что, очевидно, ему самому придется идти встречать д'Агвилара. Кончилось тем, что Питер, сокрушенно качая головой, ушел, а Маргарет отправилась выполнять приказание отца.

Через несколько минут Кастелл в своем самом дорогом парадном костюме приветствовал д'Агвилара в гостиной. Воспользовавшись тем, что они одни, Кастелл спросил гостя, как обстоят дела с де Айала.

— И хорошо и плохо, — ответил д'Агвилар. — Доктор де Пуэбла, на которого я рассчитывал, покинул Лондон, заявив, что он оскорблен и что при дворе нет места двум послам. В результате мне пришлось обратиться к самому де Айала. Короче говоря, я дважды беседовал с этим высокопоставленным священником по поводу совершенно заслуженной смерти его мерзкого

слуги. Де Айала считает себя оскорбленным, ибо он потерял уже несколько слуг в подобных стычках, поэтому мне с большим трудом удалось убедить его взять пятьдесят золотых — конечно, для передачи семье покойного, как он сказал, — и дать расписку. Вот она, — И д'Агвилар протянул Кастеллу бумагу, которую тот внимательно прочитал.

Там было сказано, что Питер Брум уплатил сумму в пятьдесят золотых родственникам Эндрью Ферсона, ввиду чего слуги испанского посла и упомянутый посол обязуются не преследовать никаким образом упомянутого Питера за убийство, совершенное им.

— Но ведь деньги не были заплачены, — заметил Кастелл.

— Я заплатил их. Де Айала не дает расписок в обмен на обещания.

— Я благодарен вам за вашу любезность, сеньор. Вы получите это золото прежде, чем покинете мой дом. Немногие на вашем месте настолько доверяли бы незнакомому человеку.

Д'Агвилар протестующе поднял руку.

— Не будем говорить о таких пустяках. Я прошу вас рассматривать это как знак уважения к вашей семье. Иначе это было бы оскорблением

такого богатого человека, как вы. Но я должен еще кое-что рассказать вам. Вы или, скорее, ваш родственник Питер все еще находитесь в опасности. Де Айала простил его. Но есть еще король Англии, чей закон он нарушил. Я сегодня видел короля, и он, между прочим, говорил о вас как об очень достойном человеке. К тому же он добавил, что всегда думал, что таким богатством может обладать только еврей. Но король знает, что вы не еврей; ему говорили о вас как о верном сыне церкви. — Тут д'Агвилар остановился, пытливо глядя на Кастелла.

— Боюсь, что его величество преувеличивает мое богатство, — холодно ответил Кастелл, делая вид, что не обратил внимания на последние слова испанца. — Что же сказал король?

— Я показал его величеству расписку де Айала, и он сказал, что если его преосвященство удовлетворен, то его это больше не касается и с его стороны не последует никаких распоряжений о судебном следствии. Но король приказал мне передать вам и Питеру Бруму, что, если тот еще раз устроит драку на улицах, хотя бы вынужденную и в особенности между англичанами и испанцами, он повесит его — по суду или без суда. Король говорил об этом весьма раздраженно, потому что

меньше всего его величество желает каких-либо недоразумений между Испанией и Англией.

— Это очень плохо, — вздохнул Кастелл: — только сегодня утром такая драка была весьма возможна. — И он рассказал, как двое испанцев следили за Питером и как одного из них слуга свалил ударом камня.

При этом сообщении д'Агвилар сокрушенно покачал головой.

— Вот с этого и начинаются неприятности, — воскликнул он. — Я знаю от своих слуг, которые всегда обо всем рассказывают мне, что слуги де Айала, а их более двадцати, поклялись севильской мадонной, что, прежде чем покинут эту страну, они заставят вашего родственника кровью заплатить за убийство шотландца Эндрью Ферсона, который был их офицером и храбрым парнем. Они его очень любили. Если они нападут на Питера, будет схватка, потому что Питер умеет драться, а если будет схватка, то Питера наверняка повесят, как обещал король.

— Прежде чем они покинут эту страну? А когда они это сделают?

— Де Айала уедет не позже чем через месяц со всей своей свитой. Дело в том, что другой посол, де Пуэбла, не хочет больше терпеть его и напи-

сал из своего загородного дома, что один из них должен уехать.

— Тогда я думаю, сеньор, что будет лучше всего, если Питер уедет на месяц.

— Дорогой мой Кастелл, вы мудры. Я думаю о том же и советую вам сделать это немедленно. О, сюда идет ваша дочь!

На широкой дубовой лестнице, ведущей в гостиную, появилась Маргарет. В руке она держала лампу, которая ярко освещала ее, в то время как д'Агвилар и Кастелл стояли в полутьме. На ней было открытое платье из темно-красного бархата, вышитое по лифу золотом. Цвет платья оттенял поразительную белизну ее стройной шеи и груди. Ее горло охватывала нитка крупного жемчуга, а на голове была золотая сетка, усеянная менее крупными жемчужинами, из-под которой густыми волнами спадали великолепные темно-каштановые волосы, достигавшие колен. Повинуясь приказанию отца, она оделась, чтобы выглядеть как можно лучше, но не для гостя, а для любимого, с которым она только что обручилась. Она была так прекрасна, что у д'Агвилара, художника и поклонника красоты, перехватило дыхание.

— Во имя одиннадцати тысяч девственниц! —

воскликнул он. — Ваша дочь прекраснее, чем все они вместе взятые. Она должна быть королевой и покорить весь мир.

— Нет, нет, сеньор, — поспешно заметил Кастелл, — пусть она остается честной и скромной и покоряет своего мужа.

— Так бы и я сказал, если бы был ее мужем, — прошептал д'Агвилар, шагнув вперед и низко кланяясь Маргарет.

Теперь свет серебряной лампы, которую она высоко держала в руке, падал на них двоих, и они выглядели очень подходящей парой. Оба были высокие и статные, оба отличались величавостью движений, глубоким голосом и речью, исполненной достоинства. Кастелл заметил это и испугался, сам не зная чего.

В этот момент через другую дверь вошел Питер. Он был в своей обычной одежде серого цвета, так как ему и в голову не пришло надевать праздничный наряд ради испанца. Он тоже обратил внимание на Маргарет и д'Агвилара, и инстинкт влюбленного подсказал ему, что этот великолепный иностранец — его соперник и враг. Но Питер не испугался, он почувствовал только ревность и злобу. Больше всего ему вдруг захотелось, чтобы испанец ударил его и в следующие же пять минут

можно было бы доказать, кто из них настоящий мужчина. Он понял, что когда-нибудь это должно произойти, и подумал, что было бы лучше, если бы это случилось сейчас, а не позднее, тогда один из них был бы избавлен от многих волнений. Но Питер вспомнил, что он обещал не выдавать своих отношений с Маргарет, и поэтому вежливо, но холодно приветствовал д'Агвилара, сообщив ему, что лошади находятся в конюшне, а люди устроены.

Испанец поблагодарил его, и они прошли к столу. Это был странный ужин для всех четырех, хотя внешне весьма приятный. Кастелл позабыл о своих опасениях и, подливая то и дело вино, рассказывал всевозможные истории, свидетелем которых ему приходилось быть. Д'Агвилар, в свою очередь, охотно рассказывал об испанских войнах и политике — в войнах он сам участвовал, а политику знал до тонкостей. Нетрудно было понять из его слов, что он один из тех людей, которые бывают при дворах и пользуются благосклонностью министров и королей. Маргарет с интересом и любопытством слушала о том, что делается в большом мире, за пределами Холборна и Лондона. Она засыпала гостя вопросами. Ее интересовало, что представляет собой Ферди-

нанд, король Арагонский, и его жена Изабелла, знаменитая королева.

— Я расскажу вам об этом в нескольких словах, сеньора, — с готовностью начал д'Агвилар. — Фердинанд — самый честолюбивый человек в Европе. К тому же он лжив, когда это нужно для его целей. Деньги и власть для него превыше всего. Это боги, которым он поклоняется, потому что подлинной религии у него нет. Он не очень умен, но зато хитер, а это помогает ему добиваться успеха и оставлять других позади.

— Довольно неприглядная картина, — заметила Маргарет. — Ну, а какова королева?

— Это великая женщина! — воскликнул д'Агвилар. — Она знает, как использовать дух времени для достижения своих целей. Она умеет показать свое мягкосердечие, но под этим скрывается железная решимость.

— А к чему она стремится? — поинтересовалась Маргарет.

— Подчинить своей власти всю Европу; сокрушить мавров и захватить их земли; добиться того, чтобы Христова церковь восторжествовала во всем мире; искоренить ересь: обратить всех евреев в христианскую веру или уничтожить их, — медленно продолжал д'Агвилар, и Питер,

наблюдавший за ним, заметил, что глаза его при этих словах блеснули, — предать тела их очистительному огню, а богатство — своей казне. Таким путем она думает заслужить благодарность всех верующих на земле и престол в раю.

После этих слов воцарилось молчание, затем Маргарет храбро сказала:

— Если троны в раю зиждятся на человеческой крови и слезах, то какие же камни и известь применяют в аду, хотела бы я знать.

Не дождавшись ответа, она встала, сославшись на усталость, присела в реверансе перед д'Агвиларом, отцом и Питером и удалилась.

После ее ухода беседа не ладилась, и д'Агвилар вскоре стал прощаться. Перед уходом он сказал:

— Дорогой мой друг Кастелл, вы расскажете о новостях, которые я вам принес, вашему родственнику. Во имя нашего блага, я надеюсь, что он склонит свою голову перед необходимостью и тем самым сохранит ее на плечах.

— Что имел в виду этот человек? — спросил Питер, когда стук копыт замер вдали.

Кастелл рассказал ему о своей беседе с д'Агвиларом перед ужином, показал расписку де Айала и добавил раздраженно:

— Я забыл отдать ему деньги! Надо будет отпра-

вить их ему завтра.

— Не волнуйтесь, он сам придет за ними, — холодно заметил Питер. — Что касается меня, то, будь моя воля, я бы предпочел встретиться с мечами этих испанцев и с веревкой короля, но остаться здесь.

— Этого ты не должен делать, — возразил Кастелл, — если не ради себя самого, то во имя моей и Маргарет безопасности. Не хочешь же ты сделать ее вдовой раньше, чем она станет твоей женой? Но слушай меня, я требую, чтобы ты отправился в Эссекс и занялся оформлением передачи тебе земель твоего отца в Дедхэме и приведением в порядок дома, который, как я слышал, сильно в этом нуждается. А когда эти испанцы покинут Лондон, ты вернешься, и мы тут же устроим свадьбу. Это будет всего-навсего через месяц.

— А вы с Маргарет не поедете со мной в Дедхэм?

Кастелл покачал головой:

— Это невозможно. Я должен закончить все свои дела, а Маргарет одна не может ехать с тобой. Кроме того, там ей негде остановиться. Я буду оберегать Маргарет до твоего возвращения.

— Да, сэр, но сумеете ли вы уберечь ее? Ковар-

ные речи испанцев иногда опаснее их мечей.

— Я думаю, что у Маргарет есть лекарство против этого, — с улыбкой ответил Кастелл и вышел, оставив Питера одного.

На следующий день, когда Кастелл объявил Маргарет, что ее возлюбленный должен вечером уехать, — сам Питер был не в состоянии сказать ей это, — она со слезами на глазах умоляла отца не отсылать Питера так далеко или уехать всем вместе. Но Кастелл мягко объяснил ей, что это невозможно и, если Питер немедленно не уедет, ему грозит смерть. А через месяц, когда испанцы уедут, они поженятся и будут жить в мире и спокойствии.

В конце концов Маргарет признала, что это лучший и, пожалуй, самый мудрый выход из положения. Но чего ей это стоило и каким скорбным было их расставание! Поездка в Эссекс была не таким уж далеким путешествием, а вступление во владение землями, которые для Питера еще два дня назад казались навсегда потерянными, было не таким уж неприятным делом. И все-таки у них было очень грустно на сердце, и звезда надежды казалась им весьма далекой.

Маргарет беспокоилась, как бы Питера не подстерегли по дороге, но он посмеялся над ее

опасениями, объяснив, что Кастелл посылает с ним шесть крепких молодцов и что с таким эскортом он не боится никаких испанцев. Питер же боялся, что д'Агвилар станет ухаживать за Маргарет в его отсутствие. Но тут уж Маргарет посмеялась над ним, заявив, что ее сердце принадлежит Питеру и ей нечего предложить ни д'Агвилару, ни какому-либо другому мужчине. Кроме того, она напомнила ему, что Англия свободная страна и ни одну женщину, если она не находится под опекой короля, нельзя заставить делать то, чего она не хочет. Таким образом, казалось, им нечего было бояться. И все-таки они испытывали тревогу.

— Любимый мой, — сказала, немного подумав, Маргарет, — наша дорога кажется прямой и легкой, и тем не менее на ней могут оказаться западни, о которых мы и не подозреваем. Ты должен поклясться мне в одном: что бы ты ни услышал и что бы ни случилось, ты никогда не будешь сомневаться во мне, так же как и я в тебе. Если, к примеру, тебе скажут, что я отказала тебе и выхожу замуж за другого, или даже если ты будешь уверен, что это написано моей рукой, или услышишь это, сказанное моим голосом, все равно не верь.

— Как это может случиться? — с тревогой спросил Питер.

— Я и не предполагаю, что это может случиться. Я говорю о самом худшем, чтобы мы были готовы ко всему. До сир пор моя жизнь была безоблачна, как летний день, по ведь неизвестно, когда могут налететь зимние бури. Мне часто кажется, что я рождена для того, чтобы испытать дождь, ветер и бури так же, как тишину и солнце. Не забывай, что мой отец еврей, а с евреями и их детьми случаются иногда страшные вещи. Все наше богатство может исчезнуть в какой-нибудь час, и ты можешь найти меня в тюрьме или в нищенских лохмотьях. Так ты клянешься? — Маргарет поднесла к губам Питера золотой крест.

— Да, — сказал он, — я клянусь этим святым крестом и твоими губами. — Питер поцеловал сначала крест, потом ее губы и добавил: — Должен ли я потребовать такой же клятвы и от тебя?

Маргарет засмеялась:

— Если ты хочешь. Но, по-моему, это не нужно. Я знаю, что сердце твое никогда больше никого не полюбит, даже если я умру и ты женишься на другой. И все-таки мужчины — это мужчины, поэтому я поклянусь вот в чем: если ты случайно поскользнешься и я доживу до того, что услышу

об этом, я постараюсь не судить тебя сурово. — И она засмеялась, так как была абсолютно уверена в своей власти над Питером.

— Благодарю тебя, — ответил Питер. — Но я постараюсь крепко стоять на ногах, и, если тебе будут рассказывать какие-либо сказки обо мне, прошу тебя, хорошенько разберись в них.

Они забыли о своих страхах и сомнениях и принялись говорить о будущей свадьбе, назначенной ровно через месяц, и о своей счастливой жизни в Дедхэме. Маргарет хорошо знала тамошний дом, так как жила в нем ребенком, и надавала Питеру массу наставлений, как устроить комнаты, какую и где поставить мебель. Денег на обстановку решили не жалеть, и Маргарет обещала отправить туда все, что нужно, как только потребуется.

Так текли часы за часами, и вот уже настал вечер. В последний раз они втроем сели за стол. Было решено, что Питер тронется в путь, когда взойдет луна, чтобы никто его не увидел. Ужин нельзя было назвать веселым, хотя все трое делали вид, что едят с аппетитом. Наконец лошади были поданы, и Маргарет пристегнула Питеру его меч и набросила плащ на плечи. Питер пожал руку Кастеллу, напомнил ему об обещании беречь их общее сокровище, поцеловал на прощанье

Маргарет и пошел к выходу.

Маргарет с серебряной лампой в руке провожала его до прихожей. В дверях Питер обернулся и увидел, что она смотрит ему вслед широко раскрытыми глазами. Лицо у нее было напряженное и бледное. Питер заколебался, решимость почти покинула его. Ему так захотелось остаться! Но он превозмог себя и вышел.

Маргарет стояла неподвижно, пока не услышала стук копыт. Тогда она обернулась к отцу и сказала:

— Отец, я не знаю почему, но мне кажется, что теперь мы с Питером встретимся далеко отсюда, в бушующем море. Я только не знаю, где это будет.

Не ожидая ответа, она пошла к себе в комнату. Кастелл молча смотрел ей вслед, потом пробормотал:

— Хвала богу, она не прорицательница. Но почему у меня так тяжело на сердце? Ведь я сделал для нее и для Питера все, что мог. А что будет со мной, мне теперь все равно.

ГЛАВА VII. НОВОСТИ ИЗ ИСПАНИИ

Питер Брум был очень спокойный человек — его голос редко слышался в доме Кастелла. И тем не менее без Питера большой старый дом в Холборне казался пустым. Даже красивая Бетти, с которой Питер никогда не был особенно дружен, так как он многого не одобрял в ее поведении, и та чувствовала, что его не хватает, и сказала об этом своей кузине. Маргарет в ответ только вздохнула.

В глубине души Бетти боялась и уважала Питера. Она боялась его внимательных глаз и насмешливых замечаний, ибо знала, что они всегда справедливы. А уважала она его за прямоту и честность характера, особенно в тех случаях, когда дело касалось женщин.

Ходили слухи, что, когда Питер впервые появился в доме Кастелла, Бетти решила, что это человек благородного происхождения — как раз тот, кого бы ей хотелось иметь своим мужем, и она пошла в наступление. Но так как ее чары оставались незамеченными, атаки постепенно

становились все более и более откровенными. Чем это кончилось, знали только они двое. С тех пор Бетти отзывалась о Питере как о бессердечном грубияне, который думает только о делах и выгоде. Постепенно другие заботы заставили ее позабыть об этом эпизоде, но уважение к Питеру осталось. Более того: Питер доказал, что он хороший друг, и — что еще важнее — друг, который умеет молчать. Бетти хотелось, чтобы он вернулся именно теперь, когда нечто более серьезное, чем простое тщеславие и жажда острых ощущений, охватило ее, ибо Бетти чувствовала, что она вступила на очень опасный и довольно скользкий путь.

Приказчики и слуги тоже ощущали отсутствие Питера. Ведь это к нему они приходили для разрешения всех споров. Кроме того, он всегда был готов помочь или выручить из беды, если только человек, обратившийся к нему, не совершил бесчестного поступка. Больше всех не хватало Питера Кастеллу; только теперь, после его отъезда, он понял, что значил для него Питер и как помощник и как друг. Что касается Маргарет, то без Питера жизнь казалась ей долгой и одинокой ночью.

В такой момент в доме бывают рады всякому

разнообразию, и, хотя д'Агвилар мало интересовал Маргарет, она все же была довольна, когда однажды утром Бетти сообщила ей, что испанец собирается сегодня навестить ее и преподнести подарок.

— Меня не интересуют его подарки, — безразлично ответила Маргарет и тут же спросила. — А откуда ты знаешь об этом, Бетти?

Девушка покраснела:

— Я знаю об этом потому, что вчера, когда я шла навестить мою старую тетку, которая живет на набережной у Вестминстера, я встретила его. Он окликнул меня и сказал, что у него есть подарок для тебя и для меня тоже.

— Будет лучше, Бетти, если ты не станешь встречать его так часто. Испанцы не всегда отличаются большой честностью. Как бы тебе самой не пришлось убедиться в этом.

— Я благодарна тебе за добрый совет, — обиженно промолвила Бетти, — но я старше тебя и достаточно хорошо знаю мужчин, чтобы оберегать себя и держать их на расстоянии.

— Я очень рада этому, Бетти, только иногда мне кажется, что это расстояние бывает слишком близким, — заметила Маргарет и прекратила разговор на эту тему, ибо ее в настоящую минуту

занимали совсем другие мысли.

Днем, когда Маргарет гуляла в саду, к ней прибежала раскрасневшаяся Бетти и сообщила, что лорд д'Агвилар ожидает ее в зале.

— Хорошо, — ответила Маргарет, — я сейчас приду. Сходи к отцу и скажи ему, что у нас гость. Но что с тобой, почему ты такая взволнованная и запыхавшаяся? — добавила она с удивлением.

— О! — вырвалось у Бетти. — Он принес мне подарок, такой прелестный подарок! Он подарил мне мантилью из самых удивительных кружев, какие я когда-либо видала, и оправленный в золото черепаховый гребень, для того чтобы придерживать ее на голове. Он не отпускал меня, пока не показал, как она надевается. Потому я так спешила.

Маргарет с трудом могла уловить связь между этими двумя сообщениями и только сказала:

— Я думаю, что разумнее было бы сначала прийти сюда. И вообще, я не понимаю, почему этот красивый лорд носит тебе подарки.

— Но он принес и тебе подарок, он только не хотел сказать, что это за подарок.

— Тут я понимаю еще меньше. Пойди скажи отцу, что сеньор д'Агвилар ожидает его.

Маргарет вошла в зал. Д'Агвилар рассматривал

украшенный цветными рисунками молитвенник, который она обычно читала. На одной странице молитвы были написаны по-испански, на противоположной — по-латыни. Д'Агвилар приветствовал Маргарет со свойственным ему изяществом, которое выглядело естественным и отнюдь не вызывающим, когда он обращался к ней, и сразу же спросил:

— Так вы читаете по-испански, сеньора?

— Немного.

— И по-латыни?

— Тоже немного. Читая молитвенник, я стараюсь лучше постичь оба языка.

— Я не сомневаюсь, что вы столь же образованны, как и прекрасны. — И он изысканно поклонился ей.

— Благодарю вас, сеньор, но я не претендую ни на то, ни на другое.

— Зачем претендовать на то, чем уже обладаешь — заметил д'Агвилар и добавил: — Но я совсем забыл: я принес вам подарок, если вы соблаговолите принять его. Вернее сказать, я принес вам то, что принадлежит вам или, во всяком случае, вашему отцу. Я торговался с его преосвященством доном де Айала, доказывая ему, что пятьдесят золотых слишком высокая

цена за жизнь того негодяя. Но он мне не вернул деньги, поскольку он не в силах расстаться с золотом. Все-таки я получил кое-что взамен, и это находится сейчас у ваших дверей. Это испанская лошадь настоящих арабских кровей, из тех, которых мавры сотни лет назад привели с собой с востока. Его преосвященству она больше не нужна, так как он возвращается в Испанию. Она приучена к дамскому седлу.

Маргарет не знала, что ответить, но, к счастью, в этот момент вошел отец. Д'Агвилар повторил всю историю, добавив, что он слышал, как Маргарет говорила, что ее лошадь упала во время прогулки и она не может больше на ней кататься.

Кастеллу не хотелось принимать этот подарок — он понимал, что это именно подарок, — но д'Агвилар заверил его, что если Кастелл откажется, то он вынужден будет продать коня и вернуть Кастеллу деньги, так как они не принадлежат д'Агвилару. Другого выхода не было, и Кастелл поблагодарил испанца от имени своей дочери и от своего собственного, и они прошли в дворик посмотреть лошадь.

В тот момент, когда Кастелл увидел лошадь, он понял, что она представляет собой огромную ценность. Лошадь была совершенно белого цвета,

с длинным и низким крупом, маленькой головой, ласковыми глазами, круглыми копытами и развевающимися гривой и хвостом. На такой лошади могла ездить королева.

Это смутило Кастелла — он был уверен, что такое животное никто не отдаст в качестве сдачи, хотя бы потому, что оно стоит больше пятидесяти золотых. Кроме того, на лошади было женское седло и уздечка из великолепно выделанной красной кордовской кожи, серебряные стремена и мундштук. Но д'Агвилар улыбался и клялся, что все произошло именно так, как он рассказал. Делать было нечего. К тому же Маргарет была так довольна лошадью, на которой ей сразу же захотелось прокатиться, что забыла о своих подозрениях. Заметив радость, которую Маргарет не могла скрыть, д'Агвилар сказал:

— Теперь я попрошу вас сделать мне одно одолжение. Вы говорили, что совершаете по утрам прогулки с отцом. Могу я просить вашего разрешения, — обратился он к Кастеллу, — сопровождать вас завтра утром, часов, скажем, в семь? Мне хотелось бы показать вашей дочери, как обращаться с лошадью этой породы.

— Если вы желаете, — ответил Кастелл, — и если погода будет хорошая.

Предложение было столь любезным, что отказать было невозможно.

Д'Агвилар поклонился, и они вернулись в дом. Когда они вошли в зал, испанец спросил, благополучно ли добрался их родственник Питер до места, и добавил:

— Прошу вас не говорить мне, где он, чтобы я мог положа руку на сердце поклясться кому угодно, а особенно тем, кто продолжает искать его, что я не знаю, где он скрывается.

Кастелл ответил, что всего несколько минут назад он получил письмо, в котором сообщается о благополучном прибытии Питера. При этой новости Маргарет встрепенулась, но, вспомнив данное обещание, с безразличным видом заметила, что рада слышать это, так как дороги не совсем безопасны. Д'Агвилар тоже сказал, что весьма рад этому обстоятельству, и, поднявшись, попросил разрешения откланяться.

Когда он ушел, Кастелл передал Маргарет адресованное ей письмо Питера, написанное его прямым и твердым почерком. Она быстро пробежала его. Письмо начиналось и кончалось нежными словами, но было кратким и деловым. Питер сообщал, что его путешествие закончилось благополучно и он счастлив оказаться в

старом доме. На следующий день он собирался встретиться с мастерами, ведь ремонт необходим — даже ров полон грязи и сорной травы. Письмо заканчивалось так: «Я не верю этому красивому испанцу и ревную, когда думаю, что он будет рядом с вами в мое отсутствие. Остерегайтесь его, прошу вас, остерегайтесь его. Да хранит вас пресвятая матерь божья и все святые. Преданный вам всей душой ваш возлюбленный».

Ответ Маргарет написала в тот же день, так как посланный должен был на рассвете ехать обратно. Помимо всех прочих дел, она сообщила Питеру о подарке д'Агвилара и о том, как она и отец были вынуждены принять его. Она умоляла Питера не ревновать: хотя подарок ей и нравится, но того, кто преподнес его, она не любит, а только считает часы, когда ее возлюбленный вернется и возьмет ее с собой.

Утро и погода были превосходны, Маргарет встала рано и оделась в костюм для верховой езды. Ровно в семь часов явился д'Агвилар. Из конюшни вывели испанскую лошадку, и он ловко помог Маргарет сесть в седло. Затем показал, как следует осторожно натягивать уздечку, и предупредил, что ускорять или замедлять бег лошади нужно только голосом, ни в коем случае

не прибегать к хлысту или шпорам.

Лошадь была действительно великолепна: кроткая, как ягненок, послушная и в то же время горячая и быстрая.

Д'Агвилар оказался прелестным кавалером. Он рассказывал о самых разнообразных вещах — серьезных и веселых, так что в конце концов даже Кастелл забыл о своих тревогах и повеселел. Было свежее весеннее утро. Они легким галопом пересекали долины, взбирались на холмы, слушали пение птиц в лесу и наблюдали работающих в поле людей.

Эта прогулка оказалась только началом. Д'Агвилар узнавал часы прогулок даже тогда, когда они меняли их, и, приглашали они его или нет, присоединялся к ним или встречал во время прогулок с такой естественностью, что невозможно было отказаться от его общества. Отец и дочь никак не могли догадаться, каким образом д'Агвилар узнавал об их прогулках и даже о том, куда они собирались ехать. Они предполагали, что все это он узнает от грумов, хотя тем было дано строгое приказание ничего не говорить. Им и в голову не приходило, что это могла делать Бетти. Они не могли предположить, что если они встречаются с д'Агвиларом по утрам, то Бетти делает то же

самое по вечерам, когда все думают, что она в церкви, или занимается шитьем, или навещает свою тетку в окрестностях Вестминстера. Но об этих своих прогулках девушка никому не рассказывала по причинам, одной ей ведомым.

Теперь, когда они катались вместе, д'Агвилар по-прежнему оставался вежлив и предупредителен, но манеры его становились все более непринужденными. Он рассказывал всевозможные истории из своей жизни, наполненной необычайными событиями, намекал на свое высокое положение, которое он пока вынужден скрывать. Говорил о своем одиночестве, о том как оно тяготит его и как он хотел найти родственную душу, которая разделила бы с ним его богатство, положение и надежды. В эти минуты его черные глаза останавливались на Маргарет, словно говоря: «Вы та женщина, которую я ищу».

В конце концов эти намеки испугали Маргарет, и она решила, не имея возможности избежать встреч с д'Агвиларом, отказаться от верховых прогулок до возвращения Питера, хотя очень любила верховую езду. Она заявила, что повредила себе колено и седло причиняет ей боль. Великолепная испанская кобыла вынуждена была теперь оставаться в конюшне.

Таким образом Маргарет на несколько дней освободилась от общества д'Агвилара и занялась чтением, работой и сочинением длинных писем Питеру, который был чрезвычайно занят в Дедхэме и давал ей в своих посланиях многочисленные поручения.

Однажды утром, сидя у себя в конторе, Кастелл занимался расшифровкой только что полученных писем. Накануне ночью его лучшее судно водоизмещением в двести тонн, названное по имени его дочери «Маргарет», благополучно прибыло из Испании в устье Темзы. В этот вечер во время прилива оно должно было бросить якорь в Грейвсенде, и Кастелл собирался поехать туда, чтобы посмотреть за разгрузкой. Это был последний из его кораблей, который еще не был продан, и Кастелл намеревался тут же вновь нагрузить корабль товарами и продовольствием и отправить в Севильский порт, где испанский компаньон Кастелла, Хуан Бернальдес, на чье имя был зарегистрирован корабль, обязался приобрести его за условленную цену. После этого Кастеллу оставалось только передать свою торговлю лондонским купцам, и он мог, сохранив свое состояние, удалиться от дел и провести остаток жизни на покое, в Эссексе, со своей дочерью

и ее мужем. Больше он ни о чем не мечтал.

Как только «Маргарет» оказалась у берегов Темзы, капитан Смит высадил на берег приказчика, приказав ему взять лошадь и немедленно доставить Кастеллу в Холборн письма и список грузов. Эти письма и читал сейчас Кастелл. Одно из них было от сеньора Бернальдеса из Севильи; оно не было ответом на письмо, посланное Кастеллом в ту ночь, когда началась вся эта история, — то письмо еще не дошло, — однако оно было посвящено тому же самому делу. В письме говорилось следующее:

Вы помните, я писал вам о человеке, посланном в Лондон ко двору. Пользуясь тем, что наш шифр никому неизвестен, а это очень важно и вы должны быть предупреждены, я беру на себя риск назвать его имя. Его зовут д'Агвилар. После отправки моего прошлого письма я узнал еще кое-что об этом гранде. Хотя он называет себя просто д'Агвиларом, в действительности это маркиз Морелла. Говорят, в нем течет королевская кровь, так как он является незаконно-

рожденным сыном принца Карлоса[10] *и, следовательно, сводным братом короля. По слухам, Карлос был влюблен в богатую и знатную мавританку из Агвилара. У нее были огромные поместья в Гранаде и в других местах. И так как Карлос не мог жениться на ней из-за разницы в их положении и вероисповедании, то союз их не был узаконен. У них родился сын. Перед тем как принц Карлос умер или был отравлен, будучи пленником в Морелле, он добился для этого мальчика титула маркиза, дав ему, по странной фантазии, имя Морелла. Ему же он завещал некоторые свои земли. После смерти принца его возлюбленная, которая тайно стала христианкой, перевезла сына в свой замок в Гранаде. Там она умерла десять лет назад, оставив сыну все свое богатство, так как не была замужем. Говорят, жизнь его была в опасности, потому что, хоть он наполовину мавр, но в его венах слишком много королевской крови. Однако мар-*

[10] Примечания: 10

Карлос, принц Вианский — законный наследник арагонского престола. Вел борьбу со своим отчимом королем Хуаном II, отцом Фердинанда. Согласно легенде, был отравлен второй женой короля Хуана.

киз оказался человеком умным и сумел убедить короля и королеву в том, что он думает только о собственных удовольствиях. К тому же за него вступилась церковь, ибо он доказал, что является ее верным сыном, занимаясь истреблением еретиков, особенно евреев, и даже мавров, хотя они с ним одной крови. Его оставили в покое и утвердили за ним его владения. Но стать священником он отказался.

С тех пор маркиз был представителем испанского престола в Гранаде, его посылали в Лондон, Рим и в другие места по делам, связанным с вопросами веры и создания святой инквизиции. Вот почему он находится сейчас в Англии — он должен добыть имена и сведения о маранах, живущих там, особенно если они торгуют с Испанией. Я видел список имен тех, кем он должен заняться в первую очередь. Поэтому я и пишу вам так подробно, — ваше имя стоит в этом списке первым. Я думаю, что вы поступили правильно, ликвидируя свою торговлю с Испанией и особенно, что вы срочно решили продать нам свои корабли. Иначе они могут быть

захвачены, так же как и вы, если появитесь здесь. Мой совет вам: спрячьте свое богатство, — оно будет достаточно велико, после того как мы выплатим вам свои долги, — и уезжайте в безопасное место, пока эта ищейка д'Агвилар не напал на ваш след в Лондоне. Хвала всевышнему, никого из нас ни в чем не подозревают, вероятно потому, что мы многим хорошо платим.

Закончив расшифровку письма, Кастелл внимательно перечитал его. Затем он прошелся в зал, где горел камин, так как день был холодный, бросил письмо в огонь и подождал, пока оно превратилось в пепел. После этого он вернулся в контору и спрятал оригинал письма в потайной ящик в стене. Только тогда он уселся в кресло и задумался:

«Мой добрый друг Хуан Бернальдес прав. Д'Агвилар, или маркиз Морелла, выслеживает меня и других. Ну что ж, я не собираюсь и дальше связывать свою судьбу с Испанией. Почти все деньги, за исключением тех, которые еще должны прибыть из Испании, укрыты так, что ему никогда не добраться до них. И все-таки я молю бога, чтобы

Питер и Маргарет скорее поженились и мы все трое уединились в Дедхэме, вдали от чужих глаз. Я слишком долго был в этой игре. Мне нужно было закрыть свои книги год назад. Но торговля шла так хорошо, что я не мог решиться на это. К тому же мне везло, и за этот год я удвоил свое состояние. И все-таки нужно было свернуть торговлю раньше, чем они пронюхали о моем богатстве. Жадность, чистая жадность! Ведь я не нуждался в этих деньгах, которые могут погубить нас».

Его раздумья были прерваны стуком в дверь. Джон Кастелл схватил перо, обмакнул в чернильницу, и, крикнув: «Входите!», принялся вписывать колонки цифр в лежавшую перед ним бумагу.

Дверь отворилась, но Кастелл сделал вид, что он настолько поглощен счетами, что не слышит. Какое-то чутье подсказало ему, что за его спиной стоит д'Агвилар. Возможно, он подсознательно узнал его шаги. На мгновение он похолодел — только что он читал о миссии этого человека, — страх перед наступающим охватил его. Однако Кастелл сыграл великолепно.

— Зачем ты беспокоишь меня, дочка? — спросил он раздраженно, не поворачивая головы. — У меня и так масса огорчений. Половина груза ока-

залась испорченной, а ты отрываешь меня, когда я подсчитываю свои убытки.

С этими словами Кастелл бросил перо и резко повернулся вместе со стулом.

Перед ним действительно стоял с улыбкой склонившийся в своем обычном поклоне роскошно одетый д'Агвилар.

ГЛАВА VI. Д'АГВИЛАР ГОВОРИТ

— Убытки? — переспросил д'Агвилар. — Неужели я ослышался: богач Джон Кастелл, который держит в своих руках половину торговли с Испанией, говорит об убытках?

— Да, сеньор, это так. Дела очень плохи. С этим судном мне не повезло. Оно едва уцелело от весенних бурь. Однако садитесь, прошу вас.

— Неужели дела действительно плохи? — усмехнулся д'Агвилар, усаживаясь. — Как, однако, нагло врут слухи! Я слышал, что ваши дела идут хорошо. Впрочем, конечно, то, что для вас является убытком, для такого человека, как я, было бы колоссальной прибылью.

Кастелл не ответил. Он выжидал, чувствуя, что его гость пришел не для того, чтобы разговаривать с ним о торговых делах.

— Сеньор Кастелл, — вновь обратился к нему д'Агвилар; в голосе его чувствовалось волнение. — Я пришел просить вас кое о чем.

— Если вы хотите одолжить у меня денег, сеньор, то боюсь, что момент как раз неподходящий. — И он кивнул на бумагу, испещренную

цифрами.

— Я не собираюсь просить у вас денег в долг, я прошу вас сделать мне подарок.

— Все, что есть в моем бедном доме, принадлежит вам, — с восточной вежливостью ответил Кастелл.

— Рад слышать это, сеньор, потому что я действительно хочу получить кое-что из вашего дома.

Кастелл вопросительно посмотрел на него.

— Я прошу руки вашей дочери, сеньоры Маргарет.

Кастелл удивленно посмотрел на д'Агвилара, и с его губ сорвалось:

— Это невозможно.

— Почему невозможно? — медленно спросил д'Агвилар, словно ожидавший такого ответа, — По возрасту мы подходим друг к другу, хотя я занимаю гораздо более высокое положение, чем вы предполагаете. Не хочу хвастаться, но женщины не считают меня уродливым. Я буду добрым другом дому, из которого возьму жену, а ведь может прийти день, когда понадобятся друзья. И, наконец, я хочу жениться на ней не ради того, что она принесет с собой, хотя богатство никогда не бывает лишним, а потому — прошу вас поверить

мне, — что люблю ее.

— Я слышал, что сеньор д'Агвилар любит многих женщин там, в Гранаде.

— Так же как я слышал, что «Маргарет» проделала очень выгодный рейс, сеньор Кастелл. Слухам, как я только что говорил, верить нельзя. Я буду говорить прямо. Я не был святым. Но теперь я им стану ради Маргарет. Я буду верен вашей дочери, сеньор. Что вы теперь скажете?

Кастелл только покачал головой.

— Послушайте, — продолжал д'Агвилар, — я не тот, за кого выдаю себя. Ваша дочь, выйдя за меня замуж, получит высокое положение и титул.

— Да, вы маркиз Морелла, сын принца Карлоса и мавританки, племянник его величества короля Испании.

Д'Агвилар в упор посмотрел на своего собеседника и слегка поклонился.

— Ваши сведения не менее точны, чем мои. Вам, конечно, не нравится примесь в моей крови. Ну что ж, если бы ее не было, я бы теперь сидел на месте Фердинанда. Мне она тоже не по душе, хотя это древняя кровь благородных мавров. Однако разве племянник короля и сын гранадской принцессы не может быть подходящим мужем для дочери… еврея… да, марана, и английской леди,

христианки, из хорошей семьи, но не больше?

Кастелл поднял руку, собираясь сказать что-то, но д'Агвилар продолжал:

— Не отрицайте этого, друг мой. Здесь, когда мы с вами одни, не стоит это делать. Разве некий Исаак из Толедо лет пятьдесят назад не покинул вместе со своим маленьким сыном Испанию и не стал известен в Лондоне как Джозеф Кастелл? Как видите, не только вы изучаете родословную.

— Ну, и что из этого, сеньор?

— Что из этого? Ничего, мой друг Кастелл. Кого может заинтересовать эта старая история, если старый Исаак давно умер, а его сын уже около пятидесяти лет добрый христианин, был женат на христианке и имеет христианку дочь. Вот если бы он только притворялся христианином, а в действительности тайно исполнял еврейские обряды, вот тогда…

— Что тогда?

— Тогда он безусловно был бы изгнан из этой страны, где евреям запрещено жить, его имущество было бы конфисковано в пользу королевской казны, его дочь попала бы под опеку короля и была бы выдана замуж по желанию его величества, а сам он был бы, по всей вероятности, передан в руки испанских властей, с тем чтобы ответить за

все. Но мы отвлеклись. Все ли еще невозможен наш брак?

Кастелл посмотрел прямо в глаза д'Агвилару:

— Да!

Он произнес это слово так смело, что д'Агвилар на мгновение растерялся. Он не ожидал такого ответа.

— Может быть, вы будете так любезны объяснить мне причину?

— Причина проста, маркиз: моя дочь обручена.

Д'Агвилар не выразил удивления.

— С этим скандалистом, вашим родственником, Питером Брумом? — спросил он. — Я догадывался об этом, и, клянусь всеми святыми, мне жаль ее. Это слишком скучный возлюбленный для такой красивой и яркой женщины, а как муж… — Д'Агвилар передернул плечами. — Дорогой Кастелл, ради нее вы не допустите этого брака.

— А если допущу?

— Тогда я разрушу его ради нас всех, включая, конечно, и меня, потому что я люблю Маргарет и хочу возвысить ее, и ради вас, ибо я хочу, чтобы вы прожили оставшиеся годы в мире и довольстве, а не как затравленная собака.

— Как вы разрушите его, маркиз? Путем…

— О нет, сеньор, — перебил его д'Агвилар, — не

чужими мечами, если вы это имеете в виду. Достойный Питер в безопасности от них, поскольку это зависит от меня, хотя, если мы столкнемся лицом к лицу, победит тот, кто сильнее. Не бойтесь, друг мой, я не унижусь до убийства, я слишком дорожу своей душой, чтобы осквернять ее кровью. И я никогда не женюсь на женщине вопреки ее воле. Однако Питер может умереть, и прекрасная Маргарет сможет протянуть мне руку и сказать: «Я выбираю вас своим мужем».

— Все это, конечно, может случиться, маркиз, но я не думаю, чтобы это произошло. Что касается меня, я благодарю вас, но вынужден отклонить ваше лестное предложение. Я полагаю, что моя дочь будет более счастлива в ее нынешнем скромном положении с тем человеком, которого она избрала. Вы разрешите мне вернуться к моим счетам? — Кастелл встал.

— Да, сеньор, — ответил д'Агвилар, тоже вставая, — но прибавьте к тем убыткам, о которых вы говорили, еще один — дружбу Карлоса, маркиза Морелла, а на той странице, где у вас прибыли, добавьте его ненависть. — Смуглое, красивое лицо д'Агвилара исказилось от злобы. — Вы что, сошли с ума? Вспомните о маленькой молельне за алтарем в вашей часовне и о том, что там

находится!

Кастелл пристально посмотрел на него и затем сказал:

— Пойдемте, посмотрим. Нет, не бойтесь: так же как и вы, я помню о своей душе и не обагрю своих рук кровью. Идите вслед за мной, вы будете в безопасности.

Любопытство или какая-то другая причина заставила д'Агвилара подчиниться. Через несколько минут они оказались позади алтаря.

— Смотрите, — сказал Кастелл, нажав пружину и открыв потайную дверь.

Д'Агвилар заглянул в комнатку. Но куда делись стол, ящик, подсвечники, свитки, о которых говорила ему Бетти? Там были только старые пыльные ящики с пергаментами и поломанная мебель.

— Что вы видите? — спросил Кастелл.

— Только то, что вы гораздо умнее, чем я предполагал. Но отвечать на эти вопросы вам придется не сейчас и не мне. Поверьте, я не инквизитор.

С этими словами д'Агвилар повернулся и вышел. Когда Кастелл, прикрыв потайную дверь, поспешно вышел из часовни, маркиза уже не было.

Чрезвычайно взволнованный, Кастелл вернул-

ся в свой кабинет и сел поразмыслить. Судьба, которая так долго оставалась благосклонной к нему, теперь отвернулась. Хуже быть не могло. Д'Агвилар через своих шпионов раскрыл тайну его веры, и так как, к несчастью, маркиз влюблен в его дочь, а Кастелл вынужден отказать ему, то д'Агвилар стал его злейшим врагом. Почему же он отказал д'Агвилару? Ведь это человек знатный и занимающий высокое положение. Маргарет стала бы женой одного из первых грандов Испании, стоящего ближе всех к трону. Может быть — такие случаи бывают, — она стала бы королевой или матерью королей? Более того: этот брак принес бы самому Кастеллу безопасность, спокойную старость, тихую смерть в собственной постели — ведь будь он хоть пятьдесят раз мараном, кто посмеет тронуть тестя маркиза Морелла? Так почему же он отказал? Да просто потому, что он обещал выдать ее замуж за Питера, а за всю жизнь купца он никогда не отказывался от своего слова. И в душе Кастелл пожалел, что согласился выдать Маргарет за Питера. Почему он не заставил Питера, который так долго ждал, подождать еще месяц? Но теперь уже было поздно. Он дал слово и будет держать его, чего бы это ему ни стоило.

Кастелл встал и приказал служанке позвать к

нему Маргарет. Однако та вернулась с сообщением, что ее хозяйка отправилась на прогулку вместе с Бетти и что лошадь ожидает хозяина, чтобы ехать к реке. Кастелл собирался провести ночь на борту своего судна.

Положив перед собой лист бумаги, Кастелл подумал было, не написать ли Маргарет и не предупредить ли ее. Но затем он решил, что ей нечего бояться д'Агвилара, по крайней мере в настоящее время, и что опасно доверять бумаге такие вещи; он написал только, чтобы она берегла себя и что он вернется на следующий день утром.

В тот же день вечером, когда Маргарет сидела в своей маленькой гостиной, примыкавшей к общему залу, дверь отворилась, и, подняв глаза от вышивания, Маргарет увидела стоявшего перед ней д'Агвилара.

— Сеньор, — с удивлением воскликнула она, — как вы попали сюда?

— Сеньора, — с поклоном ответил д'Агвилар, закрывая за собой дверь, — меня принесли сюда мои ноги. Если бы я мог, я думаю, что никогда не уходил бы от вас.

— Не говорите мне комплиментов, сеньор, прошу вас, — нахмурившись, сказала Маргарет. — Я не могу принимать вас одна, поздно вечером,

когда отца дома нет.

Маргарет встала и попыталась пройти мимо него к двери. Однако д'Агвилар не сдвинулся с места, и ей пришлось остановиться.

— Я знал, что его нет, — учтиво заметил д'Агвилар, — и именно поэтому я рискнул обратиться к вам по вопросу чрезвычайно важному. Я умоляю вас уделить мне несколько минут.

У Маргарет мелькнула мысль, что он принес ей новости о Питере, — вероятно, плохие.

— Садитесь и говорите, сеньор, — ответила она, опускаясь в кресло.

— Сеньора, — начал д'Агвилар, — мои дела в этой стране закончены, и через несколько дней я возвращаюсь в Испанию… — Он приостановился, словно выжидая.

— Я уверена, что ваше путешествие будет приятным, — заметила Маргарет, не зная, что еще сказать.

— Я тоже надеюсь на это, сеньора, потому что я пришел просить вас разделить его со мной. Выслушайте меня, прежде чем отказывать мне. Сегодня я видел вашего отца и просил у него вашей руки. Он не дал мне никакого ответа, не сказав ни «да», ни «нет». Он заявил мне, что вы сами решаете свою судьбу и что я должен услы-

шать решение из ваших уст.

— Мой отец сказал так? — перебила его удивленная Маргарет, но потом ей пришло в голову, что у Кастелла, очевидно, была какая-то причина для такого ответа, и она быстро добавила: — Ну что ж, мой ответ будет прост и краток. Я благодарю вас, сеньор, но я остаюсь в Англии.

— Ради вас и я готов остаться здесь, хотя, по правде говоря, я нахожу эту страну холодной и варварской.

— Если вы останетесь здесь, сеньор д'Агвилар, уеду в Испанию я. Прошу вас, пропустите меня!

— Только после того, как вы выслушаете все. Я уверен, что тогда вы будете более снисходительны. Поймите, я занимаю очень высокое положение у себя на родине. Это здесь я предпочитаю жить инкогнито, под скромным именем сеньора д'Агвилара. Я маркиз Морелла, племянник короля Фердинанда. Я богат и знатен. Если вы не верите мне, я могу представить вам доказательства.

— У меня нет оснований не верить вам, — холодно ответила Маргарет. — Все это, может быть, и правда, но какое это имеет отношение ко мне?

— А то, что я, у которого в венах струится королевская кровь, прошу дочь купца стать моей

женой.

— Благодарю вас, но меня вполне устраивает мой скромный жребий.

— Вам безразлично, что я люблю вас всем сердцем? Выходите за меня замуж, и я возвышу вас, может быть, даже до трона.

Маргарет подумала мгновение и затем сказала:

— Вы предлагаете крупную взятку, но как вы сделаете это? Разве девушек не обманывают поддельными драгоценностями?

— А как это делалось раньше? Далеко не все любят Фердинанда. У меня есть много друзей, которые помнят, что мой отец был старшим сыном, но его отравили. А моя мать была мавританской принцессой. И если я, живущий среди мавров в качестве посла испанского престола, соединю свой меч с их мечами… Есть и другие пути. Однако я говорю вещи, которые никогда раньше не произносили мои уста. Если они когда-либо станут известны, это будет стоить мне жизни — пусть это послужит доказательством того, насколько я доверяю вам.

— Благодарю вас, сеньор, за ваше доверие, но мне кажется, что эта корона находится так высоко, что путь к ней весьма опасен. Я предпочитаю

оставаться внизу, в безопасности.

— Вы отказываетесь от славы, — взволнованно прервал ее д'Агвилар, — может быть, вас тронет любовь. Вам будут поклоняться. Вы будете окружены таким обожанием, как ни одна женщина в мире. Клянусь вам, в ваших глазах есть искра, которая зажгла в моем сердце огонь, он пылает день и ночь и никогда не погаснет. Ваш голос для меня сладчайшая музыка, ваши волосы пленили меня сильнее, чем кандалы — узника; когда вы идете, мне кажется, что богиня красоты Венера спустилась на землю. Ваш ум так же ясен и благороден, как и ваша красота, и с его помощью я достигну всего на земле и завоюю место на небе. Я люблю вас, моя госпожа, моя прекрасная Маргарет. Из-за вас все женщины на свете потеряли для меня всякую прелесть. Смотрите, как сильно я люблю вас, если я, один из первых грандов Испании, преклоняюсь перед вашей красотой. — С этими словами д'Агвилар неожиданно упал перед ней на колени и, схватив подол ее платья, прижал к своим губам.

Маргарет смотрела на него, и гнев, вспыхнувший было у нее в душе, таял; вместе с ним исчезло чувство страха. Этот человек был искренен, в этом она не могла сомневаться. Рука, державшая

подол ее платья, трепетала, лицо было бледно, а в черных глазах блестели слезы. Почему же бояться этого человека, который был ее рабом?

— Сеньор, — мягко сказала она, — поднимитесь, прошу вас. Не тратьте на меня свою любовь, я не заслуживаю ее и не достойна вас. Я не могу ответить на нее. Сеньор, я уже обручена. Забудьте меня и найдите другую женщину, достойную вашей любви.

— Обручена! — воскликнул д'Агвилар. — Я знаю об этом. Нет, я не хочу сказать о нем ничего дурного. Порочить того, кому более повезло, непристойно. Но какое имеет значение то, что вы обручены? Что значило бы для меня, если бы вы даже были замужем? Я все равно добивался бы вас, для меня нет другого пути. Вы говорите, что вы ниже меня. Вы выше меня, как звезда, и вас так же трудно достичь. Искать другую любовь? Уверяю вас, что я завоевал немало женщин — ведь не все так неприступны, как вы, — и теперь я ненавижу их. Я жажду вашей любви и буду добиваться вас до последнего дня моей жизни. Я завоюю вас или погибну. Впрочем, нет, я не умру, пока вы не будете моей. Не пугайтесь, я не буду убивать вашего возлюбленного, иначе как в честном бою. Я не буду принуждать вас стать

моей женой, даже если бы я имел такую возможность, но я еще услышу из ваших собственных уст, как вы попросите меня быть вашим мужем. Я клянусь в этом Иисусом! Я клянусь, что только этому посвящу всю свою жизнь! И если случится так, что вы умрете раньше меня, я последую за вами до самых ворот рая и найду вас там.

Страх вновь сжал сердце Маргарет. Любовь этого человека была страшна, хотя и величественна. Питер никогда не говорил ей таких слов.

— Сеньор, — сказала она почти виноватым голосом, — мертвые оказываются плохими невестами. Оставьте эти больные фантазии, их порождает ваша восточная кровь.

— Но это и ваша кровь — ведь вы наполовину еврейка, и вы должны понимать мои чувства.

— Возможно, я и понимаю. Может быть, я восхищаюсь ими и даже считаю их по-своему возвышенными и благородными, если можно считать благородным стремление завоевать чужую невесту. Но я, сеньор, невеста другого и принадлежу ему вся, телом и душой. И я не откажусь от своего слова и не разобью его сердце за все царства на земле. Еще раз прошу вас, сеньор, предоставьте бедной девушке ту скромную участь, которую она избрала, и забудьте ее.

— Леди, — ответил д'Агвилар, — ваши слова мудры и деликатны, я благодарен вам за них. Но я не могу забыть вас. И клятву, которую я только что произнес, я повторяю. — И прежде чем Маргарет успела остановить его и даже догадаться о том, что он собирается делать, д'Агвилар взял золотое распятие, висевшее у нее на груди, поцеловал его и опустил со словами: — Вы видите, я мог поцеловать вас в губы и вы не успели бы остановить меня, но я никогда этого не сделаю, пока вы сами не позволите мне. Поэтому вместо ваших губ я поцеловал распятие, которое мы оба носим. Леди Маргарет, моя леди Маргарет, через день или два я уплываю в Испанию, и я увожу с собой ваш образ. Я верю, что пройдет немного времени — и наши пути скрестятся. Разве может быть иначе — ведь наши жизни переплелись в тот вечер около Вестминстерского дворца, переплелись для того, чтобы никогда не разойтись, пока один из нас не покинет этот мир. А сейчас прощайте.

Д'Агвилар исчез так же бесшумно, как и появился.

Выпустила его из дома та же Бетти, которая перед тем открыла ему дверь. Быстро оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться, что ее никто не

видит — на это можно было надеяться, так как Питера дома не было, а с ним уехали лучшие слуги, хозяин тоже отсутствовал, — Бетти оставила дверь приоткрытой, чтобы иметь возможность вернуться незамеченной, и выскользнула вслед за д'Агвиларом. Они дошли до старой арки, которая в давние времена служила входом в ныне разрушенный дом. Сюда, в этот темный уголок, и завернула Бетти, потянув за руку д'Агвилара. Он остановился на мгновение, пробормотал сквозь зубы какое-то испанское проклятие и пошел за ней.

— Что вы хотите мне сказать, прелестная Бетти? — спросил он.

— Меня интересует, — с едва сдерживаемым негодованием воскликнула Бетти, — что вы хотите мне сказать, мне, которая так много сделала для вас сегодня! Для моей кузины у вас находится немало слов, я знаю. Я ведь была в саду и сквозь ставни слышала, как вы говорили, говорили, говорили, как будто защищали свою жизнь.

«Надеюсь, что в этих ставнях нет отверстий, — подумал про себя д'Агвилар, — и она ничего не могла увидеть». Вслух же он сказал:

— Мисс Бетти, вы не должны были стоять на этом жестоком ветре. Вы могли простудиться, что

бы я тогда делал?

— Не знаю. Скорее всего, ничего. Но я хочу знать, почему вы уверяли меня, что хотите прийти, чтобы повидать меня, и вместо этого провели целый час с Маргарет?

— Чтобы избежать подозрений, дорогая Бетти. Кроме того, я должен был поговорить с ней о Питере, который ее, по-видимому, так интересует. Вы ведь очень проницательны, Бетти, скажите мне: там готовится свадьба?

— Думаю, что да. Мне ничего не говорили, но я многое замечаю. Кроме того, она почти каждый день пишет ему письма. Я только не понимаю, что она нашла в этом человеке.

— Без сомнения, она высоко ценит его честность, так же как я вашу. Кто может объяснить движения сердца? Ведь, как говорят знающие люди, одни из них внушает небо, а другие ад. В конце концов, это не наше с вами дело. Пусть они будут счастливы, поженятся, и пусть у них будет многочисленное и здоровое потомство. Однако, дорогая Бетти, вы готовы к поездке в Испанию?

— Не знаю, — мрачно ответила Бетти. — Я не уверена, что можно довериться вам и вашим красивым словам. Если вы хотите жениться на мне, как вы клянетесь, почему мы не можем сделать

все это до отъезда? Откуда я знаю, что вы выполните свое обещание, когда мы будем в Испании?

— Вы задаете много вопросов, Бетти. Я вам уже ответил на них раньше. Я уже говорил вам, что не могу жениться на вас здесь потому, что должен получить на это разрешение. Оно необходимо из-за различия в нашем положении. Здесь, где все знают, кто вы, я такого разрешения не получу. В Испании вы будете представлены как знатная английская леди — а вы действительно имеете на это право по своему рождению — и я получу такое разрешение в течение часа. Но если вы сомневаетесь во мне, то, хотя сердце у меня разрывается в груди, когда я говорю это, нам лучше расстаться сейчас же. Мне не нужна жена, которая не доверяет мне. Скажите, жестокая Бетти, вы хотите покинуть меня?

— Вы знаете, что я не хочу этого, вы знаете, что это убьет меня! — воскликнула Бетти голосом, полным страсти. — Вы знаете, что я люблю землю, по которой вы ходите, и ненавижу каждую женщину, которая оказывается около вас, даже свою кузину, хотя она всегда была так добра ко мне. Я рискну и поеду с вами, потому что я верю, что вы честный джентльмен и не обманете девушку, доверившуюся вам. Но если вы обманете меня,

пусть бог накажет вас. Я ведь не игрушка, которую можно сломать и выбросить, и вы убедитесь в этом. Да, я рискну, потому что вы заставили меня полюбить вас так, что я не могу жить без вас.

— Бетти, ваши слова восхищают меня! Я вижу, что не ошибся в вашем благородном сердце. Но говорите чуть потише. Вернемся к нашему плану. В день отплытия я приглашу госпожу Маргарет и вас на мой корабль.

— А почему не пригласить меня без Маргарет?

— Потому что это возбудит подозрения, которых нам нужно избегать. Не перебивайте меня. Я приглашу вас обеих или заставлю приехать под каким-нибудь другим предлогом и тогда распоряжусь, чтобы ее отправили на берег. Предоставьте все это мне, поклянитесь только, что вы выполните все, что я напишу вам. Если вы этого не сделаете, имейте в виду, у нас есть могущественные враги, которые могут навсегда разлучить нас. Я буду откровенен с вами, Бетти: есть одна знатная дама, которая ревнует и следит за вами. Вы клянетесь?

— Да, да, я клянусь! Но кто эта знатная дама?

— Ни слова о ней, во имя вашей и моей жизни! Я скоро извещу вас. А теперь, дорогая, до свидания.

— До свидания, — отозвалась Бетти, но не тро-

нулась с места.

Поняв, что она ожидает еще чего-то, д'Агвилар собрался с силами и коснулся губами ее волос. В тот же момент он пожалел об этом — даже эта умеренная ласка вызвала в ней бурю страсти. Бетти обвила его шею руками и принялась целовать, пока он, наполовину задушенный, не вырвался из ее объятий и не спасся бегством.

«Матерь божья, — подумал он, — эта женщина похожа на вулкан во время извержения! Я буду теперь целую неделю ощущать ее поцелуи. — И он вытер лицо рукой. — Лучше было бы придумать другой план, но теперь уже поздно менять что-либо — она выдаст меня. Как-нибудь я от нее избавлюсь, хотя бы мне пришлось ее утопить. Тяжкая участь — любить госпожу и быть любимым служанкой».

ГЛАВА IX. ЛОВУШКА

На следующее утро, когда вернулся Кастелл, Маргарет рассказала ему о визите д'Агвилара и обо всем, что произошло между ними. Испанец сказал ей, что она наполовину еврейка, значит, он раскрыл тайну Кастелла.

— Я знаю об этом, знаю! — ответил ей взволнованный и рассерженный отец. — Вчера он угрожал мне. Будь что будет, я встречу мой жребий. А сейчас я хочу знать, кто впустил этого человека в мой дом в мое отсутствие и без моего разрешения.

— Бетти, — ответила Маргарет. — Она клянется, что не думала, что поступает дурно.

— Пошли за ней, — сказал Кастелл.

Бетти тут же явилась и в ответ на расспросы хозяина сочинила длинную историю. Вечером она вышла подышать воздухом, как вдруг подошел сеньор д'Агвилар, поздоровался с ней и прошел в дом, сказав, что у него назначено свидание с хозяином.

— Со мной? — прервал ее Кастелл. — Но меня ведь не было дома.

— Я не знала, что вы уехали. Меня не было дома, когда вы уезжали, и никто мне об этом не сказал. А я знаю, что сеньор д'Агвилар ваш друг. Я его впустила и потом выпустила. Вот и все, что я могу сказать.

— Тогда я должен сказать, что ты потаскушка и лгунья и что этот испанец каким-то путем подкупил тебя! — вспылил Кастелл. — Вот что, девчонка, хоть ты и родственница моей жены, но я решил выгнать тебя на улицу. Можешь умирать там с голоду.

Бетти сначала вспылила, потом принялась плакать. Маргарет начала упрашивать отца не делать этого, потому что он погубит Бетти и возьмет грех на душу. Кончилось все тем, что Кастелл, будучи человеком добрым, вспомнил, что покойная жена любила Бетти Дин, как родную дочь, и ограничился тем, что запретил Бетти выходить из дома без Маргарет и распорядился, чтобы дверь отпирал только слуга.

В тот же день Маргарет написала Питеру обо всем, что у них произошло, и о том, как испанец просил ее выйти за него замуж. Умолчала она только о словах, которые он ей говорил. В конце письма она запрещала Питеру ревновать ее к сеньору д'Агвилару или к какому-либо другому

мужчине, так как Питер знает, кому принадлежит ее сердце.

Получив это письмо, Питер чрезвычайно взволновался. Что Кастелл и Маргарет навлекли на себя злобу д'Агвилара, в этом он не сомневался. Его возмутило, что д'Агвилар осмелился беспокоить Маргарет своими ухаживаниями. Все остальное его мало волновало, ибо он верил в нее, как в бога. Тем не менее Питеру захотелось как можно скорее вернуться в Лондон, пренебрегая опасностью. Однако не прошло и трех дней, как он получил письма сразу от Кастелла и Маргарет, которые успокоили его.

В письмах сообщалось, что д'Агвилар отплыл в Испанию. Во всяком случае, Кастелл видел его стоящим на корме корабля, плывшего вниз по Темзе, по направлению к морю. То был корабль испанского посла де Айалы. Кроме того, Маргарет получила от него прощальный привет. В записке было написано:

Прощайте, прекрасная леди. До предопределенного часа, когда мы встретимся вновь. Я уезжаю, потому что должен ехать, но увожу с собой ваш образ.

Любящий вас до самой смерти Морелла.

«Он может возить с собой ее образ, пока сама она со мной, но если он вернется со своей любовью, клянусь, что смерть и он недолго будут ходить порознь!» — таковы были мрачные мысли Питера. Затем он вернулся к письмам. Теперь, после отъезда испанцев, ему нечего бояться, а в Лондоне его уже ждут. Кастелл в своем письме назначил день приезда — 31 мая, ровно через неделю, с тем что на следующий день — 1 июня — состоится их свадьба. Устраивать свадьбу в мае нельзя — считалось, что это может принести несчастье. Эти же новости сообщала и Маргарет в таких нежных словах, что Питер поцеловал ее письмо и тут же написал ей ответ — краткий, по обыкновению. Он писал, что, если на то будет воля святых, он приедет к вечеру 31 мая и что во всей Англии нет человека счастливее, чем он.

Всю эту неделю Маргарет была совершенно

поглощена приготовлением своего подвенечного платья. Кроме того, она занималась и другими туалетами, так как было решено, что на следующий день после свадьбы они уедут в Дедхэм, а отец вскоре последует туда за ними. Старый замок был еще не готов, для окончания работ требовалось еще немало времени, но Питер привел в порядок несколько комнат, в них они могли жить летом, а к зиме должен был быть готов весь дом.

Кастелл тоже был очень занят. «Маргарет» готовилась к новому плаванию, и трюмы ее принимали последние грузы. Кастелл надеялся отправить судно в тот же день — 31 мая — и таким образом покончить с этим последним своим делом. Ему оставалось только передать свои склады и лавки купцам, которые купили их. Дела держали его в Грейвсенде, где стояло судно, но он был спокоен, так как д'Агвилар и все остальные испанцы, в том числе и слуги де Айала, которые поклялись убить Питера, уехали.

О, как счастлива была Маргарет в эти прекрасные весенние дни! Сердце ее было спокойно, как безоблачное небо. Она была так счастлива, так поглощена приятными хлопотами, что не обращала внимания на свою кузину Бетти, которая помогала ей готовить свадебный наряд и все что

нужно для отъезда. Если бы она присмотрелась, то заметила бы, что Бетти встревожена и словно чего-то ждет. Она боролась с овладевшим ею отчаянием. Но Маргарет ничего не замечала, ее сердце было слишком полно своим счастьем, она считала часы до возвращения Питера.

Время шло. Наконец наступил день, когда должен был вернуться Питер. На следующий день была назначена свадьба. К ней все было готово, включая прекрасный костюм для Питера. Таких нарядных костюмов он никогда раньше не носил. Соседнюю церковь, где должно было происходить венчание, уже убрали цветами.

Рано утром Кастелл уехал в Гройвсенд, захватив с собой большую часть слуг. «Маргарет» на рассвете следующего дня уходила в море. Кастелл обещал вернуться к ночи, чтобы встретить Питера, который собирался выехать из Дедхэма утром и не мог приехать раньше ночи.

К четырем часам дня в доме все было готово, и Маргарет пошла в свою комнату переодеться к приезду Питера. Бетти она не взяла с собой — та была чем-то занята. Кроме того, сердце Маргарет было так переполнено радостью, что ей хотелось побыть немного одной.

Сердце Бетти тоже было переполнено, но

отнюдь не радостью. Ее обманули. Красивый испанец, которого она так страстно полюбила, уехал и не прислал ей ни слова. Сомневаться в этом не приходилось — его видели на борту отплывавшего судна, — и ни единого слова! Это было жестоко, и теперь она, у которой украли надежду и любовь, должна была помогать другой женщине, которая собиралась стать счастливой женой. С сердцем, преисполненным горечью, Бетти, кусая губы и вытирая глаза рукавом платья, принялась за дела. Неожиданно открылась дверь, и слуга — не их, а со стороны, приглашенный для помощи на завтрашний день, — сообщил, что ее хочет видеть какой-то матрос.

— Впусти его. У меня нет времени ходить и выслушивать всех! — вспылила Бетти.

Слуга ввел матроса и тут же оставил их одних. Посланец оказался смуглым малым с лукавыми черными глазами. Если бы он не говорил так хорошо по-английски, его можно было бы принять за испанца.

— Кто ты, и что у тебя за дело? — нетерпеливо спросила Бетти.

— Я плотник с «Маргарет», — объяснил он, — меня послали сказать, что с господином Кастеллом случилось несчастье и он просит, чтобы его дочь

Маргарет немедленно приехала к нему.

— Какое несчастье? — вскрикнула Бетти.

— Он смотрел, как укладывают груз, поскользнулся и упал в трюм, повредил себе спину и сломал правую руку. Поэтому он не мог написать. Но доктор, которого мы вызвали, приказал мне передать мисс Маргарет, что в настоящий момент он не боится за его жизнь. Вы мисс Маргарет?

— Нет, — ответила Бетти, — но я сейчас же пойду за ней. Подожди здесь.

— Тогда, значит, вы ее кузина, мисс Бетти Дин? Если это так, то у меня есть кое-что и для вас.

— Да, это я.

— Вот, — сказал матрос, вытаскивая письмо и протягивая его Бетти.

— Кто дал тебе это? — подозрительно спросила Бетти.

— Я не знаю его имени, но по виду это очень благородный испанец. И очень щедрый. Он услышал про несчастье на «Маргарет» и о том, что я еду сюда, и попросил меня передать вам письмо. В награду он подарил мне золотой дукат и взял слово, что я передам это письмо только вам и никому не скажу о нем ни слова.

— Какой-нибудь неотесанный поклонник, — заявила Бетти, кивнув головой, — они вечно пишут

мне. Жди здесь, я пойду за мисс Маргарет.

Как только Бетти очутилась за дверями, она быстро вскрыла письмо и впилась в него глазами.

Любимая!

Вы думаете, что я обманул вас и уехал, но это неправда. Я хранил молчание только потому, что вам все равно не удалось бы выйти одной из дома, ведь вас так стерегут. Но теперь бог любви дарует нам эту возможность. Конечно, ваша кузина возьмет вас с собой к отцу, который лежит у себя на судне, тяжело раненный. Пока она будет с ним, я уведу вас, и тогда мы обвенчаемся и тут же уедем — сегодня же или завтра. Зная, что вы хотите этого, я с огромными трудностями добился разрешения, и священник будет ждать нас, чтобы обвенчать. Не говорите никому ни слова и не высказывайте ни опасений, ни страха, что бы ни случилось, иначе мы будем разлучены навсегда. Уговорите вашу кузину поехать, чтобы вы могли сопровождать ее. Помните, что ваш возлюбленный ждет вас.

К. д А.

Когда Бетти разобрала содержание этого любовного послания, ее сердце забилось от волнения, голова закружилась, и она чуть не упала. Потом она подумала, что это могла быть шутка. Нет,

Бетти узнала почерк д'Агвилара, — он верен ей, он женится на ней, как обещал, и увезет ее в Испанию, чтобы сделать там знатной дамой. Если она будет медлить, она может потерять его навсегда; его, за кем она готова идти на край света. В ту же минуту решение было принято — Бетти была храброй девушкой. Она поедет, даже если ей придется бросить кузину, которую она так любит.

Спрятав письмо на груди, Бетти бросилась в комнату Маргарет и рассказала ей о посланце и ужасном известии. О письме она не сказала ни слова. Маргарет побледнела от волнения, однако, овладев собой, выговорила:

— Я пойду поговорю с ним.

Они вместе спустились по лестнице.

Матрос повторил Маргарет всю историю. Он рассказал ей, как произошло несчастье — по его словам, это случилось у него на глазах, — и описал, какие раны получил ее отец. При этом он добавил, что, хотя врач и утверждает, что опасности для жизни нет, однако господин Кастелл думает иначе и все время просит, чтобы к нему немедленно привели дочь.

Несмотря на все, Маргарет сомневалась и медлила — она боялась, сама не понимая чего.

— Питер будет здесь самое большое через два

часа, — обратилась она к Бетти. — Может быть, лучше дождаться его?

— О Маргарет, а что, если тем временем твой отец умрет? Уж наверно, он лучше знает, что с ним, чем тот коновал, которого к нему позвали. Ведь ты тогда потеряешь покой на всю жизнь! Конечно, тебе нужно ехать. Или, в крайнем случае, поеду я одна.

Маргарет все еще колебалась, пока матрос не вмешался:

— Миледи, если вы поедете, я могу проводить вас к тому месту, где вас ожидает шлюпка, чтобы переправить через реку. Если же нет, я должен вас оставить — судно уйдет с восходом луны, они ждут только вашего приезда, чтобы перенести хозяина, вашего отца, на берег. Они думают, что лучше это сделать при вас. Если же вы не приедете, они сделают это сами, как можно бережнее. Там вы завтра и найдете господина Кастелла, живого или мертвого. — С этими словами матрос взял свою шапку, собираясь уходить.

— Я еду с вами! — воскликнула Маргарет. — Ты права, Бетти. Прикажи оседлать двух лошадей, мою и грума. Пусть на его лошадь найдут второе седло, удобное для тебя. Поедем вместе. У матроса, очевидно, лошадь есть.

Матрос утвердительно кивнул и отправился вслед за Бетти в конюшню. Маргарет же схватила перо и принялась наспех писать записку Питеру. Она сообщала ему о несчастье, постигшем их, и умоляла немедленно ехать вслед за ней. «Я вынуждена ехать, — приписала она, — одна, с Бетти и незнакомым мужчиной. Однако я должна это сделать, ибо сердце мое разрывается от страха за отца. Любимый, скорее следуй за мной».

Маргарет передала записку слуге, который впустил матроса, и приказала вручить это письмо мистеру Питеру Бруму немедленно, как только он приедет. Слуга поклялся, что сделает это.

Затем Маргарет достала для себя и для Бетти простые черные плащи с капюшонами, которые должны были скрывать их лица, и вскоре они уже были на конях.

— Стой! — воскликнула Маргарет, обращаясь к матросу, когда они уже собирались выехать. — Почему отец не послал вместо тебя кого-нибудь из своих слуг и почему он не написал мне?

Матрос искренне удивился:

— Его слуги ухаживали за ним, и он приказал ехать мне, потому что я знаю дорогу и у меня на берегу хорошая лошадь, на которой я обычно езжу с поручениями в Лондон. А что касается

письма, то врач начал писать, но он делал это так медленно, что господин Кастелл приказал мне тотчас ехать. Похоже, — добавил он с некоторым раздражением, обращаясь к Бетти, — что госпожа Маргарет не доверяет мне. Если так, пусть она ищет себе другого проводника или остается дома. Мне все равно. Я выполнил то, что мне приказано.

Этими словами хитрый малый рассеял страхи Маргарет, но Бетти, помня о письме д'Агвилара, была все-таки встревожена. Вся эта история выглядела несколько странной, но глупая и тщеславная девушка уверяла себя, что если здесь что-то и подстроено, то только для того, чтобы помочь ей. Ведь одну ее не отпустили бы. Бетти поистине обезумела и не очень задумывалась над тем, что делает. В ее оправдание нужно только сказать, что ей и в голову не приходило, что ее кузине Маргарет может грозить какая-нибудь неприятность или что вся эта история с Кастеллом и его ранением — ложь.

Вскоре они уже оказались за пределами Лондона и быстро ехали вдоль северного берега реки. Их проводник объяснил, что судно стоит не у самого берега и что лодка ждет их в Тильбюри. Туда было более двадцати миль, и как они ни

спешили, ночь наступила раньше, чем они прибыли к месту. В конце концов, когда они были совершенно измучены тяжелой дорогой, матрос остановился у берега и объявил, что они приехали. Невдалеке виднелась маленькая пристань, но вокруг не было ни одного дома. Спешившись, матрос передал поводья своей лошади груму, спустился к пристани и громко спросил, здесь ли шлюпка с «Маргарет». Чей-то голос ответил: «Да». Затем он с минуту поговорил с людьми в шлюпке — о чем, Маргарет и Бетти не слышали — и прибежал обратно. Матрос предложил им спешиться и сообщил, что они очень хорошо сделали, приехав, потому что господину Кастеллу стало хуже и он все время зовет дочь.

Груму матрос приказал отвести лошадей на постоялый двор и дождаться там их возвращения или новых распоряжений. Бетти матрос предложил поехать вместе с грумом, так как в шлюпке не было места. Бетти готова была согласиться, думая, что это часть плана ее похищения, но Маргарет заявила, что, если Бетти не будет вместе с ней, она не сделает ни шагу. Немного поворчав, матрос повел их по каким-то деревянным ступенькам к шлюпке, очертания которой едва были различимы в темноте.

Как только Маргарет и Бетти уселись рядышком на корме, шлюпка оттолкнулась от берега и понеслась вперед, в темноту. Один из матросов зажег фонарь и укрепил его на носу. Где-то далеко, как бы в ответ на этот сигнал, тоже вспыхнул огонек, и шлюпка направилась к нему. Теперь Маргарет решилась спросить у гребцов о состоянии ее отца, но матрос, их проводник, попросил ее не отвлекать их разговорами, так как течение здесь очень быстрое и шлюпка может перевернуться. Маргарет замолчала, терзаемая сомнениями и страхом, следя за огоньком, который все приближался, пока наконец не оказался над их головами.

— Это «Маргарет»? — крикнул проводник, и опять чей-то голос ответил утвердительно.

— Тогда доложите господину Кастеллу, что его дочь здесь! — прокричал проводник, и тут же с борта был сброшен канат и шлюпку накрепко привязали к трапу.

Бетти, оказавшаяся ближе всех к трапу, вступила на него. Впрочем, проводник опередил ее, быстро взбежав по деревянным ступеням.

Сильная и ловкая Бетти последовала за ним. Следующей стала подниматься Маргарет. Когда Бетти очутилась на палубе, ей показалось, что она

слышит испанскую речь, и она разобрала одну фразу: «Дурак! Зачем ты привез обеих?», но ответа она не расслышала. Она повернулась, подала руку Маргарет, и они вместе пошли к мачте.

— Проводите меня к моему отцу, — сказала Маргарет.

Проводник тут же отозвался:

— Да, да, госпожа, вот сюда. Только идите одна: появление вас обеих может разволновать его.

— Нет, — ответила Маргарет, — моя кузина пойдет со мной. — И она крепко схватила Бетти за руку.

Пожав плечами, матрос повел их вперед. Маргарет успела заметить, что одни матросы ставили парус, другие, распевая какую-то странную, дикую песню, начали вращать нечто похожее на ворот. Но в этот момент они добрались до каюты. Дверь за ними захлопнулась. За столом сидел мужчина, над его головой висела лампа. При их появлении мужчина встал, повернулся к ним и поклонился — это был д'Агвилар.

Бетти остановилась как вкопанная, она ожидала встречи с ним, но не здесь и не при таких обстоятельствах. Ее глупенькое сердце так заколотилось при виде д'Агвилара, что, казалось, она сейчас задохнется от волнения. Она только

смутно догадывалась, что произошла какая-то ошибка, и думала, как он теперь объяснит все Маргарет, чтобы она уехала и оставила их — Бетти и д'Агвилара — вдвоем. Бетти даже быстро оглядела каюту, чтобы выяснить, где ожидает священник. Увидев сзади дверь, она решила, что, конечно, он спрятан там.

У Маргарет при виде д'Агвилара вырвался короткий, сдавленный крик, но уже в следующую секунду, как храбрая женщина — одна из тех натур, которые становятся крепче перед лицом испытаний, — она выпрямилась и спросила низким, гневным голосом:

— Что вы здесь делаете? Где мой отец?

— Сеньора, — покорно ответил он, — вы находитесь на борту моей каравеллы «Сан Антонио», а что касается вашего отца, то он либо на своем корабле «Маргарет», либо, что более вероятно, дома в Холборне.

При этих словах Маргарет отпрянула назад.

— Не упрекайте меня, — торопливо продолжал д'Агвилар, — я скажу вам всю правду. Во-первых, не волнуйтесь за своего отца: с ним не случилось никакого несчастья, он цел и невредим. Простите меня за причиненное вам волнение, у меня не было другого пути. Эта история — всего лишь ло-

вушка, одна из хитростей, к которым прибегает любовь... — Он приостановился, потрясенный выражением лица Маргарет.

— Ловушка! Хитрость! — чуть слышно пробормотала она; глаза ее метали молнии. — Ну, я отплачу вам за вашу хитрость!

Д'Агвилар увидел, что Маргарет выхватила кинжал, спрятанный у нее на груди, и сейчас бросится на него. Он не мог сдвинуться с места: эти страшные глаза приковали его. Еще секунда — и стальное лезвие пронзило бы его сердце, но Бетти с криком бросилась к Маргарет и обхватила ее своими сильными руками.

— Послушай, ты не поняла его. Это меня он добивается, а не тебя. Он любит меня, а я люблю его и готова выйти за него замуж. Ты уедешь обратно домой.

— Отпусти меня, — сказала Маргарет таким тоном, что у Бетти руки сами опустились. Маргарет осталась стоять, сжимая в руке кинжал. — А теперь, — обратилась она к д'Агвилару, — говорите правду, и поскорее. Что означают ее слова?

— Ей лучше знать, — смущенно ответил д'Агвилар. — Ей нравится рядиться в эту паутину тщеславия.

— Которую вы, может быть, сами сплели. Го-

вори, Бетти!

— Он ухаживал за мной, — всхлипнула Бетти, — и я влюбилась в него. Он обещал жениться на мне. Только сегодня он прислал мне письмо. Вот оно.

— Читай! — сказала Маргарет. И Бетти повиновалась.

— Значит, это ты предала меня, — произнесла Маргарет, — ты, моя кузина, которую я приютила и так любила!

— Нет! — закричала Бетти. — Я не думала предавать тебя, скорее я бы умерла! Я на самом деле поверила, что с твоим отцом несчастье и что, пока ты будешь с ним, этот человек сумеет похитить меня.

— Что вы на это скажете? — обратилась Маргарет к д'Агвилару все тем же ледяным голосом. — Вы предлагали и мне и ей вашу любовь и заманили сюда нас обеих. Что вы можете сказать?

— Только то, — ответил д'Агвилар, стараясь выглядеть мужественно, — что эта женщина глупа, я играл на ее тщеславии ради того, чтобы быть рядом с вами.

— Ты слышишь, Бетти, ты слышишь? — вскричала Маргарет с коротким и страшным смехом.

Но Бетти только стонала…

— Я люблю вас и только вас одну, — продолжал д'Агвилар. — Вашу кузину я отправлю на берег. Я совершил этот грех, потому что не мог совладать с собой. Мысль, что завтра вы станете женой другого, сводила меня с ума, и я пошел на все, чтобы вырвать вас из его объятий. Разве я не поклялся вам, — добавил он, пытаясь перейти на свою обычную галантную манеру, — что ваш образ будет сопровождать меня в Испанию, куда мы и плывем сейчас?

Как раз когда он произнес эти слова, корабль слегка накренился под ветром. Маргарет ничего не ответила. Она играла маленьким кинжалом и наблюдала за д'Агвиларом. Глаза ее блестели холоднее стали.

— Убейте меня, если хотите, — вновь заговорил д'Агвилар, и в голосе его прозвучали любовь и стыд. — Тогда я освобожусь от страданий.

При этих словах Маргарет как будто проснулась. Теперь она заговорила с ним совершенно иным голосом — размеренным и ледяным.

— Нет, — сказала она, — я не оскверню своих рук вашей кровью. К чему мне лишать бога его мести? Но если вы попытаетесь дотронуться до меня или разлучить меня с этой бедной жен-

щиной, которую вы обманули, тогда я убью, но не вас, а себя. И я клянусь вам, что мой призрак будет сопровождать вас в Испанию и из Испании дальше, в ад, который ожидает вас. Слушайте меня, Карлос д'Агвилар, маркиз Морелла, ведь я знаю, что вы верите в бога и боитесь его гнева. Так я призову на вас мщение всемогущего. Оно обрушится на вас, будете ли вы бодрствовать или спать, любить или ненавидеть, будете ли вы живы или умрете. Творите зло, но все равно это напрасно. Буду ли я жива или мертва, каждое унижение, какое вы заставите меня испытать, каждое несчастье, которое причинили или причините моему возлюбленному, моему отцу и этой женщине, возместится вам в миллион раз на этом свете и на том. Вы все еще хотите, чтобы я сопровождала вас в Испанию, или вы отпускаете меня?

— Я не могу, — хрипло ответил д'Агвилар, — слишком поздно.

— Ну что ж, я буду сопровождать вас в Испанию, я и Бетти Дин, и с нами вместе месть всемогущего бога, которая нависла над вами. В одном вы должны быть уверены: я ненавижу вас, я презираю вас, но я не боюсь вас. Уходите.

Д'Агвилар, спотыкаясь, вышел из каюты, и обе

женщины услышали, как захлопнулась за ним дверь.

ГЛАВА X. ПОГОНЯ

Приблизительно в то самое время, когда Маргарет и Бетти поднялись на борт «Сан Антонио», Питер Брум со своими слугами подъехал к дому в Холборне. Питера на час с лишним задержала грязь на дороге. Целый месяц мечтал он об этой минуте, как может мечтать человек, уверенный, что его хорошо встретят. Ведь на следующий день состоится его свадьба с прекрасной и любимой женщиной. Он представлял себе, как Маргарет будет поджидать его у окна, как она бросится к двери, как он спрыгнет с коня и обнимет ее — на глазах у всех. Кого им теперь стыдиться, если завтра они станут мужем и женой!

Но Маргарет у окна не было; во всяком случае, он не увидел ее — было темно. В окнах даже не горел свет. Старый дом был мрачен. Тем не менее Питер действовал так, как представлял себе в мечтах. Он соскочил с коня, подбежал к двери и хотел распахнуть ее, но не смог — дверь была заперта. Тогда он принялся колотить в нее рукояткой меча, пока наконец кто-то не подошел и не отпер замок. Это оказался незнакомый ему слуга,

недавно принятый в дом, тот самый, которому Маргарет оставила письмо. В руке он держал фонарь.

При виде его у Питера похолодело сердце.

— Кто ты? — спросил он и, не ожидая ответа, продолжал: — Где господин Кастелл и госпожа Маргарет?

Слуга сообщил, что хозяин еще не вернулся с корабля, а леди Маргарет около трех часов назад уехала вместе с Бетти и матросом — все верхом.

— Она, наверное, поехала встречать меня и мы разминулись в темноте, — предположил Питер.

Тогда слуга спросил его, не он ли Питер Брум, так как для него оставлено письмо.

— Да, да! — крикнул Питер и вырвал письмо из рук слуги. Он приказал ему закрыть дверь и держать фонарь так, чтобы можно было читать. Он сразу узнал почерк Маргарет.

— Странная история! — пробормотал он, дочитав письмо, — я должен ехать.

Питер уже направился к двери и протянул руку, чтобы открыть ее, как вдруг дверь распахнулась и вошел Кастелл, здоровый и невредимый.

— Здравствуй, Питер! — весело закричал он. — Я знал, что ты уже здесь, я увидел лошадей, но почему ты не с Маргарет?

— Потому что Маргарет уехала к вам. Вы ведь чуть ли не смертельно ранены — так, во всяком случае, говорится в этом письме.

— Уехала ко мне? Смертельно ранен? Дай-ка сюда письмо. Или нет, лучше прочитай сам, я ничего не вижу.

Питер прочитал вслух.

— Здесь какой-то заговор, — с трудом выговорил Кастелл, когда письмо было окончено, — и думаю, что это дело рук испанца, или Бетти, или их обоих. Ну-ка, парень, выкладывай нам все, что ты знаешь, да поскорее, если хочешь сохранить шкуру.

— Да я что! — торопливо ответил слуга и рассказал всю историю с приездом матроса.

— Беги скажи людям, чтобы привели обратно лошадей, — прервал его рассказ Кастелл. — А ты, Питер, приди в себя и выпей стакан вина. Нам обоим это не помешает. Эй, есть здесь кто-нибудь из моих слуг? — крикнул он.

Кастелл приказал прибежавшим слугам перекусить и выпить чего-нибудь для подкрепления и, пока они пили, рассказал им о том, что похищена их хозяйка Маргарет и что нужно отправиться в погоню. Послышался шум — это привели лошадей из конюшни. Все выбежали на улицу,

вскочили в седла и помчались по дороге в Тильбюри. Они поскакали той же дорогой, какой ехала Маргарет, не потому, что они подозревали об этом, а потому, что она была самой короткой.

Однако лошади были усталые, ночь темная, шел дождь, и, когда они еще только подъезжали к Тильбюри, в какой-то церкви часы пробили три. Они как раз проезжали мимо той маленькой пристани, где Маргарет и Бетти садились в шлюпку. Питер и Кастелл скакали рядом, впереди всех, в полном молчании — говорить было не о чем, — как вдруг их окликнул знакомый голос. Это был голос грума Томаса.

— Я увидел головы ваших коней на фоне неба, — объяснил он, — и узнал их.

— Где твоя хозяйка? — в один голос спросили Питер и Кастелл.

— Уехала, уехала с Бетти Дин в шлюпке вон от той пристани. Они поплыли, мне кажется, к «Маргарет». Я отвел лошадей на постоялый двор, как мне приказали, и вернулся, чтобы подождать их. Это было несколько часов назад. С тех пор я не видел ни одной живой души и ничего не слышал, кроме шума ветра и воды, пока не услышал топот ваших коней.

— Надо ехать в Тильбюри и достать шлюп-

ку, — сказал Кастелл. — Мы должны успеть на «Маргарет» раньше, чем она снимется с якоря. Может быть, женщины — на борту «Маргарет»?

— Если так, то я думаю, что их туда завлекли испанцы. Я уверен, что в этой шлюпке были не англичане, — сказал Томас.

Он бежал рядом с лошадью Кастелла, держась за стремя.

Кастелл ничего не ответил. Питер громко вздохнул — он тоже был уверен, что это дело рук испанцев.

Спустя час, когда уже брезжил рассвет, они поднимались на борт «Маргарет», как раз в тот момент, когда на ней выбирали якорь. Разговор с капитаном «Маргарет» Джекобом Смитом подтвердил их самые худшие опасения. Ни одна шлюпка не покидала судно, ни Маргарет, ни Бетти здесь не появлялись. Но часов шесть назад мимо них проплыла испанская каравелла «Сан Антонио», которая стояла выше их по течению. Более того: два лодочника, привозившие на «Маргарет» свежее мясо, рассказали, что, когда они привезли на «Сан Антонио» трех овец и домашнюю птицу, как раз перед отплытием, они видели, как две высокие женщины поднимались по трапу, и слышали, как одна из них сказала

по-английски: «Проводите меня к моему отцу».

Теперь они знали всю правду и смотрели друг на друга, онемев от отчаяния. Первым нашел в себе силы заговорить Питер.

— Я должен ехать в Испанию — разыскать свою невесту, — медленно произнес он, — если она жива, и убить похитителя. Отправляйтесь домой, мистер Кастелл.

— Мой дом там, где моя дочь! — сердито отозвался Кастелл. — Я тоже еду.

— В Испании вам может угрожать опасность, если мы вообще туда доберемся, — многозначительно заметил Питер.

— Даже если бы там был вход в ад, я все равно поеду, — упрямо заявил Кастелл, — почему бы и мне не поохотиться за дьяволом?

— Мы сделаем это вдвоем, — сказал Питер и протянул Кастеллу руку.

Это была клятва отца и возлюбленного следовать за той, которая была всем для них, до тех пор, пока смерть не прервет их поиски.

Подумав немного, Кастелл приказал собрать всю команду на палубе. Когда матросы во главе с офицерами и слуги, окружавшие Питера, собрались, Кастелл обратился к ним. Речь его была краткой. Он рассказал о злодейском похищении

и заявил, что намеревается вместе с Питером Брумом, у которого украли невесту, — сегодня она уже была бы его женой, — преследовать похитителей. С помощью господа бога они надеются спасти Маргарет и Бетти. Кастелл добавил, что он хорошо понимает, что это предприятие опасное, поскольку дело может дойти до сражения, а он не хочет требовать от кого бы то ни было, чтобы они рисковали своей жизнью против своего желания, тем более что они нанимались для торгового плавания, а не для сражений. Тем, кто согласится последовать за ним, он обещает в случае благополучного исхода двойное жалованье и подарок и готов дать им в этом расписку. Те, кто не хочет, должны сейчас же покинуть судно.

Когда Кастелл кончил, матросы — их было около тридцати человек — посоветовались между собой и с капитаном Джекобом Смитом, отважным человеком лет пятидесяти, и заявили, что они принимают предложение. Отказался только один — молодой парень, совсем недавно женившийся. Все остальные поклялись, что они доведут это дело до конца, хорошего или плохого, потому что все они англичане и не любят испанцев. А от дерзости д'Агвилара у них закипела кровь. Кроме того, из двенадцати слуг, прискакавших с Кастел-

лом из Лондона, шесть человек, хотя они почти все не были моряками, попросились, чтобы их тоже взяли, потому что они любят Маргарет, своего хозяина и Питера. Решено было взять их. Остальных шестерых слуг отправили на берег, приказав отвезти письма Кастелла к его друзьям, агентам и приказчикам. В этих письмах Кастелл поручал им заботу о своих делах, землях и домах на время его отсутствия. Кроме того, они увезли с собой краткое завещание, подписанное Кастеллом и должным образом засвидетельствованное, в котором он оставлял все свое имущество, включая и прибыли от незавершенных сделок, а также имущество, не включенное в завещание, Маргарет и Питеру, или тому из них, кто окажется жив, или их наследникам. Если же таковых не окажется, то все свое состояние он завещал на устройство больниц для бедных.

После этого остающиеся распрощались с товарищами и грустные отправились на берег. В ту же минуту якорь был поднят, и свежий утренний ветер наполнил паруса «Маргарет».

В десять часов они благополучно миновали Нор-Бенк и встретили здесь рыбаков, которые рассказали им, что шесть с лишним часов назад они видели, как «Сан Антонио» прошла к выходу

в Ламанш. При этом они заметили двух женщин, которые стояли на палубе, держась за руки, и не отрываясь смотрели в сторону берега. Теперь Кастелл и Питер Брум были уверены, что ошибки быть не могло. Изменить что-либо они были не в силах, и им, измученным горем и дорогой, не оставалось ничего другого, как поесть и отправиться в каюту спать.

Едва Питер улегся, как он вспомнил, что в этот час он должен был стоять в церкви рядом с Маргарет, которая теперь находилась во власти испанца, — и Питер поклялся страшной клятвой, что д'Агвилар заплатит ему за весь позор и страдания. И действительно, если бы его враг мог в эту минуту видеть лицо Питера, он бы, вероятно, содрогнулся — Питер был не из тех людей, которым можно безнаказанно причинять зло; он не умел прощать, да и оскорбление, нанесенное ему, было слишком жестоким.

В течение четырех дней держался попутный ветер, и «Маргарет» плыла по Ламаншу, надеясь нагнать испанца. Но «Сан Антонио» была быстрая каравелла, водоизмещением в двести пятьдесят тонн, с большим количеством парусов — на ней было четыре мачты, — а «Маргарет», хотя и была хорошим судном, имела только две

мачты и не могла соперничать с «Сан Антонио». А может быть, они просто потеряли «Сан Антонио» в море…

На четвертый день, когда они миновали Лизард[11] и ползли довольно медленно, подгоняемые легким бризом, сторожевой матрос крикнул, что видит впереди корабль, попавший в штиль. Питер, у которого были ястребиные глаза, вскарабкался на мачту, чтобы взглянуть на неизвестный корабль. Он сообщил, что, судя по очертаниям и оснастке, это каравелла. Но та ли это каравелла, которую они ищут, он не мог сказать, так как ни разу не видел «Сан Антонио». Тогда уже поднялся наверх сам капитан Смит и через несколько минут, спустившись, заявил, что вне всякого сомнения это «Сан Антонио».

Это сообщение вызвало суматоху на борту «Маргарет». Матросы осматривали свои мечи, луки и арбалеты. Луков было много, но зато бомбарды и пушки отсутствовали. Они редко встречались на торговых судах. План был выработан такой: подойти к борту «Сан Антонио» и взять ее на абордаж. Так они надеялись отбить Маргарет. Конечно, они рисковали тем, что на

---

[11] Примечания: 11
Мыс Лизард — крайняя южная точка Англии.

их головы обрушится гнев короля, поскольку его весьма мало волнует похищение двух английских женщин, но это их не останавливало.

Менее чем в полчаса все было готово, и Питер, шагая по палубе, выглядел счастливым в первый раз с тех пор, как выехал из Дедхэма. Легкий ветерок продолжал подгонять их вперед. С помощью этого ветерка они постепенно подошли на расстояние полумили от «Сан Антонио». По тут ветер упал, и оба корабля замерли с обвисшими парусами. Однако сила прилива или какого-нибудь течения сближала их, и к наступлению темноты между ними оставалось не более четырехсот футов. Англичане надеялись, что до рассвета они подойдут вплотную и смогут высадиться на «Сан Антонио» при свете луны.

Но этому не суждено было сбыться — около девяти часов тяжелые тучи обложили небо, с берега поднялся сильный ветер, и, когда наступил рассвет, с «Маргарет» были видны лишь верхушки мачт каравеллы, быстро уходившей на юг.

Прошли две долгие недели, прежде чем они опять увидели «Сан Антонио». В течение всего пути от Уэссана[12] через Бискайский залив дули

---

[12] Примечания: 12

Уэссан — самый западный из островов у побережья Франции.

легкие и изменчивые ветры, но, когда они миновали мыс Финистер[13], с северо-востока налетел шквал, который погнал «Маргарет» быстрее. На второй день этого шторма после захода солнца «Маргарет» вынырнула из тумана, смешанного с дождем, и в миле от нее матросы увидели «Сан Антонио». На «Маргарет» началось ликование — теперь англичане убедились, что «Сан Антонио» не зашла ни в один из портов севера Испании. Хотя порт назначения каравеллы был Кадикс, но на «Маргарет» опасались, что испанцы могут укрыться в одном из северных портов. Вскоре вновь хлынул ливень и скрыл от них «Сан Антонио».

Пока «Маргарет» шла вдоль берегов Португалии, погода становилась день ото дня все хуже и хуже, и, когда они миновали мыс Сан-Висенти[14] и повернули к Кадиксу, начался сильный шторм. Во время этого шторма они в третий раз увидели «Сан Антонио», борющегося с волнами. Теперь уже до конца путешествия, за исключением часов ночной темноты, англичане не теряли из

---

[13] Примечания: 13

Мыс Финистер — крайняя западная часть полуострова Бретань.

[14] Примечания: 14

Мыс Сан-Висенти — крайняя юго-западная точка Пиренейского полуострова.

виду «Сан Антонио». На следующий день «Маргарет» еще приблизилась к испанской каравелле, которая, лавируя, пыталась прорваться в Кадикс. Но в борьбе со штормом «Сан Антонио» потеряла одну из своих мачт. Кроме того, испанцы видели, что «Маргарет», которая лучше справлялась со штормом, вскоре нагонит их. Тогда они изменили свой план, и «Сан Антонио» направилась в Гибралтарский пролив.

Преследуя «Сан Антонио», «Маргарет» прошла мимо Тарифского мыса, африканский берег остался с правого борта, миновала Альхесирасскую бухту — «Сан Антонио» не пыталась зайти в нее, — прошла мимо древней серой скалы Гибралтара, на которой горели сигнальные огни, и под вечер оказалась в Средиземном море на расстоянии меньше мили от «Сан Антонио».

Здесь шторм был еще ужаснее, и матросы с трудом справлялись с обрывками парусов. К утру «Маргарет» потеряла одну из своих мачт. Это была кошмарная ночь — никто не знал, доживет ли он до утра. Сердца Кастелла и Питера разрывались к тому же еще от страха за испанскую каравеллу — ведь она могла пойти ко дну и унести с собой Маргарет. Однако, когда наступил рассвет, они увидели впереди по правому борту

«Сан Антонио», правда, в очень тяжелом состоянии. К полудню англичане были уже в двухстах ярдах от «Сан Антонио», так что можно было различить испанских матросов, перебирающихся по ее высокому юту и по корме. Кроме того, они увидели нечто гораздо более важное — две женщины выбежали из каюты, и одна из них стала махать им белым платком. Женщин тут же затащили обратно, но Кастелл и Питер убедились теперь, что Маргарет и Бетти живы и знают, что их пытаются спасти.

Спустя некоторое время они увидели вспышку на борту «Сан Антонио», и, прежде чем до них долетел звук выстрела, большое чугунное ядро упало на палубу «Маргарет»; отскочив, оно ударило в грудь матроса, стоявшего рядом с Питером, и сбросило его в море. Это на «Сан Антонио» выстрелили из бомбарды, но так как больше выстрелов не последовало, англичане решили, что орудие при выстреле, наверно, разорвалось или поломало крепления.

Вскоре после этого «Сан Антонио», две мачты которой были сломаны, попыталась изменить курс и направилась было в Малагу, дома которой были видны у подножия снежных вершин Сиерры. Но сделать это испанцам не удалось:

как только каравелла становилась под ветер, «Маргарет» оказывалась прямо перед ней, и, пока испанские матросы были заняты парусами, все свободные от работы англичане под командой Питера принимались обстреливать их из луков и арбалетов. Хотя вздымающаяся палуба «Маргарет» была отнюдь не лучшей площадкой для стрельбы, а ветер мешал правильному полету стрел, им удалось убить троих и ранить восемь или десять матросов из команды «Сан Антонио», заставив их выпустить из рук тросы; в результате этого каравеллу опять закружило ураганом.

На высокой площадке у кормовой мачты, обхватив ее рукой, стоял д'Агвилар, отдавая приказы своей команде. Питер приладил стрелу к тетиве лука, ожидая, пока «Маргарет» хоть на мгновенье задержится на гребне волны, прицелился и выстрелил.

Однако волна подняла «Маргарет» чуть выше, и, когда д'Агвилар отскочил от мачты, стрела Питера вонзилась в дерево и пригвоздила к нему его большую бархатную шляпу. Питер скрипнул зубами от гнева и разочарования, тем более что корабли опять отнесло друг от друга и удобный момент был упущен.

— Пять раз из семи попадал я стрелой в бычье

кольцо с пятидесяти шагов, чтобы завоевать значок победителя деревни, — с огорчением пробормотал он, — а теперь не могу подстрелить негодяя, чтобы спасти мою любимую от позора! Поистине бог лишил меня своей милости!

Всю вторую половину дня они обстреливали испанцев, как только представлялась такая возможность. Испанцы отвечали тем же, но потери у обеих сторон были незначительны. Однако англичане заметили, что «Сан Антонио» получила течь, так как судно все глубже погружалось в воду.

Испанцы тоже заметили это и, понимая, что у них остается только два выхода — выброситься на берег или пойти ко дну, — во второй раз изменили курс и под градом английских стрел пошли в маленькую бухту Калахонда, в которой находился порт Мотриль, так как здесь до берега было совсем недалеко.

— В этой бухте расположен испанский город, — сказал капитан Джекоб Смит, стоя рядом с Кастеллом и Питером. — Я здесь когда-то бросал якорь. Если «Сан Антонио» доберется туда, прощай наша леди — они увезут ее в Гранаду. До Гранады всего тридцать миль через горы, а там маркиз Морелла всемогущ, в Гранаде его дворец.

Что будем делать, хозяин? Через пять минут испанец опять будет против носа «Маргарет». Будем таранить и пытаться захватить женщин или допустим, чтобы их увезли в Гранаду и откажемся от погони?

— Ни за что! — воскликнул Питер. — Есть еще один путь: войти вслед за ними в бухту и напасть на них на берегу.

— Чтобы оказаться среди сотен испанцев и дать перерезать себе глотки? — хладнокровно добавил капитан.

— А если мы протараним их, — спросил Кастелл, все это время находившийся в глубокой задумчивости, — нам разве не грозит опасность утонуть вместе с ними?

— Возможно, — ответил Смит, — но наша «Маргарет» построена из английского дуба, и у нее крепкий нос. Думаю, что этого не случится. А «Сан Антонио» пойдет ко дну тут же, она и так уже близка к этому. Беда в том, что женщины, наверно, заперты в каюте, чтобы наши стрелы не могли поразить их, и они утонут вместе с судном.

— Есть другой план, — решительно сказал Питер: — взять их на абордаж и высадиться на каравеллу. Так я и сделаю.

Капитан, плотный мужчина с широким ли-

цом, выражение которого никогда не менялось, поднял брони — это был единственный признак удивления.

— Как, — спросил он, — при такой волне? Я сражался в нескольких войнах, но такой штуки не видывал.

— Ну, так увидите ее сейчас, если я найду хоть дюжину человек, которые пойдут со мной, — заявил Питер с мрачной решимостью. — А что же? Неужели я буду смотреть, как мою невесту увозят у меня из-под носа, и не попытаюсь спасти ее? Лучше уж я доверюсь судьбе и пойду на риск. А если умру, значит, так суждено, и я умру как мужчина. Другого пути нет.

Он обернулся и громко позвал:

— Кто пойдет со мной на абордаж испанца? Тем, кто останется жив, я обещаю, что они проживут остаток своих дней в довольстве, а кто погибнет — завоюет славу и блаженство на небесах.

Матросы с сомнением посмотрели на высокие гребни волн, вздымавшихся вокруг, на медленно погружавшееся в воду испанское судно и ничего не ответили. Тогда Питер продолжал:

— У нас нет другого выхода. Если мы протараним этот корабль, он потонет. Тогда как мы спасем женщин? Если его не трогать — скорее

всего, он сам пойдет ко дну, и тогда мы все равно не спасем женщин. Может быть, испанцы и сумеют высадиться на берег, но тогда они увезут женщин в Гранаду, и вряд ли мы сможем вырвать их из рук мавров или из-под власти испанского короля. Но если мы захватим каравеллу, мы можем спасти женщин прежде, чем она пойдет ко дну или достигнет берега. Кто пойдет со мной?

— Я, сынок, — сказал старик Кастелл. — Я пойду.

Питер с удивлением посмотрел на него:

— Вы? В ваши годы?

— Да, в мои годы. Почему бы и нет? Что мне терять?

Тогда, словно устыдившись своих колебаний, вперед вышел здоровенный матрос и сказал, что он готов резать испанских воров в дурную погоду так же, как и в хорошую. Вслед за ним вышли слуги Кастелла, потом еще матросы, пока наконец почти половина экипажа — человек двадцать — не заявила, что они готовы на это рискованное предприятие. Питер вынужден был крикнуть: «Довольно!» Капитан Смит тоже выразил желание присоединиться к группе смельчаков, но тут запротестовал Кастелл, заявив, что капитан не должен покидать свой корабль.

«Маргарет» готовилась пересечь путь «Сан Антонио», медленно описывавшей круг и напоминавшей раненого лебедя. Участники абордажа готовили свои мечи и ножи — луки здесь были уже бесполезны. Кастелл тем временем отдавал распоряжения капитану. Он приказал ему, в случае если их убьют или захватят в плен, уходить в Севилью и там передать судно со всем товаром компаньонам Кастелла. При этом капитан должен просить их от имени Кастелла сделать все от них зависящее, чтобы добиться освобождения Маргарет и Бетти, если они будут живы, и наказания д'Агвилара — маркиза Морелла за его преступления. Если на все это потребуются деньги, то можно использовать сумму, вырученную от продажи судна и товаров.

Отдав эти распоряжения, Кастелл позвал одного из своих слуг и приказал принести легкий стальной панцирь. Питер решил не надевать никаких доспехов, так как они были слишком тяжелы; он облачился в куртку из буйволовой кожи, достаточно прочную, чтобы выдержать удар мечом. Другие надели такие же куртки и стальные шлемы, в изобилии имевшиеся на судне.

Между тем «Сан Антонио», совершив круг, приближалась ко входу в бухту, стараясь держаться

от «Маргарет» не менее чем в пятидесяти ядрах. Приказав поднять небольшой парус, капитан Смит взялся за штурвал «Маргарет» и направил ее наперерез «Сан Антонио». Смельчаки во главе с Питером и Кастеллом собрались около бушприта[15], укрылись там и стали ожидать.

[15] Примечания: 15
Бушприт — брус, выступающий наклонно впереди носа корабля.

ГЛАВА XI. ВСТРЕЧА В МОРЕ

Еще минуту или две «Сан Антонио» продолжала идти своим курсом, пока испанцы не догадались о замысле своих противников. Увидев, что нос «Маргарет» вот-вот врежется в борт «Сан Антонио», они налегли на штурвал, и каравелла отклонилась в сторону. В результате «Маргарет», вместо того чтобы столкнуться с «Сан Антонио», пошла рядом, обдирая ей обшивку борта. Несколько секунд они плыли, сцепившись таким образом, и, прежде чем волны оторвали их друг от друга, с борта «Маргарет» полетели абордажные крючья, один из них зацепился, и оба судна сблизились носами. Бушприт «Маргарет» оказался нависшим над верхней палубой «Сан Антонио».

— А теперь вперед! — скомандовал Питер. — За мной!

Он подбежал к бушприту и полез по нему. Это было опасное предприятие. Огромная волна подняла Питера высоко в воздух, в следующий момент он уже падал вниз, пока массивный брус бушприта «Маргарет» не обрушился на палубу «Сан Антонио» с такой силой, что Питер чуть не

вылетел, как камень из пращи. Однако ему удалось удержаться. Он схватился за обрывок снасти, болтавшейся на конце бушприта, подобно бичу, свисавшему с рукоятки, и соскользнул по нему вниз. Ветер швырял Питера из стороны в сторону: судно, вздымаясь на волнах, подкидывало его высоко в воздух. Палуба «Сан Антонио» вздымалась и опадала, как живое существо, она была совсем близко — не более дюжины футов под ним, — и Питер, выпустив конец снасти, упал на площадку у передней мачты. Он не разбился. Вскочив на ноги, Питер добежал до разбитой мачты, обхватил ее левой рукой, а другой выхватил меч.

В следующее мгновение — каким образом, он никогда не мог этого вспомнить, — рядом с ним оказался Кастелл, а затем еще двое людей с «Маргарет», однако один из них скатился с палубы в море. Как раз в эту минуту железная цепь абордажного крюка лопнула, и «Маргарет» швырнуло в сторону. Подойти к «Сан Антонио» она уже не могла. Они трое остались во власти своих врагов. Однако испанцев не было видно — никто из них не осмеливался стоять на этой высокой площадке — фальшборт[16] был уничтожен, когда бушприт

[16] Примечания: 16
Фальшборт — выступ борта судна над верхней палубой.

«Маргарет», словно дубинка какого-нибудь гиганта, ударил по каравелле и снес его.

Трое смельчаков стояли, цепляясь за мачту и ожидая своего конца, ибо теперь их друзья были в ста ядрах от них и они понимали, что попали в отчаянное положение. С разных концов каравеллы на них обрушился ливень стрел. Одна пронзила горло матросу, он упал, схватившись за нее руками, и тут же скатился в волны; другая стрела попала в руку Кастелла — его меч выпал и отлетел в сторону. Питер схватил стрелу за конец, сломал ее пополам и вытащил, но правая рука Кастелла была уже беспомощна, а левой рукой он цеплялся за обломок мачты.

— Мы сделали все, что могли, сынок, — крикнул Кастелл, — и проиграли.

Питер заскрипел зубами и бросил вокруг отчаянный взгляд — говорить он не мог. Что ему было делать? Оставить Кастелла, броситься к центру корабля и там погибнуть или остаться на месте и здесь умереть? Нет, он не даст прикончить себя, как птицу на ветке, он погибнет сражаясь.

— Прощайте! — крикнул он сквозь шум бури. — Боже, спаси наши души!

Дождавшись, когда корабль хоть на секунду принял устойчивое положение, Питер бросился

к корме, добежал до трапа, ведущего на нижнюю палубу, спустился по нему и остановился, держась за перила.

Картина, которую он видел, была довольно странной. Вокруг, вдоль фальшбортов, стояли испанцы, с интересом наблюдая за ним. А в нескольких шагах от него, прислонившись к мачте, стоял д'Агвилар. Он поднял руку, в которой не было никакого оружия, и обратился к Питеру:

— Сеньор Брум! Не двигайтесь: еще один шаг, и вы будете мертвы. Выслушайте меня сначала, а потом поступайте, как вы решите. Пока я говорю, я могу не опасаться вашего меча?

Питер утвердительно кивнул, и д'Агвилар подошел ближе, потому что даже в этом, более закрытом месте трудно было расслышать что-либо из-за рева урагана.

— Сеньор, — сказал Питеру д'Агвилар, — вы очень храбрый человек и совершили такой подвиг, какого никто из нас никогда не видел. Я хочу спасти вас, если смогу. Я причинил вам зло — меня толкнули на это любовь и ревность, — и поэтому я опять-таки хочу пощадить вас. Нападать на вас сейчас будет не чем иным, как убийством, а я, кем бы я ни был, не убийца. Прежде всего успокойтесь. Властительница наших

сердец находится здесь, на борту. Но не бойтесь, я не причинил ей никакого вреда и не причиню. Этого не сделает и никто другой, пока я жив. Не говоря уже об иных причинах, я не хочу оскорблять женщину, которая, я надеюсь, станет моей женой по своей собственной воле. Я увез ее в Испанию, чтобы она не могла стать вашей женой. Поверьте мне, сеньор, я так же не хочу насиловать волю женщины, как не хочу стать убийцей ее возлюбленного.

— А не так ли вы поступили, когда похитили ее из дома при помощи подлой выдумки? — с яростью закричал Питер.

— Сеньор, я поступил плохо по отношению к ней и к вам всем, но я возмещу вам это.

— Возместите? Каким образом? Вернете мне Маргарет?

— Нет, этого я сделать не могу. Даже если она сама захочет этого, в чем я сомневаюсь. Никогда, пока я жив!

— Приведите ее сюда, и пусть она при мне скажет, хочет она вернуться или нет! — закричал Питер в надежде, что Маргарет услышит его.

Однако д'Агвилар только улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Этого я тоже не могу сделать, — сказал он, —

это причинило бы ей боль. Тем не менее, сеньор, я готов расплатиться с вами и с вами, сеньор, — и д'Агвилар поклонился Кастеллу, который, не замеченный Питером, сполз по трапу и теперь стоял позади него, глядя на д'Агвилара с холодной ненавистью. — Вы причинили нам огромные разрушения, так ведь? Вы охотились за нами на море и убили немало наших людей. А теперь вы пытались захватить наше судно и перерезать нас, но господь бог помешал вам. Так что ваши жизни уже принадлежат нам, и никто не осудит нас, если мы вас убьем. Однако я пощажу вас обоих. Если окажется возможным, я верну вас обратно на борт «Маргарет», если же нет, вас высадят на берег, и вы будете вольны идти куда вам угодно. Вот так я расплачусь с вами, и никто не сможет меня в чем-нибудь упрекнуть.

— Вы что же, считаете меня таким же негодяем, как вы сами? — с презрительным смехом спросил Питер. — Я не уйду живым с этого корабля, если моя невеста Маргарет не уйдет отсюда вместе со мной.

— В таком случае, сеньор Брум, я боюсь, что вы уйдете отсюда мертвым, как, впрочем, возможно, и все мы, если нам не удастся быстро высадиться на берег. Судно полно воды. Однако, зная ваш ха-

рактер, я ожидал от вас именно этих слов и готов сделать вам другое предложение, от которого, я уверен, вы не откажетесь. Сеньор, наши мечи одинаковой длины, не скрестить ли нам их? Я испанский гранд, маркиз Морелла, и для вас, надо думать, не будет бесчестьем сразиться со мной.

— Я в этом не уверен, — ответил Питер, — потому что я выше вас — я честный англичанин, не занимающийся кражей женщин. Тем не менее я с радостью буду сражаться с вами, на море или на суше, когда бы и где бы мы ни встретились, пока один из нас не отправится на тот свет. Однако какова будет ставка в этой игре и могу ли я быть уверен, что эти люди, — и Питер указал на внимательно слушавших матросов, — не нанесут мне удар в спину?

— Я уже сказал вам, сеньор, что я не убийца, а это было бы предательским убийством. Что касается ставки, то победителю будет принадлежать Маргарет. Если вы убьете меня, то я от имени своих людей клянусь, что вы с ней и ее отцом уедете в полной безопасности. Если же я убью вас, вы оба должны сейчас поклясться, что она останется со мной и ко мне не будет больше никаких претензий. А женщине, сопровождающей ее, я дам свободу.

— Нет, — в первый раз заговорил Кастелл, — я настаиваю на своем праве драться также с вами, когда рука моя заживет.

— Я отказываюсь, — высокомерно ответил д'Агвилар, — я не могу поднять свой меч на старика, отца девушки, которая станет моей женой. Более того: я не могу сражаться с купцом и евреем. Нет, нет, не отвечайте мне, чтобы все здесь присутствующие не запомнили ваших враждебных слов. Я буду великодушен и освобожу вас от клятвы. Делайте все что хотите против меня и предоставьте мне после этого делать вам зло, господин Кастелл. Сеньор Брум, уже темнеет, и вода прибывает. Вы готовы?

Питер кивнул головой, и они шагнули навстречу друг другу.

— Еще одно слово, — сказал д'Агвилар, опуская свой меч. — Друзья, вы слышали наш договор? Клянетесь ли вы во имя Испании и рыцарского долга выполнить этот договор и, если я умру, отпустить этих двух мужчин и обеих женщин беспрепятственно на их судно или на сушу?

Капитан «Сан Антонио» и его помощники поклялись от имени всей команды.

— Вы слышали, сеньор Брум. А теперь условия. Они будут такие: мы бьемся насмерть, но, если мы

оба будем ранены так, что не сможем закончить поединок, никому из нас не будет причинено никакого вреда, и о нас будут заботиться до тех пор, пока мы не выздоровеем или не умрем по воле господа.

— Вы хотите сказать, что мы должны умереть только от меча друг друга и, если предательский случай даст одному из нас преимущество, противник не должен воспользоваться этим?

— Да, сеньор, потому что в нашем положении это может произойти, — и он кивнул на огромные волны, вздымающиеся вокруг и грозящие поглотить наполненный водой корабль. — Мы не воспользуемся таким преимуществом — ведь мы хотим решить наш спор своими руками.

— Пусть будет так, — ответил Питер. — Господин Кастелл будет свидетелем нашего договора.

Д'Агвилар кивнул в знак согласия, поцеловал крестообразную рукоятку своего меча в подтверждение клятвы, вежливо поклонился и встал в позицию.

Секунду они стояли друг против друга — великолепная пара противников. Ловкий, худощавый Питер с гневным лицом был страшен в багровом свете лучей, падавших на него из-за края черной тучи; испанец был тоже высок и строен, но по

его виду можно было подумать, что это развлечение, а не смертельный поединок, в котором ставкой является судьба женщины. На д'Агвиларе был шлем и нагрудная кираса из черной стали, инкрустированная золотом. Питер же был защищен только курткой из бычьей кожи и шапкой с нашитыми на ней металлическими полосами. Но зато его прямой, остро отточенный меч был тяжелее и, пожалуй, на полдюйма длиннее, чем у его противника.

Так они стояли друг против друга, а Кастелл и вся команда каравеллы, кроме рулевого, который вел ее ко входу в бухту, уцепились за фальшборт и такелаж[17] и, забыв об опасности, угрожавшей им самим, в полной тишине наблюдали за противниками.

Первым сделал выпад Питер — удар был направлен прямо в горло, но д'Агвилар ловко отпарировал его, так что острие меча скользнуло мимо его шеи, и, прежде чем Питер успел опомниться, д'Агвилар нанес ему удар. Клинок ударил но стальным полоскам на шапке Питера, скользнул по левому плечу, но, так как удар был не сильный, никакого вреда он не причинил.

---

[17] Примечания: 17
Такелаж — совокупность всех снастей судна.

Молниеносно последовал ответный удар, и он уже был отнюдь не легок — меч с такой силой обрушился на стальной панцирь д'Агвилара, что испанец пошатнулся. Питер прыгнул вперед, думая, что игра уже выиграна им, но в этот момент каравелла, проходившая мимо скал, окаймлявших вход в бухту, сильно накренилась, и оба противника оказались отброшенными к борту. За этим толчком последовали другие. Питер и д'Агвилар, продолжая обмениваться ударами, метались от одного борта к другому, стараясь левой рукой схватиться за что-нибудь прочное, пока наконец, измученные и покрытые синяками, они не упали в стороне друг от друга.

— Неважная площадка для поединка, — задыхаясь, выговорил д'Агвилар.

— Я думаю, что она сослужит свою службу, — с неумолимой решимостью ответил Питер и снова ринулся на д'Агвилара.

Как раз в этот момент гигантская волна обрушилась на корабль, перекатилась через палубу, сшибла обоих противников с ног и, как соломинки, смела их в углубление у борта. Питер поднялся первым, выплевывая соленую воду и протирая глаза. Он увидел д'Агвилара, лежащего на палубе, меч валялся рядом, левой рукой испанец сжимал

правую.

— Вы ранены или ушиблись? — спросил Питер.

— Ушибся, — ответил д'Агвилар. — Похоже, что сломана кисть. Но у меня есть левая рука. Помогите мне подняться, и мы закончим наш поединок.

При этих словах сильный порыв ветра, самый свирепый из всех, подобный вихрю в горном ущелье, швырнул каравеллу в самый вход в бухту и почти положил ее на бок.

Казалось, еще мгновение — и каравелла перевернется и пойдет ко дну, но тут грот-мачта неожиданно сломалась, подобно трости, и свалилась за борт. Освободившись от ее веса, каравелла медленно выпрямилась. Поперечная рея рухнула на палубу — один конец ее проломил верх той каюты, в которой были заперты Маргарет и Бетти, расколов его надвое, а блок, висевший на другом конце, ударил Питера по голове, скользнул по шлему, задев шею и плечо. От этого удара Питер свалился без сознания на палубу и остался там лежать, продолжая сжимать в правой руке меч.

Из-под обломков каюты появилась Маргарет и Бетти. Маргарет была бледна и испугана, а Бетти шептала про себя молитвы, но обе, по счастливой случайности, остались невредимы. Цепляясь

за перепутавшиеся снасти, они пробирались, ища спасения в центре корабля. Тяжелая рея вся еще висела над ними, упираясь одним концом в остатки каюты, а другим зацепившись за борт. Затем она соскользнула в море. Обломок грот-мачты загородил им путь. В эту минуту Маргарет увидела Питера с окровавленным лицом, лежащего на спине. Тело его перекатывалось взад и вперед от качки.

Маргарет не могла выговорить ни слова. Она только молча показала на Питера, затем обернулась к д'Агвилару, который стоял неподалеку. Держась за канат, д'Агвилар добрался до Маргарет и крикнул ей в ухо:

— Леди, это не моя вина. У нас была честная схватка. Мачта упала и убила его. Не вините меня в его смерти, а ищите утешения у бога.

Маргарет слушала, дико озираясь по сторонам, тут она увидела отца, пробирающегося к ней, и с криком упала без чувств на его грудь.

ГЛАВА XII. ОТЕЦ ЭНРИКЕ

Ночь наступила сразу — огромная грозовая туча, в гуще которой сверкали молнии, поглотила последние лучи заходящего солнца. И тут ураган обрушился на тонущее судно, раскаты грома сопровождались потоками дождя. Рулевой уже не видел, куда он ведет корабль, не было никакой возможности определить направление, в котором неслась каравелла. Только уменьшившиеся волны говорили о том, что они вошли в бухту. Вскоре «Сан Антонио» налетела на скалу, и этот толчок отбросил Кастелла, склонившегося над лежавшей без сознания Маргарет, к борту и оглушил его.

В темноте раздался крик: «Идем ко дну!», и вода хлынула на палубу, но Кастелл не мог разобрать, были ли это волны или дождевые потоки. Он услышал новый крик: «Скорее в шлюпки, или мы погибли!», и шум спускаемых шлюпок. Судно повернулось раз, другой и остановилось. В свете молнии Кастелл увидел Бетти, держащую бесчувственную Маргарет в своих сильных руках. Она также увидела его и крикнула, чтобы он спускал-

ся в шлюпку. Кастелл пошел за ней, но вспомнил о Питере. Ведь Питер мог быть еще жив! Что он скажет Маргарет, если позволит ему утонуть? Кастелл пробрался к тому месту, где лежал Питер, и позвал на помощь бежавшего мимо матроса. Тот выругался в ответ и исчез в темноте. Оставшись один, Кастелл пытался поднять тяжелое тело, но правая рука его была беспомощна, и он сумел только приподнять верхнюю часть туловища и постепенно подтаскивать Питера к тому месту, где, казалось ему, должна была находиться шлюпка.

Однако шлюпки здесь не оказалось, а голоса доносились с противоположного конца судна — нужно было тащить Питера туда. Пока он добрался до другого борта, все смолкло, и в свете молнии Кастелл увидел переполненную людьми шлюпку на гребне волны ярдах в пятидесяти от судна. Те, кто не попал в шлюпку, цеплялись за ее корму и борта. Кастелл закричал, но никто ему не ответил, потому ли, что на корабле не оставалось никого живых, или потому, что в этой суматохе нельзя было услышать его.

Тогда Кастелл, понимая, что он сделал все, что мог, подтащил Питера под нависающую часть верхней палубы, которая хоть немного укрывала

от дождя, положил его кровоточащую голову себе на колени так, чтобы она была выше уровня воды, и, усевшись таким образом, начал молиться, ожидая смерти.

Он ни минуты не сомневался, что ему суждено погибнуть — при свете молний он видел, что палуба корабля находится уже почти на уровне воды. Правда, здесь, в бухте, море стало значительно спокойнее. Он угадал это по тому, что, хотя дождь лил по-прежнему и ветер налетал с той же силой, брызги волн не обдавали его. Каравелла погружалась все глубже и глубже, пока наконец вода не покрыла ее палубу целиком. Кастеллу пришлось подняться на вторую ступеньку трапа, с которого Питер напал на испанца. Прошло некоторое время, и Кастелл почувствовал, что каравелла перестала погружаться. Он не мог понять, что это означало. Шторм прошел, видны стали звезды, ветер стих. Ночь стала теплее — это очень обрадовало его, иначе в промокшей одежде он бы совсем замерз. И все-таки это была длинная ночь, самая длинная в его жизни, — не было сна, чтобы успокоить его страдания или облегчить смерть.

Так он сидел, гадая, жива ли Маргарет, — Питер казался ему мертвым, — и думал, наблюдают

ли их души за ним с высоты, ждут ли, когда он присоединится к ним. Он вспомнил о днях своего процветания до того момента, когда он увидел проклятое лицо д'Агвилара, о своем богатстве и о том, что с этим богатством случится. Он даже подумал, что лучше, если Маргарет умерла, — лучше смерть, чем жизнь в позоре.

Вскоре он впал в забытье, и последней мыслью его было, что корабль утонул и сам он погружается в пучину смерти.

... Чей-то голос звал его, и Кастелл проснулся. Светлело. Перед ним, держась за поручни трапа, стоял Питер — мертвенно бледный, перепачканный кровью, зубы у него стучали, а глаза были неестественно тусклыми.

— Вы живы, Джон Кастелл, — произнес этот голос, — или мы оба умерли и находимся в аду?

— Нет, — ответил Кастелл, — я еще жив, мы оба еще на этом свете.

— Что же случилось? — спросил Питер. — Я был в каком-то мраке.

Кастелл коротко рассказал ему все, что произошло. Питер выслушал его, потом, шатаясь, дошел до борта и, не говоря ни слова, стал смотреть вдаль.

— Я ничего не вижу, — наконец сказал он, —

слишком густой туман, но я думаю, что мы где-то недалеко от берега. Помогите мне. Надо разыскать еду, я совсем ослабел.

Кастелл поднялся, размял свои затекшие ноги, добрался до Питера, обнял его здоровой рукой, и таким образом они добрались до кормы, где, как думал Кастелл, должна была находиться кают-компания. Они нашли ее и проникли внутрь. Это оказалось маленькое, но богато обставленное помещение, к задней стенке его было привинчено резное распятие. На полу валялись кусок солонины и несколько черствых пшеничных лепешек, которыми обычно питаются матросы. Очевидно, все это упало со стола. В сетке над столом висели бутыли с вином и водой. Кастелл разыскал кружку, наполнил ее вином и подал Питеру. Тот с жадностью выпил и вернул ее Кастеллу, который, в свою очередь, отпил глоток. После этого они отрезали с помощью своих ножей по куску мяса и съели, хотя Питеру было очень трудно жевать из-за ран на голове и шее. Затем они выпили еще вина и, несколько подкрепившись, покинули каюту.

Туман был все еще такой густой, что ничего не было видно, и они прошли в разбитую каюту, в которой жили Маргарет и Бетти, уселись на их

койках и стали ждать. Питер обратил внимание на то, что каюта была роскошно обставлена, как будто в ней должна была обитать знатная дама. Даже посуда здесь была серебряная, а в приоткрывшемся шкафу виднелись роскошные платья. Были здесь и рукописные книги. В одной из них Маргарет сделала кое-какие пометки и написала молитву собственного сочинения, в которой она просила небо защитить ее, молила, чтобы Питер и ее отец остались живы и узнали правду о том, что произошло. Маргарет молила святых помочь ей спастись и соединиться с отцом и Питером. Эту книгу Питер спрятал под куртку, чтобы на досуге просмотреть внимательно.

Из-за гор, окаймлявших бухту, взошло солнце. Оставив каюту, Питер и Кастелл влезли на полубак и огляделись. Они обнаружили, что находятся в закрытой со всех сторон бухте, не более чем в ста ярдах от берега. Привязав к веревке кусок железа, они опустили его за борт и убедились, что судно сидит на мели и что глубина воды под носом каравеллы не превышает четырех футов. Выяснив это, они решили добираться до берега.

Предварительно они вернулись в каюту и наполнили найденный там кожаный мешок едой и вином. Затем им пришло в голову разыс-

кать каюту д'Агвилара. Они нашли ее между палубами. В каюте обнаружили запертый ящик, крышку которого они взломали железной палкой. Здесь оказалось большое количество золота — по всей видимости, для выплаты команде — и драгоценности. Драгоценности они не тронули, а деньги разделили пополам и спрятали на себе, для того, чтобы воспользоваться ими, если удастся добраться до берега. Затем они промыли и перевязали друг другу раны, спустились по веревочному трапу того борта, где испанцы спасались с корабля, и распростились с «Сан Антонио».

Ветер к тому времени стих, и солнце ярко сияло, разогревая застывшую кровь. Море совершенно успокоилось, и вода доходила им только до пояса; дно было ровное, песчаное.

Когда Питер и Кастелл уже подходили к берегу, они увидели собравшихся там людей и решили, что это, наверно, жители маленького городка Мотриля, расположенного на берегу реки, впадающей в залив. Кроме того, они заметили на берегу шлюпку с «Сан Антонио» и обрадовались: шлюпка лежала на киле, и на дне ее было совсем немного воды, — значит, она благополучно добралась до берега. Поблизости лежало пять или шесть трупов, — по всей вероятности, это были

матросы, поплывшие за шлюпкой или уцепившиеся за ее борта, но среди утонувших не было женщин.

Когда Питер и Кастелл выбрались на берег, здесь оставалось совсем мало людей; большинство отправилось грабить корабль, часть людей готовила лодки для той же цели. Их встретили лишь женщины, дети, трое стариков и священник. Этот последний, человек с жадным взглядом и хитрой, лицемерной физиономией, пошел им навстречу, вежливо поздоровался и сказал, что они должны благодарить бога за свое спасение.

— Это мы, конечно, сделаем, — ответил Кастелл, — но скажите нам, отец, где наши спутники?

— Вот некоторые из них, — сказал священник, указывая на трупы, — остальные вместе с двумя дамами два часа назад уехали в Гранаду. Маркиз Морелла, который дал мне этот приход, сказал нам, что корабль утонул и никого больше не осталось в живых, а так как в тумане ничего не было видно, мы поверили ему. Вот почему мы не пришли сюда раньше, ибо, — многозначительно добавил он, — мы люди бедные и святые редко посылают нам кораблекрушения.

— Как они отправились в Гранаду, отец? — пе-

ребил его Кастелл. — Пешком?

— Нет, сеньор, они силой забрали всех лошадей и мулов в деревне, хотя маркиз и обещал вернуть их и заплатить нам потом. Мы доверяем ему, потому что у нас нет другого выхода. Обе дамы плакали и умоляли нас приютить их, но маркиз не позволил, хотя они выглядели такими печальными и утомленными. Бог даст, нам вернут наших лошадей, — благочестиво закончил он.

— А для нас лошадей не найдется? У нас есть немного денег, и мы может заплатить, если это будет не очень дорого.

— Ни одной, сеньор, ни одной, забрали всех. К тому же вы сейчас вряд ли сумеете ехать — вы так много перенесли, — и он указал на раненую голову Питера и перевязанную руку Кастелла. — Почему бы вам не остаться здесь и не отдохнуть?

— Потому что я отец одной из этих дам, и она, конечно, уверена, что я утонул. А этот сеньор — ее жених.

— Ага, — произнес священник, с интересом разглядывая их, — тогда какое же отношение имеет к ней маркиз? Но я лучше не буду задавать вопросов, здесь не исповедь, не так ли? Я понимаю ваше беспокойство — ведь этот гранд пользуется репутацией весьма веселого мужчи-

ны. Прекрасный сын церкви, но, без сомнения, очень веселый. — И священник, улыбаясь, покачал своей бритой головой. — Однако, сеньоры, пройдемте в деревню, вы там сможете отдохнуть и перевязать свои раны. А потом мы поговорим.

— Нам лучше пойти, — обратился Кастелл поанглийски к Питеру, — здесь на берегу нет лошадей, а мы не можем в таком состоянии идти пешком в Гранаду.

Питер кивнул, и священник, которого, как они выяснили, звали отец Энрике, повел их.

На вершине холма, в нескольких сотнях шагов от берега, они обернулись и увидели, что теперь уже все здоровые жители деревни были заняты грабежом каравеллы.

— Они хотят вознаградить себя за своих лошадей и мулов, — пожав плечами, заметил отец Энрике.

— Это я вижу, — отозвался Кастелл, — но вы…

— О, за меня не бойтесь, — с хитрой улыбкой ответил священник: — церковь не занимается грабежом, но в конце концов она получает свою долю. Народ здесь благочестив. Я только боюсь, что, когда маркиз узнает, что корабль не утонул, он потребует с нас возмещения убытков.

Они перевалили через холм и увидели белые

стены и красные крыши деревушки, раскинувшейся на берегу реки. Еще через пять минут их проводник остановился перед домом на грубо замощенной улочке и отпер дверь ключом.

— Вот мое убогое жилище, когда я нахожусь здесь, а не в Гранаде, — сказал он. — В нем я буду иметь честь принять вас. Видите, рядом церковь.

Они вошли во внутренний дворик, где вокруг фонтанчика росло несколько апельсиновых деревьев, у стены стояло распятие в человеческий рост. Проходя мимо распятия, Питер поклонился и перекрестился, но Кастелл не последовал его примеру. Священник быстро взглянул на него.

— Вам, сеньор, следовало бы поклониться изображению нашего спасителя, по милости которого вы избегли смерти; маркиз говорил мне, что вы оба погибли.

— Моя правая рука повреждена, — не растерялся Кастелл, — и я вознес молитву в моем сердце.

— Я понимаю, сеньор, но если вы в этой стране в первый раз, хотя на это не похоже — вы так хорошо говорите на здешнем языке, — то, с вашего разрешения, я хочу предупредить вас, что здесь разумнее совершать молитвы не только в сердце. За последнее время отцы инквизиции стали еще суровее — они придают очень большое значе-

ние внешним обрядам. Когда мне приходилось сталкиваться со святой инквизицией в Севилье, я видел, как сожгли одного человека за то, что он пренебрегал обрядами. У вас есть две руки и голова, сеньор, и к тому же еще колени, которые можно преклонить.

— Простите меня, — ответил Кастелл, — но я думал о другом. В частности, о том, что моя дочь увезена вашим патроном, маркизом Морелла.

Священник оставил эти слова без ответа и провел их через гостиную в спальню с высокими окнами, забранными решетками, так что, несмотря на то, что комната была большая и высокая, она чем-то напоминала тюремную камеру. Здесь он оставил гостей, заявив, что пойдет искать местного лекаря, который к тому же и цирюльник, если только он не занят «облегчением корабля». Гостям своим он посоветовал снять мокрую одежду и прилечь отдохнуть.

Какая-то женщина принесла им горячей воды и одежду, чтобы они накинули ее на себя, пока их платье будет сушиться. Питер и Кастелл разделись, помылись и, совершенно измученные, свалились на кровати и заснули. Предварительно они вытащили деньги и засунули их в мешок для продуктов, который Питер спрятал к себе под

подушку. Часа через два их разбудил приход отца Энрике с лекарем-цирюльником. Вместе с ними пришла служанка с высушенным и вычищенным платьем.

Когда лекарь увидел у Питера на левой стороне шеи и на плече раны, которые почернели и распухли, он покачал головой и заявил, что только время и покой излечат его и что Питер, должно быть, родился под счастливой звездой, так как, не будь на нем стального шлема и кожаной куртки, ему бы не миновать смерти. Поскольку все кости были целы, лекарю оставалось только помазать рану какой-то мазью, смягчающей боль, и перевязать ее чистым куском материи. Покончив с этим, лекарь занялся раной на правой руке Кастелла, промыл ее теплой водой и маслом и перевязал, заявив, что он будет здоров через неделю. При этом он заметил, что буря, очевидно, была сильнее, чем он предполагал, если она могла пронзить стрелой мужскую руку. При этих словах священник насторожился.

Кастелл не стал отвечать на это замечание, а вытащил золотой и предложил лекарю, попросив его достать им, если это возможно, мулов или лошадей. Цирюльник был чрезвычайно доволен столь крупным для Мотриля вознаграждением.

Он обещал, что повидает их вечером и что если узнает о каких-нибудь лошадях или мулах, то сообщит. Кроме того, он обещал достать испанского покроя одежду и плащи, поскольку в их одежде ехать неудобно — она испачкана и окровавлена.

После этого он ушел, и священник последовал за ним, так как ему надо было проследить за дележом добычи с судна и обеспечить себе свою долю. Добрая служанка принесла Питеру и Кастеллу суп. Затем они улеглись опять на кроватях и принялись обсуждать, что им делать дальше.

Кастелл совсем упал духом. Он говорил, что они так же далеки от Маргарет, как и до сих пор, что она еще раз утеряна ими и находится в руках Морелла, из которых они вряд ли сумеют вырвать ее. К тому же, как видно, ее повезли в Гранаду, город мавров, где христианские законы и правосудие бессильны.

Выслушав все это, Питер, чье сердце всегда оставалось твердым, заявил:

— Бог обладает такой же властью в Гранаде, как и в Лондоне или на море, где он спас нас. Я думаю, что у нас есть все основания благодарить его, потому что мы могли погибнуть, но остались в живых, и потому что Маргарет тоже жива и, можно надеяться, не пострадала. Кроме того, этот

испанский вор, похититель женщин, по всей видимости, довольно странный человек. Судя по его словам, если в них есть доля правды, хотя он и украл Маргарет, он не может решиться на насилие над ней, а хочет завоевать ее любовь и согласие, которое, я думаю, он не скоро получит… К тому же он избегает убийства — ведь он не прикончил нас, хотя спокойно мог это сделать.

— Я знавал таких людей, которые считают одни грехи допустимыми, а другие смертельными. Это плоды суеверия.

— Тогда мы должны молить бога, чтобы Морелла и впредь оставался суеверен и чтобы мы как можно скорее оказались в Гранаде. Не забывайте, что там у нас есть друзья и среди евреев и среди мавров, с которыми вы торговали много лет. Они могут укрыть нас. Так что, хотя дела и плохи, они могли быть еще хуже.

— Пожалуй, это так, — уже более спокойно согласился Кастелл, — если ее действительно увезли в Гранаду. Постараемся узнать что-либо об этом у цирюльника и у отца Энрике.

— Я не верю этому священнику: он хитрец и служит маркизу, — отозвался Питер.

Они замолчали — слишком устали оба, да и говорить было больше не о чем, хотя о многом

следовало подумать.

После захода солнца вновь пришел цирюльник и перевязал раны Питеру и Кастеллу. Он принес с собой испанские костюмы, шляпы и два тяжелых плаща, удобных для путешествия, — все это они купили у него за хорошую цену. Кроме того, он объявил, что во дворе стоят два прекрасных мула. Кастелл вышел посмотреть на них. Это оказались две жалкие клячи, истощенные и слабые, но так как других не было, не оставалось ничего иного, как вернуться в комнату и обсудить вопрос о цене. Торговались долго, потому что цирюльник запросил двойную цену. Кастелл заявил, что бедные люди, потерпевшие кораблекрушение, не могут заплатить такую сумму. В конце концов они договорились на том, что цирюльник заберет мулов на ночь к себе и накормит их, а утром приведет их вместе с проводником, который покажет им дорогу в Гранаду. Пока что они заплатили ему только за одежду.

Кастелл и Питер пытались выудить у цирюльника какие-нибудь сведения о маркизе Морелла, но, как и отец Энрике, он был хитрец и держал язык за зубами. Он заявил, что такому маленькому человеку, как он, вредно обсуждать дела больших людей; в Гранаде, дескать, они все

узнают.

Цирюльник ушел, оставив им лекарства, и вскоре после этого явился священник. Он был в очень хорошем настроении, потому что в виде своей доли от грабежа судна получил драгоценности, оставленные Питером и Кастеллом в железном ящике. Заметив, как священник, доставая драгоценности, любовно перебирал их, Кастелл пришел к выводу, что отец Энрике человек в высшей степени жадный — из тех людей, которые ненавидят бедность и сделают все на свете ради денег. И когда священник со злобой заговорил о ворах, которые залезли в корабельный ящик и унесли оттуда почти все золото, Кастелл решил про себя, что отец Энрике никогда не должен узнать, кто были эти воры, иначе во время их путешествия с ними может произойти какой-нибудь несчастный случай.

Наконец драгоценности были спрятаны, и священник заявил, что они должны поужинать вместе с ним, но при этом он добавил, что не может предложить им вина, так как ему полагается пить только воду. Тогда Кастелл попросил его достать где-нибудь несколько фляг вина, лучшего, какое можно здесь найти, сказав, что он за него заплатит. Отец Энрике послал за вином

служанку.

Переодевшись в испанское платье и спрятав деньги в два пояса, приобретенные тоже у цирюльника, они вышли к столу. Ужин состоял из испанского блюда, называемого «олла подрида» (нечто вроде жирного мяса), хлеба, сыра и фруктов. На столе было также купленное за их счет вино, очень хорошее и крепкое. Правда, Питер и Кастелл почти не пили, опасаясь лихорадки от своих ран, но они усердно угощали отца Энрике. Кончилось тем, что к концу ужина он забыл о своей хитрости и начал разговаривать свободно. Заметив, что священник пришел в веселое настроение, Кастелл начал расспрашивать его о маркизе Морелла, почему у того дом в Гранаде, столице мавританского государства.

— Потому что он наполовину мавр, — ответил священник. — Его отец, говорят, был принцем Виана, а мать — мавританкой, в ее венах текла королевская кровь. От нее он и унаследовал свои богатства, земли и дворец в Гранаде. Он любит там жить. Хотя он и добрый христианин, однако у него вкусы еретика: подобно маврам, он завел у себя сераль прекрасных женщин. Я знаю это, потому что в Гранаде нет священников и мне приходится выполнять роль его капеллана. Но,

кроме того, он живет в Гранаде еще по другой причине: он ведь наполовину мавр и является представителем Фердинанда и Изабеллы при дворе султана Гранады Боабдила. Вы, чужестранцы, должны знать, если еще не знаете, что их величества давно уже ведут войну с маврами и мечтают захватить остаток их государства так же, как они уже захватили Малагу, обратить его жителей в христианство и кровью и огнем очистить его от проклятой ереси.

— Да, — отозвался Кастелл, — мы слышали об этом в Англии. Я ведь купец и веду торговлю с Гранадой. Я еду туда но делам.

— А по каким делам едет туда сеньора, та, о которой вы говорите, что она ваша дочь? И что это за историю рассказывали матросы о сражении между «Сан Антонио» и английским кораблем, который мы видели вчера на взморье? И каким это образом ветер пробил стрелой вашу руку, друг мой купец? И почему так получилось, что вас обоих оставили на каравелле, в то время как маркиз и все его люди спаслись?

— Вы задаете много вопросов, святой отец. Питер, наполни стакан преподобного отца. Он ничего не пьет. Можно подумать, что здесь всегда пост. Ваше здоровье! О, вот хорошо! Налей, Питер,

и передай мне флягу. Вот теперь я отвечу на все ваши вопросы и расскажу о кораблекрушении.

Тут Кастелл начал бесконечную историю о ветрах, парусах, скалах, падающих мачтах, об английском корабле, который пытался помочь испанской каравелле, и так продолжалось до тех пор, пока священник, чей стакан Питер наполнял каждый раз, когда тот отворачивался, не свалился, заснув.

— А теперь, — шепнул Питер по-английски Кастеллу, — я думаю, нам лучше всего лечь спать. Мы узнали многое от этого шпиона в рясе — по-моему, он таков — и почти ничего не рассказали.

Они тихо пробрались в свою комнату, выпили настой, оставленный цирюльником, помолились каждый по-своему, заперли дверь и прилегли отдохнуть, насколько раны и тяжелые думы могли позволить им.

ГЛАВА XIII. ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Питер спал плохо, рана, несмотря на перевязку, сделанную цирюльником, сильно болела. Кроме того, ему не давала покоя мысль, что Маргарет уверена в их гибели и страдает от этого. Как только Питер засыпал, он видел ее в слезах, слышал ее рыдания.

Как только первые лучи проникли сквозь высокие решетки окон, Питер вскочил и разбудил Кастелла: они оба не могли одеться без помощи друг друга. Услышав во дворе голоса людей и шум, они решили, что это явился цирюльник со своими мулами, отперли дверь и, встретив в коридорчике зевающую служанку, попросили ее выпустить их из дома.

Это действительно был цирюльник и с ним — одноглазый парень верхом на пони. Цирюльник объяснил, что этот парень будет их проводником до Гранады. Питер и Кастелл вернулись вместе с цирюльником в дом, он осмотрел их раны, покачал головой при взгляде на раны Питера и сказал, что ему не следовало бы так рано отправ-

ляться в путь. Потом снова началась торговля за мулов, упряжь, седельные сумки, в которые были уложены вещи, оплату проводнику и так далее, ибо Питер и Кастелл боялись показать, что у них есть деньги.

В конце концов все было улажено, и, так как их хозяин, отец Энрике, все еще не появлялся, они решили уехать, не простившись с ним, а просто оставить ему деньги в знак благодарности за его гостеприимство и в качестве подарка для его церкви. Однако как раз в тот момент, когда они передавали эти деньги служанке, появился священник. Он был небрит и держался рукой за голову. Он объяснил, что служил раннюю мессу в церкви, что было чистой ложью, и спросил, действительно ли они собираются уезжать.

Они подтвердили это и вручили ему свой подарок, который он принял не задумываясь, хотя похоже было, что щедрость гостей заставила его с еще большей настойчивостью уговаривать их остаться. Они, дескать, еще не в состоянии перенести трудный путь, дороги весьма небезопасны, они могут попасть в плен к маврам и окажутся в подземелье вместе с другими узниками-христианами, так как никто не может проникнуть в Гранаду без разрешения, и так далее. Но наши

путешественники твердо стояли на своем.

Они заметили, что священник при этих словах заволновался и в конце концов заявил, что из-за них у него будут неприятности от маркиза Морелла. Как и почему, он не стал объяснять, но Питер решил, что он боится, как бы они не рассказали маркизу о том, что его капеллан участвовал в грабеже на судне, которое маркиз считал потонувшим, и завладел его драгоценностями. В конце концов они поняли, что отец Энрике способен на любую уловку, только бы задержать их, оттолкнули его, вскарабкались на мулов и вместе с проводником двинулись в путь.

Они долго еще слышали крики разъяренного священника, ругавшего цирюльника за то, что тот продал им мулов. До них доносились его выкрики: «Шпионы...», «Английские дамы...», «Приказ маркиза...». Они очень обрадовались, выбравшись за пределы селения, на улицах которого было мало людей, и, никем не потревоженные, выехали на дорогу, ведущую к Гранаде.

Дорогу эту никак нельзя было назвать хорошей, к тому же она шла то вверх, то вниз. Да и мулы оказались гораздо хуже, чем они предполагали. Мул, на котором ехал Питер, все время спотыкался. Они поинтересовались у юноши,

их проводника, сколько времени потребуется, чтобы доехать до Гранады, но в ответ услышали:

— Кто знает? Все зависит от воли бога.

Прошел час, и они опять задали ему тот же вопрос; и на этот раз последовал ответ:

— Может быть, сегодня вечером, может, завтра, а может, никогда. На дороге много разбойников, но если путешественникам повезет и они не попадутся в руки бандитам, то наверняка их захватят мавры.

— Я думаю, что один из разбойников здесь, рядом с нами, — заметил по-английски Питер, взглянув на отталкивающее лицо их проводника, и добавил на ломаном испанском языке: — Друг мой, если мы столкнемся с бандитами или маврами, то первым, кто отправится на тот свет, будешь ты. — И Питер похлопал по рукоятке своего меча.

Парень в ответ пробормотал какое-то испанское проклятие и повернул своего пони назад, якобы собираясь ехать обратно в Мотриль, но тут же передумал и ускакал далеко вперед. В течение нескольких часов они не могли догнать его.

Дорога была так тяжела, а мулы так слабы, что, несмотря на то, что они решили не отдыхать днем, сумерки наступили прежде, чем они

достигли вершины Сиерры. В последних лучах заходящего солнца они увидели далеко впереди минареты и дворцы Гранады. Питер и Кастелл хотели ехать дальше, но их проводник клялся, что в темноте они свалятся в пропасть раньше, чем достигнут равнины. Он заявил, что здесь неподалеку есть вента или, иначе говоря, постоялый двор, где они могут отдохнуть, а на рассвете продолжить свой путь.

Когда Кастелл заявил, что они не хотят ехать на постоялый двор, проводник объяснил, что у них нет другого выхода, так как еда уже кончилась и, кроме того, здесь, на дороге, нельзя достать корма для мулов. Делать было нечего, и путешественники с неохотой согласились, понимая, что, если мулов не накормить, они никогда не довезут их до Гранады. Между тем проводник указал на домик, стоящий одиноко в лощине ярдах в ста от дороги, и, заявив, что он должен предупредить об их приезде, поскакал вперед.

Когда Кастелл и Питер добрались до постоялого двора, окруженного большой стеной, очевидно в целях обороны, они увидели своего одноглазого проводника, о чем-то серьезно беседовавшего с толстым человеком отталкивающей внешности, у которого за пояс был заткнут большой нож. Тол-

стяк, кланяясь, двинулся им навстречу и объявил, что он здесь хозяин. Он согласился накормить путешественников и дать им ночлег.

Кастелл и Питер въехали во двор, и хозяин тут же запер за ними ворота, объяснив, что это делается для безопасности от бандитов. Им повезло, добавил он, что они попали в такое место, где могут спокойно переночевать. Вслед за этим появился мавр; он увел мулов в конюшню, а хозяин провел путешественников в большую комнату с низким потолком, где стояли столы и сидело несколько человек с грубыми и жестокими лицами. Они пили вино. Тут хозяин неожиданно потребовал деньги вперед, заявив, что он не доверяет незнакомцам. Питер хотел было вступить с ним в спор, но Кастелл решил, что разумнее согласиться, и принялся расстегивать свою одежду, чтобы достать деньги. В карманах у него ничего не осталось, последние деньги, которые не были спрятаны, он истратил в Мотриле.

Правой рукой Кастелл по-прежнему не мог шевельнуть, и он начал доставать деньги левой, но так неловко, что маленький дублон, который он вытащил, выскользнул и упал на пол. Забыв, что он не завязал пояс, Кастелл нагнулся поднять дублон, и штук двадцать золотых монет покатились

по полу. Питер заметил, как хозяин и сидящие в комнате мужчины обменялись быстрыми и многозначительными взглядами. Однако они поднялись и помогли собрать золотые. Хозяин вернул их Кастеллу, присовокупив с гнусной улыбкой, что, если бы он знал, что его гости так богаты, он запросил бы с них больше.

— О нет, это далеко не так, — ответил Кастелл, — это все, что мы имеем.

Как раз в тот момент, когда он произнес эти слова, еще один золотой, на этот раз уже большой дублон, застрявший у него в одежде, упал на пол.

— Конечно, сеньор, — заметил хозяин, поднимая монету и вежливо возвращая ее, — однако потрясите себя, может, у вас в куртке застряли еще один-два золотых.

Кастелл так и сделал, и при этом золотые, спрятанные в поясе, так как их стало меньше, зазвенели. Присутствующие в комнате улыбнулись, а хозяин поздравил Кастелла с тем, что он находится в честном доме, а не путешествует по горам, служащим приютом для дурных людей.

Кастелл, делая вид, что ничего не произошло, запрятал свои деньги и затянул пояс. Затем он и Питер уселись в сторонке и попросили, чтобы им подали ужин. Хозяин приказал слуге принести

еду, а сам подсел к ним и принялся расспрашивать. Из его вопросов стало ясно, что проводник уже успел рассказать ему всю их историю.

— Откуда вы узнали про кораблекрушение? — вместо ответа спросил Кастелл.

— Откуда? Да от людей маркиза, которые вчера останавливались здесь выпить по стакану вина, когда маркиз проезжал с двумя дамами в Гранаду. Он говорил, что «Сан Антонио» затонула, но ничего не сказал о том, что вы остались на борту.

— Тогда извините нас, дружище, если мы, чьи дела не должны интересовать вас, тоже ничего не скажем, поскольку мы устали и хотим отдохнуть.

— Конечно, сеньоры, конечно, — засуетился хозяин, — я пойду потороплю с ужином и велю принести вам флягу гранадского вина, подобающего вашему положению.

Он удалился, а через некоторое время принесли ужин — хорошее жаркое и к нему в глиняном кувшине вино. Наполняя их кружки, хозяин сказал, что он сам перелил его из фляги, чтобы не взболтать осадок.

Кастелл поблагодарил его и предложил выпить стакан вина за успех их путешествия, однако хозяин отказался, заявив, что у него сегодня пост-

ный день и что он поклялся пить в этот день одну только воду. Тогда Питер, который не произнес ни слова за все это время, но многое приметил, пригубил вино и, почмокав, как будто пробуя, шепнул по-английски Кастеллу:

— Не пейте — оно отравлено.

— Что сказал ваш сын? — спросил хозяин.

— Он говорит, что вино великолепно, но при этом он вдруг вспомнил, что доктор в Мотриле запретил нам прикасаться к вину, если мы не хотим ухудшить состояние наших ран, полученных при кораблекрушении. Но оно не должно пропасть. Поднесите его вашим друзьям. Мы удовольствуемся более слабым напитком.

С этими словами Кастелл взял кувшин с водой, стоявший на столе, наполнил кружку, выпил и передал ее Питеру. Хозяин посмотрел на них с явным неудовольствием.

Затем Кастелл поднялся и вежливо предложил кувшин с вином и две наполненные кружки мужчинам, сидевшим за соседним столом, добавив, что им очень жаль, что они не могут попробовать столь великолепное вино. Одним из этих людей случайно оказался их проводник; он пришел сюда, накормив мулов. И он и его сосед с готовностью взяли наполненные кружки и выпили

их содержимое. Хозяин в это время с проклятием схватил кувшин и исчез.

Кастелл и Питер принялись за жаркое. Они видели, что их соседи едят то же самое, да и хозяин, вернувшийся в комнату, тоже принялся за такое же мясо. Питеру показалось, что хозяин с тревогой наблюдает за двумя мужчинами, выпившими вино. Вдруг один из них поднялся из-за стола и, пройдя несколько шагов до скамьи, стоявшей на другом конце комнаты, молча рухнул на нее. Между тем у одноглазого проводника бессильно опустились руки, и он, по-видимому без сознания, упал на стол, так что голова его уткнулась в пустое блюдо. Хозяин вскочил, но тут же остановился в нерешительности. Тогда поднялся Кастелл и заметил, что, очевидно, бедного парня сморил сон после долгой дороги и что они тоже устали и не будет ли хозяин так любезен проводить их в отведенную им комнату.

Хозяин охотно согласился — было ясно, что он хочет как можно скорее избавиться от них, тем более что остальные посетители разглядывали проводника и своего товарища и шептались между собой.

— Вот сюда, сеньоры, — указал он и повел их в конец комнаты, к лестнице.

Поднявшись по ней с лампой в руке, он поднял люк и предложил им следовать за ним. Кастелл так и сделал, а Питер обернулся и пожелал доброй ночи всей компании, наблюдавшей за ним. При этом, как бы случайно, он наполовину вытащил свои меч из ножен. Затем он вслед за хозяином и Кастеллом полез по лестнице и оказался на чердаке.

Это была пустая комнатушка, единственной мебелью которой были два стула и два грубых деревянных ложа без изголовий, стоявших на расстоянии трех футов друг от друга у дощатой перегородки, по-видимому отделявшей это помещение от соседнего. Под самой крышей была завешанная мешком дыра, которая служила окном.

— Мы люди бедные, — сказал хозяин, пока они оглядывали этот пустой чердак, — но многие знатные господа прекрасно спали здесь. Вам тоже будет здесь хорошо. — И он повернулся к лестнице.

— Это нам подойдет, — согласился Кастелл, — только скажите вашим людям, чтобы они не запирали конюшню, так как мы уедем на рассвете, и будьте добры оставить нам лампу.

— Лампу я оставить не могу, — сердито провор-

чал хозяин; одна нога его уже была на лестнице.

Питер шагнул к нему и схватил одной рукой за руку, а другой — лампу. Хозяин выругался и принялся шарить у себя за поясом, очевидно ища нож, но Питер с такой силой сжал его руку, что от боли тот выпустил лампу, и она осталась в руке у Питера. Хозяин попытался схватить ее, но потерял равновесие и скатился вниз по лестнице, тяжело рухнув на пол.

Сверху они видели, как он поднялся на ноги и принялся поносить их, размахивая кулаками и клянясь, что отомстит за все. Питер захлопнул люк. Оказалось, что люк плохо пригнан к полу. К тому же засов, на который он должен был запираться, отсутствовал, хотя скобы имелись. Питер огляделся вокруг в поисках какой-нибудь палки или куска дерева, чтобы заложить в скобы, но ничего не нашел. Тут он вспомнил о веревке, предназначенной для крепления седельных сумок, которая была у него в кармане. Ею он связал скобы. Теперь люк нельзя было приподнять от пола более чем на один-два дюйма. Но тут же Питер сообразил, что если приподнять люк, то можно сквозь эту щель перерезать ножом веревку, и поставил один из стульев так, что две его ножки оказались на люке. После этого он сказал

Кастеллу:

— Мы, как птицы, попались в ловушку. Но прежде чем свернуть нам шеи, они должны войти в клетку. Вино было отравлено. Если они сумеют, они убьют нас из-за наших денег, или потому, что им поручил это сделать проводник. Нам лучше не спать эту ночь.

— Я тоже так думаю, — с тревогой в голосе подтвердил Кастелл. — Послушай, они там внизу разговаривают.

Снизу действительно доносились звуки голосов, похоже было, что идет спор, но спустя некоторое время шум затих. Когда все смолкло, Питер и Кастелл тщательно осмотрели чердак, но не обнаружили ничего подозрительного. Питер глянул на дыру, служившую окошком, и, решив, что она достаточно велика, чтобы в нее мог пролезть человек, попытался подтащить к ней кровать. Ему пришло в голову, что если кто-нибудь попробует влезть в окно, то попадет прямо к нему в руки. Однако он убедился, что кровати прибиты к полу и сдвинуть их с места невозможно. Делать больше было нечего, и оба они уселись на кроватях с обнаженными мечами в руках и принялись ждать. Время шло.

В конце концов лампа, которая уже давно

мерцала, зачадила и совсем погасла. Кончилось масло. Они очутились в темноте. Единственным источником света было окно, с которого они сняли мешковину.

Спустя некоторое время до них донесся стук конских копыт, они услышали, как открылась и опять захлопнулась дверь внизу и вновь раздались голоса. К голосам, которые они слышали раньше, присоединился еще один. Он показался Питеру знакомым.

— Я узнал его, — шепнул он Кастеллу. — Это отец Энрике. Он приехал узнать, как поживают его гости.

Прошло еще полчаса, и взошла бледная луна, послав в их комнату слабый луч света. Опять послышался стук копыт. Питер подошел к окну. Хозяин постоялого двора держал за поводья превосходного коня. Затем подошел человек и взобрался в седло. Хозяин что-то сказал ему, тот поднял голову. Питер узнал отца Энрике.

Священник и хозяин еще некоторое время шептались, потом отец Энрике благословил хозяина и уехал. До Питера и Кастелла опять донесся звук запираемой двери.

— Он поехал в Гранаду предупредить своего хозяина Морелла, что мы направляемся туда, —

сказал Кастелл, после того как они опять уселись на своих кроватях.

— А может быть, сообщить маркизу, что мы никогда не приедем. Но все-таки ему нас не одолеть.

Время тянулось медленно, и Кастелл, который совсем ослабел, откинулся на подушку и задремал. Вдруг стул, стоявший на крышке люка, упал со страшным грохотом. Кастелл вскочил и уставился на Питера.

— Это всего-навсего крыса, — ответил Питер, не желая открывать ему правду.

Питер тихонько прокрался к люку, пощупал веревку — она была цела — и снова поставил стул на прежнее место. Проделав это, Питер вернулся к кровати и бросился на нее, как будто собираясь заснуть, хотя в действительности никогда еще он не был так настороже. Усталость между тем опять одолела Кастелла, и он задремал.

Было тихо, только один раз что-то заслонило лунный свет, и на мгновение Питеру показалось, что он видит в окне лицо, но оно исчезло и больше не появлялось. Но теперь какие-то слабые звуки, похожие на сдерживаемое дыхание и на шаги босых ног, стали раздаваться у кровати Кастелла. Затем послышался легкий скрип и царапанье у

стены, как будто скреблась мышь, и вдруг, как раз в полосе лунного света, сквозь перегородку просунулась обнаженная рука с ножом.

Нож на мгновение повис над грудью спящего Кастелла, — это продолжалось только мгновение, потому что уже в следующую секунду Питер вскочил и ударом меча, который лежал наготове рядом с ним, отсек руку у плеча.

— Что случилось? — спросил Кастелл, — почувствовав, что что-то свалилось на него.

— Змея, — последовал ответ. — Ядовитая змея. Проснитесь и посмотрите.

Кастелл поднялся и молча глянул на ужасную руку, все еще сжимавшую нож. За перегородкой послышался подавленный стон и удаляющиеся тяжелые шаги.

— Ну что ж, — сказал Питер, — надо уходить, а то мы останемся здесь навсегда. Этот парень скоро вернется за своей рукой.

— Уходить! — отозвался Кастелл. — Но как?

— Похоже, что у нас есть только один путь и тот опасный: вот в это окошко и через стену, — ответил Питер. — Ага, они идут.

Не успел он это сказать, как они услышали, что кто-то поднимается по лестнице.

Под окном никто не сторожил, а до земли было

не более двенадцати футов. Питер помог Кастеллу пролезть, держа его за здоровую руку, и опустил как можно ниже. Кастелл спрыгнул, не удержался и свалился на землю, но тут же поднялся. Питер собирался последовать за ним, но в это мгновение услышал звук падающего стула и, оглянувшись, увидел, что крышка откинута. Они перерезали веревку!

В слабом свете была видна фигура человека с ножом в руке. За ним виднелась еще одна. Теперь уже Питер не мог скрыться через чердачное окно: если бы он попытался сделать это, то получил бы удар в спину. Питер сжал обеими руками меч и прыгнул на противника. Меч, по-видимому, достиг цели: человек свалился на пол и остался недвижим. Второй уже опирался коленкой о край люка. Удар меча, и тот тоже свалился вниз, на головы стоявших ниже. Лестница рухнула. В результате нападавшие оказались в куче на полу. Только один удержался руками за край люка. Питер захлопнул крышку, и человек с диким криком полетел вниз. За неимением ничего другого Питер навалил на крышку люка труп убитого им человека.

Затем он побежал к окну, вложив на ходу меч в ножны, протиснулся сквозь отверстие и, по-

виснув на руках, спрыгнул. Он благополучно очутился на земле, так как был достаточно ловок и к тому же от возбуждения вообще забыл о своей раненой голове и плече.

— Куда теперь? — спросил его Кастелл, когда Питер, тяжело дыша, остановился перед ним.

— В конюшню за мулами… Нет, это бесполезно, у нас нет времени оседлать их. Да и наружные ворота закрыты. К стене! Мы должны перелезть через нее. Они будут здесь через минуту.

Питер и Кастелл бросились к стене и, к счастью своему, обнаружили, что хотя она достигала десяти футов высоты, но сложена была из крупных камней, по которым можно было вскарабкаться.

Питер взобрался первым, лег поперек стены, протянул Кастеллу руку и с трудом — так как старик был тяжел и к тому же ранен — подтянул его наверх. В этот момент они услышали, как кто-то кричал с чердака:

— Эти английские черти удрали! Бегите к воротам и ловите их!

Они спустились или, скорее, свалились со стены в колючий кустарник, который смягчил падение, но так поцарапал их, что они чуть не закричали от боли. Однако кое-как они выбрались из него, все окровавленные, вышли на дорогу и

пустились бежать в сторону Гранады.

Не успели они отбежать и сотни ярдов, как услышали позади себя крики и поняли, что их преследуют. Как раз в этом месте дорога пересекала овраг, заросший густым кустарником и заваленный множеством валунов. За ним виднелось открытое пространство. Питер схватил Кастелла и потащил в овраг. Здесь они нашли укромное местечко за большим камнем — нечто вроде пещеры, заросшей кустами и высокой травой. Они нырнули туда и притаились.

— Вытаскивайте меч, — шепнул Питер Кастеллу. — Если они найдут нас, мы должны как можно дороже продать свою жизнь.

Кастелл повиновался и взял меч в левую руку. Они слышали, как грабители пробежали вперед по дороге, потом, обнаружив, что там никого не видно, вернулись обратно и принялись шарить по оврагу. Здесь было темно, потому что свет луны почти не проникал в него, и беглецы остались незамеченными. Двое преследователей остановились шагах в пяти от них, и один заявил, что, вероятно, те свиньи спрятались во дворе или побежали обратно в Мотриль.

— Я не знаю, где они спрятались, — ответил второй, — однако дело дрянь. У толстого Педро

начисто отсекли руку, и он, пожалуй, истечет кровью. Двое других уже подохли или подыхают — этот длинноногий англичанин рубит крепко, — да еще те, что выпили отравленное вино. Похоже, что они уже никогда не проснутся. Да, и все это ради того, чтобы добыть несколько дублонов и ублаготворить попа! И все-таки, если бы я поймал этих свиней… — Он пробормотал страшную угрозу. — Я думаю, лучше всего залечь у выхода из оврага на тот случай, если они спрятались здесь.

Питер слышал весь этот разговор. Остальные бандиты убежали. Питер был взбешен, к тому же колючий кустарник причинял ему страшную боль. Не говоря ни слова, он выбрался из убежища, держа в руке свой страшный меч.

Бандиты увидели его и вскрикнули от ужаса. Для одного из них это был последний звук в его жизни. Другой пустился бежать.

Это был как раз тот, который грозил беглецам страшной расправой.

— Стой! — крикнул Питер, настигая его. — Стой и сделай то, что ты собирался!

Негодяй повернулся и принялся молить о пощаде, но Питер был неумолим…

— Это было необходимо, — сказал Питер Кастел-

лу, — вы слышали — они собирались сторожить нас.

— Я думаю, что у них вряд ли появится когда-либо желание напасть на англичанина на этом постоялом дворе, — задыхаясь, говорил Кастелл, стараясь не отстать от Питера.

ГЛАВА XIV. ИНЕССА И ЕЕ САД

Часа два пробирались Джон Кастелл и Питер по Гранадской дороге. Там, где дорога была ровной, они бежали и шли, когда она становилась трудной; время от времени останавливались, чтобы перевести дыхание и прислушаться. Однако ночь была безмолвна — по-видимому, никто их не преследовал. Очевидно, оставшиеся в живых бандиты направились другим путем или же решили, что с них достаточно этого приключения, и не желали больше иметь дело с мечом Питера.

Наконец над огромной равниной, окутанной туманом, забрезжил рассвет. Взошло солнце, разогнало туман, и милях в двенадцати путники увидели Гранаду, расположенную на холме. Они посмотрели друг на друга — печальное зрелище они представляли: исцарапанные колючками, перепачканные кровью. У Питера была обнажена голова — шляпу свою он потерял. Теперь, когда прошло возбуждение, он почувствовал себя чрезвычайно плохо от боли, усталости и желания спать. К тому же солнце начало припекать с такой силой, что Питер чуть не потерял сознание.

Они соорудили из стеблей и травы нечто вроде шляпы. Этот головной убор придавал Питеру такой странный вид, что несколько встречных мавров решили, что он сумасшедший, и пустились бежать прочь.

Питер и Кастелл шли, делая не более мили в час, освежаясь водой из всех встречных канав. К полудню зной стал невыносим. Они вынуждены были прилечь отдохнуть под тенью какого-то дерева, похожего на пальму, и здесь, совершенно измученные, погрузились в сон, похожий на забытье.

Проснулись они от звуков голосов и вскочили на ноги, обнажив свои мечи. Они решили, что их догнали бандиты. Однако вместо гнусных убийц они увидели перед собой восемь мавров верхом на великолепных белых конях, в тюрбанах и развевающихся плащах, каких Питеру раньше никогда не приходилось видеть. Мавры спокойно и, по-видимому, не без жалости рассматривали путников.

— Спрячьте ваши мечи, сеньоры, — произнес предводитель на прекрасном испанском языке. Похоже было, что он испанец, одетый по-восточному, — ведь нас много, а вас всего двое, да к тому же вы ранены.

Питеру и Кастеллу не оставалось ничего другого, как повиноваться.

— Скажите нам, хотя и нет большой нужды спрашивать, — продолжал предводитель, — вы и есть те двое англичан, которые оказались на «Сан Антонио» и спаслись, когда корабль утонул?

Кастелл кивнул:

— Мы оказались там, чтобы найти…

— Не важно, что вы искали, — перебил его предводитель. — Имена высокочтимых дам не должны упоминаться в присутствии неизвестных людей. Но вы после этого попали в беду на постоялом дворе, где этот высокий сеньор вел себя очень храбро. Мы уже слышали эту историю и свидетельствуем свое уважение человеку, который так владеет мечом.

— Мы благодарим вас, — ответил Кастелл, — но какое у вас дело к нам?

— Сеньор, нас послал наш господин, его светлость маркиз Морелла, чтобы мы разыскали вас и привезли в качестве его гостей в Гранаду.

— Значит, поп рассказал, — пробормотал Питер. — Я так и думал.

— Мы просим вас следовать за нами без сопротивления, потому что у нас нет желания применять силу по отношению к столь храбрым

людям, — продолжал офицер. — Будьте так любезны сесть на этих лошадей.

— Я купец, — сказал Кастелл, — и у меня есть друзья в Гранаде. Можем ли мы поехать к ним, если мы не хотим воспользоваться гостеприимством маркиза?

— Нет, сеньор, у нас есть приказ, а слово маркиза, нашего господина, является здесь законом, который нельзя нарушать.

— Я думал, что королем Гранады является Боабдил, — заметил Кастелл.

— Без сомнения, он король и по воле Аллаха и будет им, но маркиз — его родственник, и к тому же, пока продолжается перемирие, он является послом их величеств короля и королевы Испании в нашем городе.

По знаку офицера двое мавров спешились, подвели к Питеру и Кастеллу своих коней и предложили помочь сесть в седло.

— Делать нечего, — сказал Питер, — придется ехать.

Довольно неловко, ибо оба они были совершенно разбиты, Питер и Кастелл взобрались на коней и тронулись в сопровождении своих стражей.

Солнце уже склонялось к закату — они проспали довольно долго, — когда они достигли ворот

Гранады. Муэдзины с минаретов мечетей уже выкрикивали вечерние молитвы.

У Питера осталось весьма смутное представление о столице мавров, пока он ехал через нее, окруженный эскортом. Узкие, извилистые улицы, белые дома, закрытые ставнями окна, толпы вежливых и молчаливых людей в белых развевающихся одеждах, резные и остроконечные арки и огромное сказочное здание на холме. От боли и усталости он с трудом воспринимал что-либо, пока ехал по этому удивительному и величественному городу. Вид у него был довольно странный — длинноногая фигура, вся окровавленная и увенчанная причудливой шляпой из травы.

Однако никто не смеялся над ним. Вероятно, потому, что его смешная внешность не мешала видеть в нем храброго воина. А может быть, сюда дошли слухи о том, как он работал мечом на постоялом дворе и на корабле. Во всяком случае, в отношении жителей чувствовалась сдержанная нелюбовь к христианам, смешанная с уважением к храброму человеку, попавшему в беду.

В конце концов после длительного подъема они оказались перед дворцом, напротив которого стояла огромная крепость с красными стенами,

господствовавшая над городом. Позднее Питер узнал, что это Альгамбра. Между дворцом и крепостью была равнина. Дворец был колоссальным сооружением, расположенным по трем сторонам четырехугольника и окруженным садами, в которых высокие кипарисы устремлялись острыми вершинами в ясное небо. Всадники миновали многочисленные ворота, пока не оказались во дворе, где слуги с факелами в руках бросились им навстречу. Кто-то помог Питеру слезть с лошади, кто-то провел его по ступенькам мраморной лестницы, внизу которой бил фонтан, в большую прохладную комнату с резным потолком. После этого Питер уже ничего не помнил.

Прошло время, много-много времени — не меньше месяца, — прежде чем Питер открыл глаза и вновь увидел окружающий его мир. Нельзя сказать, что он все это время был без сознания — время от времени он узнавал большую прохладную комнату и людей, говоривших о нем, особенно легко двигавшуюся красивую черноглазую женщину в белом головном уборе. Похоже было, что она ухаживает за ним. Иногда ему казалось, что это Маргарет, и все-таки он знал, что это не может быть она, потому что женщина не была похожа на Маргарет. Питер припомнил,

что раз или два он видел склонившееся над ним надменное и красивое лицо Морелла; тот как будто хотел узнать, останется ли Питер жив. Питер пытался подняться, чтобы сразиться с ним, но его укладывали обратно мягкие, белые, но удивительно сильные руки женщины.

Теперь же, когда Питер окончательно пришел в сознание, он увидел эту женщину, сидевшую рядом с его постелью; солнечный луч, проникавший сквозь верхнее окно, освещал ее лицо. Она сидела, подперев рукой подбородок, и с любопытством рассматривала его. Он заговорил с ней на ломаном испанском языке, потому что неизвестно откуда, но он знал, что она не понимает по-английски.

— Вы не Маргарет, — сказал он.

Задумчивость мгновенно исчезла с ее лица, она оживилась и подошла к нему. У нее была очень грациозная фигура.

— Нет, нет, — сказала она, склоняясь над ним и касаясь его лба своими тонкими пальцами, — меня зовут Инесса. Вы все еще бредите, сеньор.

— Какая Инесса?

— Просто Инесса, — ответила она, — Инесса, женщина из Гранады, все остальное забыто. Инесса, сиделка, ухаживающая за больным.

— Тогда где же Маргарет, англичанка Маргарет?

Ему показалось, что тень тайны окутала лицо женщины и голос ее изменился, когда она отвечала — он уже не звучал правдиво. Или это почудилось его рассудку, ставшему острее от лихорадки?

— Я не знаю никакой англичанки Маргарет. А вы любите ее, англичанку Маргарет?

— Да, — ответил Питер. — Ее украли у меня. Она жива или умерла?

— Я уже сказала вам, сеньор, что я ничего не знаю, но, — опять ее голос стал естественным, — я поняла, что вы любите кого-то, судя по словам во время болезни.

Питер подумал немного. Он начал кое-что припоминать:

— А где Кастелл?

— Кастелл? Это ваш спутник, человек с поврежденной рукой, похожий на еврея? Я не знаю, где он. Наверно, в другой части города. Я думаю, что его отправили к его друзьям. Не спрашивайте меня об этом, я всего только ваша сиделка. Вы были очень больны, сеньор. Посмотрите. — И она подала ему маленькое зеркало, сделанное из полированного серебра, но, поняв, что он слишком

слаб, чтобы взять его, подержала зеркало перед его лицом.

Питер увидел себя в зеркале и тяжело вздохнул — лицо его было мертвенно бледным и изможденным.

— Хорошо, что Маргарет не видит меня, — произнес он, пытаясь улыбнуться, — с бородой, да еще с какой! Как вы могли ухаживать за таким страшным мужчиной?

— Мне вы показались не страшным, — мягко ответила она. — Кроме того, это мое занятие. Но вам нельзя разговаривать, вы должны отдыхать. Выпейте вот это и отдыхайте.

Она подала ему суп в серебряной чашке. Питер с готовностью проглотил его и уснул.

Через несколько дней, когда Питер уже был на пути к выздоровлению, пришла его прелестная сиделка и села рядом с ним, с жалостью глядя на него своими нежными восточными глазами.

— Что случилось, Инесса? — спросил Питер, обратив внимание на ее грустное лицо.

— Сеньор Педро, когда вы в первый раз проснулись после долгого сна, вы говорили со мной о некоей Маргарет, не так ли? Я узнавала об этой донне Маргарет, и у меня для вас дурные новости.

Питер стиснул зубы и вымолвил:

— Говорите самое страшное.

— Эта Маргарет путешествовала с маркизом Морелла.

— Он украл ее, — вырвалось у Питера.

— Увы, может быть. Но в Испании, и особенно здесь, в Гранаде, это вряд ли спасет честь той, о которой известно, что она путешествовала с маркизом Морелла.

— Тем хуже будет для маркиза Морелла, когда я опять встречу его, — зло пробормотал Питер. — Что вы еще хотели рассказать мне, Инесса?

Она с интересом посмотрела на его исхудавшее, суровое лицо.

— Плохие новости. Я уже сказала вам, что плохие. Говорят, что эту сеньору однажды нашли мертвой у подножия самой высокой башни дворца маркиза. Упала ли она, или ее сбросили, никто не знает.

Питер задохнулся. Наступило молчание. Потом он спросил:

— Вы видели ее мертвой?

— Нет, сеньор, другие видели.

— И поручили вам сказать мне. Инесса, я не верю этому. Если бы донна Маргарет, моя невеста, умерла, я бы знал это. Но сердце мое говорит, что

она жива.

— Вы так верите своему сердцу, сеньор? — отозвалась женщина с оттенком восхищения в голосе.

Питер заметил, что она не возразила ему.

— Да, я верю, — ответил он, — у меня не осталось ничего другого, а это не такая уж плохая поддержка.

Питер замолчал, только спустя некоторое время спросил:

— Скажите мне, где я нахожусь?

— В тюрьме, сеньор.

— Вот как? В тюрьме, с прекрасной женщиной в качестве тюремщика и с другими прекрасными женщинами, — он показал на красивую девушку, которая принесла что-то в комнату, — в качестве служанок. Да и сама тюрьма неплоха. — Он обвел взглядом мраморные своды, украшенные превосходной резьбой.

— Там, за дверьми, уже не женщины, а мужчины, — ответила она улыбаясь.

— Я полагаю. Пленников ведь можно связывать веревками и из шелка. Ну, а кому принадлежит эта тюрьма?

Инесса покачала головой:

— Я не знаю, сеньор. Наверно, королю мавров.

Вы ведь сами сказали, что я только тюремщица.

— Тогда кто же платит вам?

— Может быть, мне вообще не платят. Может быть, я служу из любви, — она быстро взглянула на него, — или из ненависти. — При этих словах лицо ее изменилось.

— Я надеюсь, не из ненависти ко мне, — сказал Питер.

— Нет, сеньор, не из ненависти к вам. За что я могу ненавидеть вас, такого беспомощного и такого славного?

— Действительно, за что? Тем более что я так благодарен вам — ведь вы выходили меня и вернули к жизни. Но тогда зачем скрывать правду от беспомощного человека?

Инесса огляделась вокруг. В комнате в эту минуту, кроме них, никого не было. Она нагнулась к Питеру и прошептала:

— Вас никогда не заставляли скрывать правду? Я вижу по вашему лицу, что нет. К тому же вы не женщина, не заблудшая женщина.

Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу, потом Питер спросил:

— Донна Маргарет действительно умерла?

— Я не знаю, мне так сказали. — И, как бы испугавшись, что она выдаст себя, Инесса отвернулась

и быстро вышла из комнаты.

Шли дни. Питер понемногу начал поправляться. Но ему так и не удалось выяснить, где он находится и почему. Все, что он знал, сводилось к тому, что он был пленником в роскошном дворце. Но и в этом он не был уверен — стрельчатые окна одной из стен были заделаны. К нему никто не приходил, за исключением прекрасной Инессы и мавра, который или был глух, или не понимал по-испански. Правда, были еще женщины, служанки, все как одна красивые, но им не разрешалось приближаться к нему. Питер видел их только издали.

Таким образом, единственной собеседницей Питера была Инесса, и отношения их становились все более дружескими. Только один раз она решилась приподнять краешек вуали, скрывавшей ее мысли. Прошло много времени, прежде чем Инесса стала более доверять Питеру. Каждый день он задавал ей вопросы, и каждый день она без тени раздражения или хотя бы досады уклонялась от прямого ответа. Оба отлично понимали, что каждый из них старается перехитрить другого, но пока что у Инессы было преимущество в этой игре, которая ей, пожалуй, нравилась. Питер расспрашивал ее о множестве вещей — об

испанском королевстве, о мавританском дворе, об опасности, угрожающей Гранаде, которой предстояло пережить осаду. Все эти вопросы они обсуждали вместе, и Инесса проявляла при этом незаурядный ум. В результате Питер был осведомлен о политических событиях, происходящих в Кастилии и Гранаде, и довольно серьезно улучшил свои познания испанского языка.

Однако, когда он неожиданно — а он делал это при каждом удобном случае — снова спрашивал ее о маркизе Морелла, о Маргарет или о Кастелле, выражение ее лица менялось и печать молчания смыкала ее уста.

— Сеньор, — сказала однажды, смеясь, Инесса, — вы хотите узнать тайну, которую я, быть может, и раскрыла бы вам, если бы вы были моим мужем или любовником, но вы не можете рассчитывать узнать ее от сиделки, жизнь которой зависит от того, как она ее хранит. Это вовсе не означает, что я хочу, чтобы вы стали моим мужем или любовником, — добавила она с нервным смехом.

Питер серьезно посмотрел на нее.

— Я знаю, что вы не хотите этого, — сказал он: — чем бы я мог привлечь такую блестящую и красивую женщину, как вы?

— Однако вы, кажется, привлекаете англичанку Маргарет, — быстро и раздраженно ответила она.

— Привлекал, вы имеете в виду. Ведь вы говорили мне, что она умерла.

Поняв, что она совершила ошибку, Инесса прикусила губу.

— Однако, — продолжал Питер, — хотя это, вероятно, не столь важно для вас, я должен сказать, что вы сделали меня своим хорошим другом.

— Другом? — переспросила Инесса, широко открыв свои большие глаза. — О чем вы говорите? Разве такая женщина, как я, может найти друга в мужчине моложе шестидесяти лет?

— Похоже на то, — улыбнулся Питер.

Легко поклонившись ему, Инесса вышла из комнаты. Через два дня она появилась вновь, по-видимому, очень озабоченная.

— Я уж думал, что вы совсем бросили меня, — встретил ее Питер. — Очень рад видеть вас. Я устал от этого глухого мавра и от этой великолепной комнаты. Мне хотелось бы подышать свежим воздухом.

— Я догадывалась об этом и пришла, чтобы проводить вас в сад.

Питер подпрыгнул от радости, схватил свой

меч, который был ему оставлен, и стал пристегивать его.

— Вам он не понадобится, — заметила Инесса.

— Я полагал, что он мне не понадобится и на том постоялом дворе… — буркнул Питер.

Инесса рассмеялась и положила руку ему на плечо.

— Слушайте, друг мой, — шепнула она, — вы хотите пройтись по свежему воздуху, не так ли? Кроме того, вас интересуют некоторые вещи. А я хочу рассказать вам о них. Но здесь я не смею делать этого — у этих стен есть уши. Ну, а когда мы будем гулять в саду, не будет ли для вас очень тяжелым наказанием обнять меня за талию? Вы ведь еще нуждаетесь в опоре.

— Уверяю вас, что это отнюдь не будет для меня наказанием, — улыбнулся Питер. В конце концов, он был мужчина, и к тому же молодой, а талия Инессы была так же прелестна, как и она сама. — Однако, — добавил он, — это могут неправильно истолковать.

— Совершенно верно, я и хочу, чтобы это было неправильно истолковано. Не мной, конечно. Я ведь знаю, что совершенно не интересую вас и что вы с таким же удовольствием обнимете эту мраморную колонну.

Питер открыл рот, чтобы возразить ей, но Инесса остановила его.

— О, не пытайтесь солгать мне, у вас это вряд ли получится! — сказала она с явным раздражением. — Если бы у вас были деньги, вы бы попытались заплатить мне за уход за вами, и кто знает, я, может быть, взяла бы их. Поймите, или вы должны сделать то, что я говорю, то есть изобразить влюбленного, или нам нельзя идти вместе в сад.

Питер все еще колебался, подозревая заговор, но Инесса наклонилась к нему так, что ее губы почти коснулись его уха, и прошептала:

— Я не могу сказать вам, каким образом, но может быть — я повторяю: может быть — вам удастся увидеть останки донны Маргарет. Ну вот, — добавила она, горько усмехнувшись, — теперь вы будете целовать меня всю дорогу, не так ли? Глупец, не сомневайтесь. Используйте эту возможность, быть может, она не повторится.

— Какую возможность? Поцеловать вас? Или что-либо другое?

— Это вы увидите, — ответила она, пожав плечами. — Пошли.

Питер, все еще колеблясь, последовал за ней. Инесса провела его в конец комнаты к двери,

вверху которой было потайное отверстие для наблюдения. За дверью с обнаженной кривой саблей в руке стоял высокий мавр. Инесса сказала ему что-то, и он, отсалютовав ей саблей, пропустил их к винтовой лестнице. Внизу оказалась другая дверь. Инесса постучала в нее четыре раза. Заскрипели засовы, повернулся ключ, и чернокожий страж распахнул ее. За дверью стоял другой мавр, тоже с обнаженной саблей в руке. Они миновали его, свернули направо по маленькому коридору, оканчивавшемуся несколькими ступеньками, и оказались перед третьей дверью. Здесь Инесса остановилась.

— А теперь, — сказала она, — приготовьтесь к испытанию.

— К какому испытанию? — спросил Питер, опираясь о стену: ноги его все еще были слабы.

— К этому, — ответила Инесса, показывая на свою талию, — и к этому, — и она коснулась кончиками тонких пальцев своих пухлых красных губ. — Может быть, вы хотите немного попрактиковаться, мой невинный английский рыцарь, прежде чем мы выйдем? Боюсь, что вы окажетесь неловким и не сумеете сыграть свою роль.

— Я думаю, — заметил Питер, ибо юмор всей ситуации становился ясен, — что такая практика

несколько опасна для меня. Это может надоесть вам раньше времени. Я отложу это приятное занятие до того, как мы будем в саду.

— Я так и думала, — сказала Инесса. — Но смотрите, вы должны хорошо сыграть свою роль, иначе пострадаю я.

— Мне кажется, что я могу пострадать тоже, — пробормотал Питер, но не настолько тихо, чтобы Инесса не могла расслышать его слов.

— Нет, друг мой Педро, — обернулась она к Питеру, — в такого рода фарсах всегда страдает женщина. Она расплачивается, а мужчина исчезает, чтобы играть следующий фарс. — И, не говоря больше ни слова, Инесса толкнула дверь.

Стражи здесь уже не оказалось. Перед ними был великолепный сад. Кругом высились конусообразные кипарисы и апельсиновые деревья, а цветущие кусты наполняли мягкий южный воздух благоуханием. Из пастей каменных львов били фонтаны. В разных уголках сада были устроены беседки, на каменных скамьях лежали цветные подушки. Это был подлинно восточный уголок наслаждений. Питер никогда не видел ничего подобного. К тому же он не видел ни неба, ни цветов в течение долгих, томительных недель болезни. Сад был совершенно изолирован, его

окружала высокая стена, и только в одном месте между двумя кипарисами возвышалась башня из красного камня, без окон, принадлежащая какому-то другому зданию.

— Это гаремный садик, — прошептала Инесса. — Много любимиц порхало здесь в счастливые летние дни, пока не приходила зима и бабочка не погибала.

Инесса опустила на лицо вуаль и начала спускаться вниз по ступенькам.

ГЛАВА XV. ПИТЕР ИГРАЕТ РОЛЬ

— Стойте, — попросил Питер, остановившись в тени двери, — я все еще ничего не понимаю, Инесса. Что вы задумали? Почему вы не можете здесь рассказать мне то, что вы собираетесь сказать?

— Вы сошли с ума! — почти с неистовством прошептала она. — Неужели вы думаете, что мне доставляет хоть какое-то удовольствие изображать себя влюбленной в камень, принявший образ мужчины, который для меня ровным счетом ничего не значит… разве только как друг, — добавила она быстро. — Я уже сказала вам, сеньор Питер, что, если вы не исполните то, что я приказала вам, вы никогда не услышите того, что я должна вам сказать. Будет решено, что я не справилась с этим делом, и через несколько минут я исчезну отсюда навсегда. Конечно, что это значит для вас? Выбирайте, и быстро, потому что я не могу долго стоять здесь.

— Я повинуюсь вам, пусть простит меня бог, — ответил в смятении Питер из темноты портала, — но я действительно должен…

— Да, да, вы должны! — яростно возразила

Инесса. — И не всем это показалось бы столь тяжелым наказанием.

Затем она кокетливо приподняла край своей вуали и, выглядывая из-под нее, позвала мягким, ясным голосом.

— О, простите меня, дорогой друг, я шла слишком быстро, забыв, что вы все еще так слабы. Идите сюда, обопритесь на меня. Я слабая женщина, но вас я поддержу. — Инесса поднялась по ступенькам, чтобы в следующую минуту вновь появиться в полосе света.

Теперь рука Питера обнимала ее талию.

— Будьте осторожны на этих ступеньках, они такие скользкие! (При этих словах бледное лицо Питера неожиданно стало пунцовым.) Не бойся, — продолжала она сладким голосом, — в этом саду никто не услышит твоих нежных слов и не увидит, как ты ласкаешь меня. Даже самая ревнивая женщина. В старину этот сад назывался спальней султанши — там, в конце, есть место, где она купалась летом… Что ты сказал о шпионах? О да, во дворце их много, но заглядывать сюда даже для евнухов было равносильно смерти. Здесь нет иных свидетелей, кроме цветов и птиц.

Они приблизились к главной дорожке и медленно пошли по ней. Питер все еще обнимал

Инессу, а ее белая рука поддерживала его. При этом она смотрела ему в глаза.

— Наклонитесь ближе ко мне, — прошептала она, — а то у вас лицо, как у деревянного святого. — Питер повиновался. — Теперь слушайте. Ваша дама жива и здорова… Поцелуйте меня, пожалуйста, в губы, эта новость стоит того. Если вы закроете глаза, вы можете вообразить, что это она.

Питер опять повиновался, и с большей готовностью, чем можно было предполагать.

— Она пленница в этом замке, — продолжала Инесса. — Маркиз сходит с ума от любви к ней и любыми способами хочет заставить ее стать его женой.

— Будь он проклят! — воскликнул Питер, вновь обнимая Инессу.

— Все это время она была уверена, что вас нет в живых, но теперь она знает, что вы живы и выздоравливаете. Ее отцу удалось спастись и укрыться у своих друзей. Там его не сумеет разыскать даже Морелла. К тому же маркиз полагает, что старик бежал из города. Однако Кастелл здесь и, так как у него много золота, он установил связь со своей дочерью.

Инесса остановилась для того, чтобы с нежно-

стью обнять Питера. Они прошли под деревьями и вышли к мраморным бассейнам, где, как говорили, купались летом жены султана. Этот дворец принадлежал раньше королям Гранады, до того как они поселились в Альгамбре. Инесса уселась на скамью и откинула шарф, окутывавший ее шею.

— Что вы делаете? — со страхом спросил Питер.

— Мне жарко, — ответила Инесса, — ваши руки слишком горячи. Здесь мы можем посидеть несколько минут.

— Тогда продолжайте свой рассказ.

— Мне не много осталось сказать, друг мой. Если вы хотите ей передать что-нибудь, я, возможно, сумею это сделать.

— Вы ангел! — воскликнул Питер.

— Это что — другое название для посланца? Продолжайте.

— Скажите ей… что если она что-либо узнает о нашей прогулке, то пусть не верит.

— По этому поводу она может составить собственное мнение, — возразила Инесса. — Если бы я была на ее месте, я знаю, какое у меня было бы мнение. Однако не теряйте времени, скоро нам нужно опять идти.

Питер уставился на нее — он ничего не мог понять в этом спектакле. Однако Инесса спокойно и серьезно сказала:

— Вас удивляет, что все это значит и почему я поступаю таким образом? Я объясню вам, сеньор, а вы можете мне верить или не верить, как хотите. Может быть, вы думаете, что я влюблена в вас? Это было бы не так уж удивительно. В старых сказках такие вещи часто случаются — дама лечит христианина-рыцаря, влюбляется в него, ну, и так далее.

— Я не предполагаю ничего подобного. Я не столь тщеславен.

— Я знаю это, сеньор, вы слишком хороший человек для того, чтобы быть тщеславным. Так вот, я делаю все это не из любви к вам или к кому-либо еще, а из ненависти. Да, из ненависти к Морелла. — И она сжала в кулак свою маленькую ручку.

— Я понимаю это, — сказал Питер. — Что он сделал вам?

— Не спрашивайте меня, сеньор. Достаточно того, что я любила его. Проклятый отец Энрике продал меня ему… это было давно, и Морелла погубил меня. Я родила ему сына… и сын умер. О матерь божья, мой мальчик умер, и с той по-

ры я стала отверженной, рабой… У них здесь, в Гранаде, есть рабы… Я ем его хлеб, и я должна выполнять его приказания, должна служить другим женщинам, которых он любит, — я, которая была султаншей, я, которая надоела ему. Только сегодня… Но зачем я буду рассказывать вам об этом? Он заставил меня пойти и на это — я должна целовать в саду чужестранца, который не любит меня! — Она громко зарыдала.

— Бедное дитя! Бедное дитя! — произнес Питер, гладя ее тонкие пальцы. — С этой минуты у меня еще один счет к Морелла, и я заставлю маркиза оплатить за все сполна.

— Вы сделаете это? — быстро спросила Инесса. — О, если так, я готова умереть за вас! Я ведь живу только для того, чтобы отомстить ему. И первая моя месть будет, когда я украду у него эту даму, которую он похитил у вас и полюбил так страстно. Ведь она первая женщина, которая сопротивляется ему, — а он считает себя непобедимым.

— У вас есть какой-нибудь план? — спросил Питер.

— Пока еще нет. Дело очень трудное. Я рискую жизнью. Если маркиз заподозрит, что я предала его, он, не задумываясь, убьет меня. Здесь, в

Гранаде, это даже не считают преступлением. И никто не будет задавать никаких вопросов, особенно если жертвой была женщина из дома убийцы. Я уж говорила вам, что, если бы я отказалась сделать то, что мне приказали, от меня просто избавились бы тем или иным способом, а вас поручили бы другой. Нет, у меня пока еще нет никакого плана, но вы должны знать, что сеньор Кастелл поддерживает связь со своей дочерью через меня. Я увижу его и ее, и мы придумаем какой-нибудь план. Не благодарите меня. Морелла платит мне за услуги, и я с радостью принимаю эти деньги, потому что надеюсь бежать из этого ада, и тогда буду жить на них. И все-таки ни за какие деньги на свете я не пошла бы на тот риск, на который иду сейчас, хотя, честно говоря, для меня жизнь ничего не значит. Сеньор, я не буду скрывать от вас — вся эта сцена дойдет до ушей донны Маргарет, но я обещаю объяснить ей все.

— Умоляю вас, сделайте это, — серьезно сказал Питер.

— Сделаю, сделаю. Я буду помогать вам, ей и ее отцу. И если я перестану это делать, знайте, что я умерла или брошена в тюрьму, и заботьтесь о себе сами как можете. Одно только могу сказать вам для вашего успокоения: вашей даме не при-

чинено никакого вреда. Морелла слишком любит ее. Он хочет сделать ее своей женой. А может быть, он дал какую-нибудь клятву. Я вот знаю, что он поклялся не убивать вас — ведь он легко мог бы сделать это, пока вы были больны и находились в его власти. Однажды, когда вы были еще без сознания, он пришел и стоял над вами с кинжалом в руке. Тогда он рассказал мне все. Я спросила: «Почему ты не убьешь его?», зная, что, задавая такой вопрос, я наилучшим способом сохраню вашу жизнь. Он ответил: «Потому что я не хочу жениться на девушке, если у меня на руках будет кровь ее возлюбленного. Я могу убить его только в честном бою. Я поклялся в этом еще там, в Лондоне. Я обещал богу и моему святому, что я завоюю ее честным путем, и, если я нарушу эту клятву, бог покарает меня здесь и на небе. Делай то, что я тебе приказал, Инесса. Ухаживай за ним хорошо; если он умрет, то пусть уж не по моей вине». Нет, он не убьет вас и не причинит ей никакого вреда. Он не посмеет это сделать, друг мой Педро.

— Так вы ничего не можете сейчас придумать? — спросил Питер.

— Ничего. Пока ничего. Эти стены высоки, стража охраняет их день и ночь, а за стенами

лежит большой город Гранада, в котором Морелла пользуется огромной властью и где ни один христианин не может скрыться. Но маркиз хочет жениться на Маргарет. Кроме того, есть красивая и глупая женщина, ее служанка, влюбленная в маркиза. Она рассказала мне все это на самом дурном испанском языке, который я когда-либо слышала. Но это слишком длинная история, чтобы пересказывать ее. И есть еще отец Энрике, по чьему приказу вас чуть не убили на постоялом дворе. Больше всего на свете он любит деньги… О, кажется, я кое-что начинаю придумывать!.. Но у нас нет больше времени для разговоров, а мне нужно как следует подумать. Друг мой, Педро, приготовьтесь целовать меня, мы должны продолжить нашу игру, а, честно говоря, вы играете довольно плохо. Давайте вашу руку. Там есть приготовленная для вас скамья. Улыбайтесь и старайтесь выглядеть влюбленным. У меня не хватает искусства на двоих. Пойдемте, пойдемте…

Они вышли из густой тени деревьев, миновали мраморные бассейны и оказались у скамьи. На ней были разбросаны подушки, и среди них лежала лютня.

— Сядьте у моих ног, — предложила Инесса,

располагаясь на скамье. — Вы умеете петь?

— Как петух, — ответил Питер.

— Тогда я буду петь для вас. Пожалуй, это будет лучше, чем изображать влюбленных.

Она принялась напевать своим прелестным голосом любовные мавританские песенки, аккомпанируя себе на лютне.

Питер, измученный физически и очень взволнованный, старался играть свою роль влюбленного как можно лучше. Постепенно наступили сумерки.

Наконец стало так темно, что уже не было видно другого конца сада. Инесса перестала петь и со вздохом поднялась.

— Пьеса окончена, и занавес опущен, — сказала она. — А вам пора уходить отсюда, здесь сыро. Сеньор Педро, я должна признаться, что вы очень плохой актер, но будем надеяться, что зрители были снисходительны и приняли желаемое за действительное.

— Я не видел зрителей, — заметил Питер.

— Но они видели нас, и я уверена, что вы скоро убедитесь в этом. А сейчас идемте в вашу комнату, потому что я должна покинуть вас. Хотите вы что-нибудь передать сеньору Кастеллу?

— Ничего, кроме моей любви и почтения. Ска-

жите ему, что благодаря вам я хоть еще и слаб, но оправился от ран, полученных на корабле, и от лихорадки, и что, если он придумает какой-нибудь план, чтобы вытащить нас всех из этого города и из рук Морелла, я буду благословлять его и вас.

— Хорошо, я не забуду этого. А теперь молчите. Завтра мы опять будем гулять. Не пугайтесь: завтра уже не нужно будет играть в любовь.

Маргарет сидела у открытого окна в роскошной комнате во дворце Морелла. Она была облачена в богатое испанское платье с высоким воротником, украшенным жемчугом. Приходилось носить то, что нравилось человеку, похитившему ее. Длинные волосы Маргарет, схваченные обручем, усеянным драгоценными камнями, падали ей на плечи, руки лежали на коленях. Из окон своей тюрьмы она вглядывалась в расположенную напротив мрачную и величественную громаду Альгамбры и в десятки тысяч огней Гранады, сверкающих далеко внизу. Рядом с ней, под серебряной висячей лампой, сидела Бетти, тоже богато одетая.

— В чем дело, кузина? — допытывалась Бетти, с тревогой глядя на Маргарет. — В конце концов, ты должна чувствовать себя счастливее, чем

раньше. Теперь ты знаешь, что Питер жив, почти поправился и находится в этом же дворце. Отец твой здоров, скрывается у друзей и думает о нашем спасении. Почему же ты так грустна? По-моему, ты должна быть веселее, чем обычно.

— Разве ты не знаешь, Бетти? Ну, так я расскажу тебе. Меня предали. Питер Брум, человек, на которого я смотрела уже почти как на мужа, обманул меня.

— Мастер Питер обманул? — с удивлением воскликнула Бетти. — Нет, это невозможно! Я знаю его, он не мог этого сделать. Ведь он даже не смотрит на других женщин, если ты это имеешь в виду.

— Как ты можешь так говорить? Послушай и суди сама. Ты помнишь тот вечер, когда маркиз повел нас смотреть чудеса этого дворца? Я еще подумала, что, может быть, найду какой-нибудь путь, которым мы сможем бежать.

— Конечно, помню. Мы не так часто покидаем эту клетку, чтобы я могла забыть это.

— Ну, значит, ты помнишь тот сад, окруженный высокой стеной, в котором мы гуляли. Маркиз, этот ненавистный отец Энрике и я поднялись на башню посмотреть на окрестности с ее крыши. Я думала, что ты идешь вместе с нами.

— Служанки не пустили меня. Как только вы прошли, они закрыли дверь и сказали, чтобы я ждала, пока вы не вернетесь. Я уж хотела вцепиться в волосы одной из них, потому что я боялась оставить тебя одну с этими двумя мужчинами, но эта дрянь вытащила нож, и мне пришлось смириться.

— Ты должна быть осторожнее, Бетти, — заметила Маргарет, — иначе кто-нибудь из этих язычников убьет тебя.

— Только не они, — возразила Бетти, — они боятся меня. Я уже спустила одну из них вниз головой с лестницы, когда застала ее подслушивающей под дверью. Она пожаловалась маркизу, а он только посмеялся над ней, и теперь она лежит в постели с пластырем на носу. Но продолжай свой рассказ.

— Мы поднялись на верх башни, — начала Маргарет, — и стали смотреть на горы и равнину, по которой они привезли нас из Мотриля. Вдруг священник, который ушел к северной стене, где нет окон, с дьявольской улыбкой на лице вернулся и шепнул что-то на ухо маркизу. Тот повернулся ко мне и сказал:

«Отец Энрике сообщил мне о гораздо более интересном зрелище, которое мы можем увидеть.

Пойдемте посмотрим, сеньора».

Я пошла, потому что мне хотелось как можно больше разузнать об этом здании. Они провели меня в маленькую нишу, высеченную в толщине стены. Там в стене есть щели, похожие на амбразуры для стрельбы из лука, широкие изнутри, но очень узкие снаружи, так что их, наверно, нельзя увидеть снизу — ведь они скрыты между камнями стены.

«Здесь, — сказал маркиз, — обычно сидели в старину короли Гранады, а они всегда были ревнивы — и наблюдали отсюда за своими женами. Говорят, что один из них однажды увидел свою наложницу с астрологом и утопил их обоих в мраморном бассейне в конце сада. Посмотрите, перед нами пара, которая не подозревает, что мы являемся свидетелями их ласк».

Я нехотя посмотрела вниз, только чтобы занять время, и увидела высокого мужчину, который шел, обнявшись с женщиной. Я уже хотела отвернуться, чтобы не подсматривать, как вдруг женщина подняла лицо, чтобы поцеловать своего спутника, и я узнала красавицу Инессу. Она иногда посещала нас, вероятно затем, чтобы шпионить. В этот момент мужчина, ответив на ее поцелуй, виновато оглянулся, и я узнала его.

— Кто же это был? — воскликнула Бетти; этот рассказ о двух влюбленных заинтересовал ее.

— Не кто иной, как Питер Брум, — спокойно ответила Маргарет, но в голосе ее слышалось отчаяние. — Питер Брум, бледный после болезни, но это был он.

— Святые, спасите нас! Вот уж не думала, что он способен на это! — выпалила в изумлении Бетти.

— Маркиз и священник не позволили мне уйти, — продолжала Маргарет, — и заставили смотреть. Питер и Инесса задержались на некоторое время под деревьями около бассейна, и их не было видно. Потом они появились опять и уселись на мраморной скамье. Женщина начала петь, а он обнимал ее. Это продолжалось до темноты, и мы ушли, оставив их там. Ну, — прибавила она, всхлипнув, — что ты на это скажешь?

— Скажу, что это был не мастер Питер, — ответила Бетти. — Он не любит незнакомых дам и потайных садиков.

— Это был он и не кто иной, Бетти.

— Тогда, значит, он был одурманен, пьян или околдован. Это был не тот Питер, которого мы знаем.

— Может быть, он околдован этой дурной женщиной? Но это не оправдывает его.

Бетти задумалась. У нее уже не было оснований сомневаться в рассказе Маргарет, но, видно, она не так осуждающе относилась к этому преступлению.

— Что ж, — сказала она, — мужчины, насколько я знаю, всегда остаются мужчинами. Он долгое время никого не видел, кроме этой кокетки, а она довольно хороша собой. К тому же вряд ли было честно следить за ним таким образом. Будь он моим возлюбленным, я бы не обратила на это внимания.

— Я и не скажу ему ничего ни об этом, ни о чем-либо другом, — твердо заявила Маргарет. — Между мной и Питером все кончено.

Бетти минуту подумала и вдруг произнесла:

— Мне кажется, я начинаю понимать, в чем здесь фокус. Маргарет, ведь они объявили тебе, что Питер умер. Потом мы узнали, что он жив и только болен и находится в этом дворце. Ложь обнаружилась. Теперь они хотят доказать его неверность. Не может ли вся эта сцена быть только спектаклем, который с определенной целью разыграла эта женщина?

— Для того чтобы сыграть такой спектакль, нужны были два актера, Бетти. Если бы ты видела…

— Если бы я видела, я бы уж рассмотрела, был ли это спектакль или настоящая любовь, а ты ведь слишком наивна, чтобы судить об этом. А о чем говорили маркиз и священник все это время?

— Очень мало, почти ни о чем. Они только обменивались улыбками, и, когда совсем стемнело и ничего не стало видно, они спросили, не думаю ли я, что пора возвращаться. Меня, которую они держали там все это время и заставили быть свидетельницей моего позора!

— Ну да, они удерживали тебя там, не так ли? И привели тебя туда как раз вовремя и не пустили меня в башню, чтобы я не могла быть с тобой. Если в тебе есть хоть капля справедливости, ты должна сначала выслушать Питера, что он скажет обо всей этой истории, а потом уже судить.

— Я уже осудила его, — холодно ответила Маргарет. — И вообще, я хотела бы умереть!..

Маргарет поднялась со своего кресла и подошла к окну. Башня стояла на гребне холма, и под ней с высоты двухсот футов слабо вырисовывалась в бледном свете белая лента дороги. Вид этот вызывал легкое головокружение.

— Это будет легко, не правда ли? — сказала Маргарет с принужденным смехом, — просто

наклониться немного больше из окна, а потом одно движение — и тьма… или свет… навсегда… Что из двух?

— Свет, я думаю, — твердо произнесла Бетти, поворачиваясь спиной к окну, — свет адского огня и довольно сильный, потому что это не что иное, как самоубийство. А кроме того, ты представляешь, как ты будешь выглядеть там, на этой дороге? Кузина, не будь дурой. Если ты права, то вовсе не ты должна выпрыгивать из окна, а если ты ошибаешься, то тем более — ты только сделаешь еще хуже. Умереть ты всегда успеешь. И все-таки, если бы я была на твоем месте, я сначала попыталась бы поговорить с мастером Питером, хотя бы для того, чтобы сказать ему, что я о нем думаю.

— Может быть, — вздохнула Маргарет, бросаясь в кресло. — Но я страдаю! Ты даже не можешь понять, как я страдаю!

— Почему я не могу понять? — возмутилась Бетти. — Ты думаешь, ты единственная женщина в мире, которая оказалась достаточно глупой, чтобы влюбиться? Разве я не могу быть влюблена, как и ты? Ты улыбаешься и думаешь, что бедная Бетти не может испытывать те же чувства, что и ее богатая кузина! И все-таки это так

— я влюблена. Я знаю, что он негодяй, и все-таки люблю маркиза так же, как ты его ненавидишь, так же, как ты любишь Питера, и я ничего не могу поделать с собой, такова уж моя судьба. Но я не собираюсь выбрасываться из окна. Я скорее выброшу его и тем самым сведу наши счеты. И клянусь, что я это сделаю так или иначе, даже если это будет стоить мне того, с чем мне не хочется расставаться, — моей жизни.

Бетти гордо выпрямилась. На ее красивом, полном решительности лице появилось такое выражение, что если бы маркиз видел его, то, наверное, пожалел бы, что избрал эту женщину в качестве своего орудия.

Маргарет с изумлением смотрела на Бетти. В эту минуту послышались шаги. Она подняла голову и увидела перед собой прекрасную испанку или мавританку, она не знала точно, — Инессу; ту самую женщину, которую она видела в саду вместе с Питером.

— Как вы попали сюда? — холодно спросила Маргарет.

— Через дверь, сеньора, которая была не заперта, что не совсем разумно для тех, кто хочет поговорить тайно в таком месте, как это, — ответила Инесса со скромным поклоном.

— Она все еще не заперта, — сказала Маргарет, показывая на дверь.

— Нет, сеньора, вы ошибаетесь, вот у меня в руке ключ. Я умоляю вас не приказывать вашей компаньонке выбрасывать меня отсюда — она достаточно сильна, чтобы сделать это, — мне нужно кое-что сказать вам, и, если вы разумны, вы выслушаете меня.

Маргарет помедлила, затем бросила:

— Говорите, но покороче.

ГЛАВА XVI. БЕТТИ ПОКАЗЫВАЕТ КОГОТКИ

— Сеньора, — начала Инесса, — мне кажется, что вы на меня сердитесь.

— Нет, — возразила Маргарет, — вы то, что вы есть; почему же я должна винить вас?

— Ну, тогда вы вините сеньора Брума.

— Может быть. Но это касается только его и меня. Я не собираюсь обсуждать это с вами.

— Сеньора, — продолжала Инесса с улыбкой, — мы оба не виноваты в том, что произошло.

— Неужели? А кто виноват?

— Маркиз Морелла.

Маргарет ничего не ответила, но глаза ее были достаточно красноречивы.

— Сеньора, вы мне не верите, и в этом нет ничего удивительного. И все-таки я говорю правду. То, что вы видели с башни, было спектаклем, в котором сеньор Брум играл свою роль. Причем, как вы, может быть, заметили, играл довольно скверно. Я предупредила его, что моя жизнь зависит от того, как он справится с этой ролью. Я выходила его от тяжелой болезни, а он человек

благодарный.

— Я так и думала, но я не понимаю вас.

— Сеньора, я в этом доме рабыня, рабыня, которая больше никому не нужна. Остальное вы, пожалуй, можете предположить. Здесь это обычная история. Мне предложили свободу, если я завоюю сердце этого мужчины и сделаю его своим любовником. Если же я не сумею этого добиться, меня, вероятно, продадут другому хозяину, а может, поступят со мной еще хуже. Я согласилась — почему мне было не согласиться? Мне это ничего не стоило. Передо мной стоял выбор: с одной стороны — жизнь и свобода, а с другой — позор или смерть, которая, без сомнения, ожидает меня теперь, если меня разоблачат. Сеньора, я не имела успеха; правда, я не очень добивалась его. Он видел во мне только сиделку, не больше, а для меня он был только тяжелобольной. Тем не менее мы стали настоящими друзьями, и постепенно я узнала всю вашу историю. Я поняла, что вам была устроена ловушка, что, обманувшись, вы попали в еще более страшную западню. Сеньора, я не могла объяснить ему всего, особенно в той комнате, где за нами шпионили. К тому же мне было совершенно необходимо, чтобы его приняли за влюбленного. Я увела его в сад и, прекрасно

зная, что вы наблюдаете за нами, заставила его сыграть роль. Очевидно, он все-таки провел ее достаточно хорошо, если вы обманулись.

— И все-таки я не понимаю вас, — сказала Маргарет уже более мягко. — Вы говорите, что ваша жизнь и благополучие зависят от этого постыдного поступка. Почему же вы рассказываете мне все?

— Чтобы спасти вас от вас самой, сеньора. Чтобы спасти моего друга сеньора Брума и отплатить Морелла его же монетой.

— Как же вы сделаете это?

— Первые два дела, мне кажется, я уже сделала. Но третье более трудное. Поэтому я и пришла к вам, несмотря на страшный риск. Если бы мой господин не был вызван ко двору короля мавров, я не сумела бы пробраться сюда. А он может в любую минуту вернуться.

— У вас есть какой-нибудь план? — спросила Маргарет, быстро наклоняясь к ней.

— Плана пока нет, есть только идея. — Инесса повернулась и, посмотрев на Бетти, продолжала: — Эта дама — ваша дальняя родственница, не так ли, только она занимает другое положение в обществе?

Маргарет кивнула головой.

— Вы довольно похожи, одного роста, у вас одинаковые фигуры, хотя сеньора Бетти гораздо крепче. У нее голубые глаза и золотые волосы, в то время как у вас глаза черные, а волосы каштановые. Однако под вуалью или ночью не так легко различить вас, если вы обе будете говорить шепотом.

— Да, — согласилась Маргарет, — но что из этого?

— Теперь в игру вступает сеньора Бетти, — ответила Инесса. — Сеньора Бетти, вы поняли наш разговор?

— Кое-что, но не все, — заявила Бетти.

— Тогда то, что вы не поняли, ваша хозяйка переведет вам. И, умоляю вас, не сердитесь на меня за то, что я знаю о вас и о ваших делах больше, чем вы рассказывали мне. Переведите, пожалуйста, мои слова, донна Маргарет.

Маргарет выполнила ее просьбу, и Инесса, подумав немного, медленно продолжала, а Маргарет переводила на английский в тех случаях, когда Бетти не понимала.

— Морелла ухаживал за вами в Англии, сеньора Бетти, не так ли? И покорил ваше сердце так же, как он покорял сердца многих других женщин. Вы поверили, что он хочет похитить

вас для того, чтобы жениться на вас, а вовсе не на вашей кузине.

— Какое вам до этого дело? — вспылила Бетти.

— Никакого, не считая того, что, если бы вы захотели, я могла бы рассказать вам немало подобных историй. Но сначала выслушайте меня, а потом задавайте вопросы. Или лучше ответьте мне сначала на один вопрос: хотели бы вы отомстить этому высокорожденному негодяю?

— Отомстить? — переспросила Бетти, сжав руки. — Я готова рискнуть жизнью ради этого!

— Так же как и я... Значит, у нас общая цель. Тогда, мне кажется, я могу указать вам путь. Послушайте, ваша кузина видела кое-что такое, чего женщины не любят. Она ревнива, она сердита — или была такой до тех пор, пока я не открыла ей правду. Так вот, сегодня вечером или завтра Морелла придет к ней и спросит: «Вы удовлетворены? Вы все еще отказываете мне из-за человека, который отдал свое сердце первой же кокетке, соблазнившей его? Будете ли вы моей женой?» Что, если она ответит: «Да, буду»? Нет, нет, помолчите и выслушайте меня до конца. Что, если потом состоится тайная свадьба и сеньора Бетти случайно наденет фату невесты, в то время как донна Маргарет, переодетая в платье Бетти,

получит разрешение уехать вместе с сеньором Брумом и ее отцом?

Инесса умолкла и, играя веером, наблюдала за ними обеими.

Маргарет перевела, и обе девушки в изумлении уставились сначала на Инессу, а затем друг на друга — дерзость и бесстрашие этого плана ошеломили их. Первой заговорила Маргарет.

— Ты не должна соглашаться на это, Бетти, — вырвалось у нее: — Ведь когда он узнает, что это ты, он убьет тебя.

Но Бетти не обратила внимания на ее слова, она думала.

Затем она подняла голову и сказала:

— Кузина, мое глупое тщеславие вовлекло тебя в эту беду, значит, я в долгу перед тобой. Я не боюсь этого человека. Он боится меня. И если дело дойдет до убийства, пусть Инесса одолжит мне свой кинжал, и я уверена, что сумею нанести первый удар. И кроме того, я люблю его, хотя он и мерзавец. А может быть, мы потом и помиримся, кто знает? Если же не сделать этого… Но скажите мне, Инесса, буду ли я его законной женой по обычаям этой страны?

— Безусловно, — ответила Инесса, — если только священник обвенчает вас и если маркиз

наденет кольцо вам на палец и назовет вас своей женой. И после того, как будут произнесены слова благословления, один только папа римский сможет развязать этот узел. Но на это Морелла не пойдет. Разве маркиз Морелла, верный слуга церкви, может обратиться с таким делом в Рим?

— Это будет обман, — не удержалась Маргарет, — отвратительный обман.

— А что он сделал со мной и с тобой? — воскликнула Бетти. — Нет, я пойду на это и не побоюсь его ярости, если только я буду уверена, что вы с Питером свободны и твой отец с вами.

— А что будет с Инессой? — в смущении спросила Маргарет.

— Я сама позабочусь о себе, — ответила Инесса. — Может быть, если все будет хорошо, вы увезете меня с собой. А теперь я не могу больше здесь оставаться. Я иду повидать вашего отца, сеньора Кастелла, и, если все будет улажено, мы еще встретимся с вами. Между прочим, донна Маргарет, ваш жених уже почти здоров и шлет вам свою любовь, а я советую вам, когда Морелла будет говорить с вами, выслушайте его благожелательно.

С тем же глубоким поклоном Инесса скользнула к двери, отперла ее и исчезла.

Через час старый еврей, одетый в мусульманскую одежду и тюрбан, вел Инессу по извилистым улочкам одного из самых населенных кварталов Гранады. Похоже было, что этого еврея здесь знают, потому что его появление вместе с женщиной в вуали не вызывало удивления у мавров, встречавшихся им на пути. Некоторые даже смиренно приветствовали его.

— Эти дети Магомета, кажется, любят вас, отец Израэль, — заметила Инесса.

— Да, да, моя дорогая, — отвечал старик с усмешкой, — многие из них брали у меня взаймы и должны вернуть свой долг прежде, чем начнется большая война с испанцами. Вот они и готовы подметать для меня улицу своими бородами. Все это очень полезно для осуществления планов нашего друга. О, тот, у кого есть в кармане кроны, может надеть на голову корону. Деньги все могут сделать в Гранаде. Дайте мне достаточно денег, и я куплю у короля его султаншу.

— У Кастелла много денег? — деловито осведомилась Инесса.

— Много. Он один из самых богатых людей в Англии. Но почему ты спрашиваешь об этом? Он не подумал о тебе, потому что он обеспокоен другими делами.

Инесса только громко рассмеялась, но не обиделась на эти слова.

— Я знаю, — ответила она, — но я думаю все же заработать кое-что, и я хочу быть уверена, что там хватит на всех нас.

— Хватит, хватит. Я ведь сказал, что там хватит и еще останется, — ответил Израэль, стучась в дверь, прорубленную в грязной стене.

Дверь открылась, как по волшебству. Они пересекли мощеный дворик и подошли к полуразрушенному дому мавританской архитектуры.

— Наш друг Кастелл, поскольку он сейчас скрывается, снял себе погреб, — с усмешкой сказал Израэль Инессе, — так что следуй за мной. Остерегайся крыс и береги голову.

Они спустились по шатающейся лестнице, ведущей со двора прямо в подвал, где стояли чаны с вином. Старик зажег маленькую свечку и повел Инессу вглубь, запирая за собой многочисленные двери. Наконец они оказались перед сырой стеной в темном углу винного погреба.

Здесь старик остановился и опять постучал особым образом.

Часть стены повернулась на невидимом стержне, открыв узкий проход.

— Неплохо устроено, не правда ли? — ухмыль-

нулся Израэль. — Кому придет в голову искать здесь вход, особенно если ты должен деньги старому еврею! Проходи, красотка, проходи.

Инесса пробралась вслед за ним в темную дыру, и стена закрылась за ними. Взяв ее за руку, старик повернул сначала направо, потом налево, открыл ключом еще одну дверь, и они оказались в роскошно обставленной комнате, хорошо освещенной лампами. Окон в ней не было.

— Подожди здесь, — приказал старик Инессе, указывая на кушетку, на которую она и уселась, — пока я приведу моего жильца. — И он исчез за занавесями в конце комнаты.

Вскоре занавеси опять раздвинулись, и появился Израэль в сопровождении Кастелла, одетого в мавританскую одежду и выглядевшего несколько бледным от пребывания под землей, но совершенно здоровым. Инесса поднялась и стала перед ним, откинув с лица вуаль, чтобы он мог рассмотреть ее. Кастелл некоторое время пристально разглядывал ее и затем произнес:

— Вы и есть та женщина, с которой я установил связь через своих друзей? Докажите это, повторив содержание моих посланий.

Инесса повиновалась и рассказала ему все.

— Это правильно, — сказал Кастелл, — но как

я могу быть уверен, что вам можно довериться? Насколько я знаю, вы любовница маркиза Морелла или были ею. Он мог с успехом использовать вас в качестве шпионки, чтобы погубить нас всех.

— Не слишком ли поздно задавать подобные вопросы, сеньор? Если я и не заслуживаю доверия, то все равно вы и ваши друзья целиком в моих руках.

— Не совсем, дорогая моя, не совсем, — вмешался Израэль. — Если у нас будет хоть малейший повод сомневаться в вас, то здесь есть немало больших чанов, один из которых на крайний случай может послужить вам гробом, хоть и будет очень жаль портить хорошее вино.

Инесса засмеялась:

— Не тратьте на меня ваше вино и ваше время. Морелла бросил меня, и я ненавижу этого человека. Я хочу спастись от него и украсть его добычу. Кроме того, мне нужны деньги. И вы должны дать их мне, или я не пошевельну пальцем. Впрочем, вы можете пообещать мне, я знаю, вы держите свое слово. Я не возьму с вас ни гроша, пока не сделаю то, что нужно.

— А сколько мараведи вы потребуете с нас тогда?

Инесса назвала сумму, услышав которую оба старика широко открыли глаза.

— Если я останусь в живых, то я хочу жить в довольстве.

— Конечно, — пробормотал Кастелл, — мы понимаем. А теперь скажите нам, что вы предлагаете сделать за эти деньги.

— Я предлагаю вывести вас, вашу дочь, донну Маргарет, и ее возлюбленного, сеньора Брума, за стены Гранады и предоставить маркизу Морелла жениться на другой женщине.

— На какой женщине? На вас? — заинтересовался Кастелл, обратив внимание на этот последний пункт.

— Нет, сеньор, ни за какие деньги я не сделаю этого. На вашей родственнице, красавице Бетти.

— Каким образом вы это сделаете? — с изумлением воскликнул Кастелл.

— Между кузинами есть сходство, сеньор, хотя родство их довольно далекое. Сейчас я вам все расскажу. — И Инесса изложила свой план.

— Смелый план, — заметил Кастелл, когда Инесса закончила, — но если даже он удастся, будет ли этот брак законным?

— Я думаю, что да, — ответила Инесса, — если священник будет предупрежден, — а его можно

подкупить, — да и невеста тоже. Это даже не имеет большого значения, потому что только один Рим может объявить этот брак недействительным, а до тех пор наша судьба будет решена.

— Рим или смерть, — прошептал Кастелл.

И Инесса прочла в его глазах то, чего он боялся.

— Ваша Бетти решила испытать свою судьбу, — медленно продолжала Инесса, — ведь многим это удавалось до нее с гораздо меньшими основаниями. Она женщина крепкая, с сильным характером. Морелла заставил ее влюбиться и обещал жениться на ней. Потом он использовал ее, чтобы похитить вашу дочь, и Бетти поняла, что она была всего лишь приманкой, пользуясь которой он стремился поймать белого лебедя. Она хочет отплатить ему — ведь из-за нее Маргарет постигли все эти неприятности. Если Бетти удастся выиграть, она станет женой испанского гранда, маркизой; если же она проиграет, ну что ж, она играла ради высокой ставки, и у нее останется месть. Наконец, она сама хочет испытать судьбу. А самое главное — вы все сможете уехать.

Кастелл с сомнением посмотрел на Израэля, который, поглаживая свою бороду, сказал:

— Пусть эта женщина осуществляет свой план. Во всяком случае, она не глупа и все, что она

предлагает, стоило выслушать, хотя я и опасаюсь, что это будет стоить нам очень дорого.

— Я могу заплатить, — прервал его Кастелл и жестом попросил Инессу продолжать.

Но ей почти нечего было добавить, она только хотела предупредить, чтобы у них наготове были хорошие лошади. Нужно также послать человека в Севилью и передать капитану «Маргарет», что корабль должен быть готов выйти в море, как только они попадут на него.

Они обо всем договорились, и, когда Инесса с Израэлем уходили, она уносила с собой мешочек с золотом.

В тот же вечер Инесса разыскала отца Энрике в том зале дворца Морелла, который использовался как молельня. Инесса сказала, что она хочет поговорить с ним и исповедаться. Они ведь были старыми друзьями или, скорее, старыми врагами.

Случилось так, что она застала служителя церкви в весьма дурном настроении. Оказалось, что Морелла был чрезвычайно недоволен отцом Энрике. Маркизу донесли, что его драгоценности, находившиеся в ящике на «Сан Антонио», попали в руки священнику. Морелла потребовал от отца Энрике вернуть драгоценности, и более того:

маркиз поклялся взыскать с священника за все, что жители Мотриля украли с корабля. А истинная причина заключалась в том, что маркиз не мог простить отцу Энрике, что по его вине Питер Брум спасся и добрался до Гранады.

— Итак, святой отец, — начала Инесса, выслушав жалобы священника, — вы считали себя богатым и опять оказались бедняком?

— Да, дочь моя. Так бывает с теми, кто возлагает свои надежды на принцев. Я служил маркизу много лет, боюсь даже, что в ущерб своей душе. Я все надеялся, что он, пользуясь таким уважением церкви, выдвинет меня на какое-нибудь хорошее место. А вместо этого что он делает? Он хочет отнять у меня несколько безделушек. Если бы я их не нашел, они все равно пропали бы в море или кто-нибудь украл их. А он еще заявляет, что я должен ему за все остальное имущество, о котором я понятия не имею.

— О каком же месте вы мечтаете, святой отец? Я думаю, у вас есть что-то на примете.

— Дочь моя, я получил письмо от друга из Севильи. Он пишет, что, если у меня найдется сто золотых дублонов, чтобы заплатить за место, он может устроить меня на должность секретаря святейшей инквизиции. Я ведь служил в инкви-

зиции раньше, до тех пор, пока маркиз не сделал меня своим капелланом и не дал мне в Мотриле приход, который, как оказалось, ничего не стоит, и множество обещаний, которые стоят еще меньше. За те безделушки я выручил дублонов тридцать, и еще двадцать я скопил. Я приехал сюда, чтобы занять у маркиза остальные пятьдесят. Ведь я оказывал ему столько услуг, ты об этом хорошо знаешь, Инесса. И видишь, чем это кончилось?

— Очень жаль, — задумчиво сказала Инесса. — Ведь те, кто служат инквизиции, спасают много душ, в том числе и свои собственные. Я, например, помню, — добавила она, и священник вздрогнул при этих словах, — как они спасли душу моей родной сестры и спасли бы мою тоже, если бы я не оказалась… как бы это сказать… с меньшими… с меньшими предрассудками. Кроме того, служители инквизиции получают часть имущества проклятых еретиков и таким образом богатеют и получают возможность продвигаться дальше по службе.

— Все это так, Инесса. Такой случай представляется один раз в жизни, особенно для такого человека, как я. Ведь я ненавижу еретиков. Но что говорить попусту, когда этот проклятый

беспутный маркиз... — Священник спохватился и замолк.

Инесса взглянула на него.

— Отец мой, — сказала она, — если бы я смогла найти для вас эти сто золотых дублонов, смогли бы вы сделать кое-что и для меня?

Хитрое лицо священника оживилось:

— Я готов на все, дочь моя.

— Даже если это поссорило бы вас с маркизом?

— Если я буду секретарем инквизиции Севильи, у него будет больше оснований бояться меня, чем мне его. А он должен меня бояться! — В голосе священника звучала ненависть.

— Тогда выслушайте меня, святой отец. Я еще не исповедовалась, — я, например, еще не сказала вам, что тоже ненавижу маркиза. Причины для этого у меня есть, да вы, наверно, сами знаете их. Но помните: если вы предадите меня, вы никогда не увидите ста золотых дублонов и секретарем в Севилье будет назначен какой-нибудь другой священник. Кроме того, с вами могут случиться и худшие вещи.

— Продолжай, дочь моя, — елейным голосом сказал священник, — разве мы не в исповедальне или, по крайней мере, не рядом с ней?

Инесса сообщила отцу Энрике весь план заго-

вора, — она рассчитывала на его жадность. Она смертельно ненавидела священника и знала ему цену. Единственное, что она утаила от него, это откуда появятся деньги.

— Не такое уж это трудное дело, — произнес отец Энрике, когда Инесса кончила. — Если мужчина и женщина, не состоящие в браке, приходят ко мне для того, чтобы обвенчаться, я венчаю их, а когда надето кольцо и обряд произведен, они женаты, пока смерть или папа римский не разъединят их.

— А если мужчина во время свадебного обряда полагает, что он женится на другой женщине?

Отец Энрике пожал плечами.

— Он должен знать, на ком женится. Это его дело, а не мое, и не церкви. Имена не должны произноситься слишком громко, дочь моя.

— Но вы дадите мне свидетельство о браке, в котором имена будут написаны четко?

— Конечно. Я отдам тебе или кому угодно, — почему мне этого не сделать, — разумеется, если я буду уверен в оплате.

Инесса разжала кулак и показала десять дублонов, лежащих у нее на ладони.

— Возьмите их, отец, — предложила она, — они идут сверх обещанной суммы. Там, откуда берутся

эти деньги, есть еще дублоны. Двадцать дублонов вы получите перед венчанием, а восемьдесят — в Севилье, когда я получу брачное свидетельство.

Священник сгреб монеты и спрятал в карман, говоря:

— Я доверяю тебе, Инесса.

— Конечно, — ответила Инесса, уходя, — теперь мы должны доверять друг другу: вы получили деньги и оба мы сунули голову в одну и ту же петлю. Завтра, отец, будьте здесь в это же время на тот случай, если мне потребуется опять исповедаться, потому что, увы, мы живем в грешном мире, вы ведь об этом хорошо знаете.

ГЛАВА XVII. ЗАГОВОР

На следующее утро, сразу после того, как Маргарет и Бетти позавтракали, появилась Инесса и, как и в прошлый раз, заперла за собой дверь.

— Сеньоры, — спокойно сказала она, — я уже устроила то маленькое дельце, о котором мы вчера толковали, или, по крайней мере, подготовила первый акт пьесы. От вас зависит хорошо сыграть остальное. А сейчас меня прислали передать вам, что благородный маркиз Морелла просит разрешения видеть вас, донна Маргарет, в течение часа. Так что терять время нельзя.

— Расскажите нам, что вы успели сделать, Инесса, — попросила Маргарет.

— Я видела вашего уважаемого отца, донна Маргарет. И вот свидетельство, которое вы, прочитав, лучше уничтожьте.

И Инесса вручила Маргарет листок бумаги, на котором рукой ее отца по-английски было написано следующее:

Любимая дочка, женщина, которая вручит тебе это письмо и которой, я полагаю, можно доверять, договорилась со мной о плане действий. Я одобряю его, хотя риск велик. Твоя кузина храбрая девушка, но поймите, что я не толкаю ее на это опасное предприятие. Она должна сама решить. Я только обещаю, что, если она останется жива, а мы спасемся, я никогда не забуду того, что она сделала. Женщина принесет мне твой ответ. Да будет с вами бог. Прощайте.

Д.К.

Маргарет прочитала это письмо сначала про себя, а затем вслух для Бетти и после этого разорвала его на мельчайшие кусочки и выбросила в окно.

— А теперь рассказывайте, — обратилась она к Инессе.

Та сообщила ей все.

— Можете вы довериться священнику? — спросила Маргарет, когда Инесса кончила.

— Он страшный мерзавец, я это очень хорошо знаю, и все-таки думаю, что можно, — отвечала Инесса. — Но все это только до тех пор, пока ка-

пуста будет у осла перед носом. Я имею в виду, пока он не получит все деньги. Кроме того, он совершил ошибку, взяв часть денег заранее. Но прежде чем говорить дальше, я хочу спросить: готова ли эта дама продолжать игру? — И она указала на Бетти.

— Да, я играю, — ответила Бетти, когда поняла, о чем идет речь, — я не откажусь от своего слова. Ставка слишком велика. Мне грозит большая опасность, но, — медленно добавила она, сжав губы, — я должна отомстить. Я ведь сделана не из испанской глины, вроде некоторых, из которых можно лепить все что хочешь, — и она посмотрела на скромную Инессу. — Однако и маркизу будет не сладко.

Когда Инесса уяснила себе смысл этой речи, она с восхищением подняла свои кроткие глаза и вспомнила испанскую пословицу о сатане, повстречавшемся с Вельзевулом на узкой дорожке.

После того как все подробности заговора были окончательно обсуждены, хотя и без одобрения Маргарет, которая волновалась за судьбу Бетти, Инесса, будучи женщиной находчивой и опытной, стала инструктировать их по части всевозможных практических уловок, при помощи которых можно было усилить сходство обеих ку-

зин. Она пообещала достать им краску для волос и соответствующую одежду.

— От этого мало толку, — заявила Бетти, посмотрев на себя и на Маргарет: — даже если мы изменим внешность, разве можно теленка выдать за молодого оленя, хоть они и выросли на одном лугу! Но вы все-таки принесите это, я сделаю все, что смогу. Я думаю, однако, что густая вуаль и молчание помогут мне гораздо больше, чем любая краска. Да, еще нужно длинное платье, которое скрывало бы мои ноги.

— Конечно, у вас прелестные ноги, — вежливо заметила Инесса, а про себя добавила: «Они донесут вас туда, куда вы хотите дойти».

Затем Инесса обратилась к Маргарет и напомнила, что маркиз хочет видеть ее и ждет ответа.

— Я не хочу встречаться с ним наедине, — решительно заявила Маргарет.

— Это неудобно, — возразила Инесса. — Насколько я понимаю, он собирается сказать вам нечто такое, что, по его мнению, не следует слышать другим, особенно этой сеньоре. — Инесса кивнула в сторону Бетти.

— Я не хочу встречаться с ним наедине! — повторила Маргарет.

— Однако, если вы хотите, чтобы все было так,

как мы договорились, вы должны принять его, донна Маргарет, и дать ему тот ответ, которого он жаждет. Но, я думаю, это можно устроить. Внизу есть большой двор. Пока вы с маркизом будете разговаривать в одном конце двора, мы с сеньорой Бетти можем прогуливаться в другом, где ничего не будет слышно. К тому же сеньоре Бетти нужно заняться испанским языком, и это будет прекрасным случаем начать наши уроки.

— Но что я должна сказать ему? — волнуясь, спросила Маргарет.

— Я думаю, — продолжала Инесса, — что вы должны последовать примеру изумительного актера, сеньора Питера, и сыграть свою роль так же хорошо, как сыграл ее он, или даже лучше, если сумеете.

— Моя роль будет совершенно иной, — произнесла Маргарет, заметно мрачнея при этом напоминании.

Деликатная Инесса, улыбаясь, заметила:

— Конечно, вы можете выглядеть ревнивой, ведь это так естественно для нас, женщин, можете постепенно уступать и наконец заключить с ним сделку.

— Какую сделку я должна заключить?

— Я полагаю, что вы должны поставить усло-

вием, что вы будете тайно обвенчаны христианским священником и бумаги, подписанные этим священником, будут переданы архиепископу Севильи и их величествам королю Фердинанду и королеве Изабелле. Кроме того, вы, конечно, должны обусловить, что сеньор Брум, ваш отец — сеньор Кастелл и ваша кузина Бетти в безопасности выедут из Гранады до вашего венчания. Вы должны видеть из вашего окна, как они выезжают из ворот. А вы поклянетесь, что согласитесь, чтобы в тот же день вечером священник совершил обряд и объявил вас женой маркиза Морелла. К этому времени вы уже будете далеко, а после того, как обряд будет совершен, я получу от священника документы и последую за вами, предоставив сеньоре Бетти сыграть свою роль возможно лучше.

Маргарет колебалась. Ей казалось, что этот план слишком сложен и опасен. Но пока она раздумывала, в дверь постучали.

— Это напоминание мне. Морелла ожидает вашего ответа, — заторопилась Инесса. — Ну, так что будем делать? Помните, что другой возможности для вас и для всех остальных спастись из этого города нет. Во всяком случае, я ее не вижу.

— Я согласна, — торопливо сказала Маргарет, —

и пусть нам поможет бог, ибо мы нуждаемся в его помощи.

— А вы, сеньора Бетти?

— О, я решила уже давно. Мы можем только провалиться, но и тогда нам не будет хуже, чем сейчас.

— Хорошо. Но играйте свои роли как следует. Это будет не так уж трудно, так как священник не опасен, а маркиз никогда не заподозрит подобной проделки. Назначайте свадьбу через неделю, потому что мне нужно многое придумать и приготовить. — С этими словами Инесса вышла.

Через полчаса Маргарет сидела под прохладными сводами галереи мраморного двора. Морелла был рядом с ней, а по другую сторону плещущего фонтана, на почтительном расстоянии от них, прогуливались Бетти и Инесса.

— Вы посылали за мной, маркиз, — начала Маргарет, — и я, будучи вашей пленницей, должна была прийти. Что вам угодно от меня?

— Донна Маргарет, — ответил он серьезно, — разве вы не догадываетесь? Ну что ж, я скажу вам, чтобы вы не поняли меня неправильно. Прежде всего я хочу просить у вас прощения, как делал уже не раз, за те преступления, на которые толкнула меня моя любовь к вам. Еще совсем недавно

я отлично знал, что мне нечего ожидать. Сегодня я таю надежду, что кое-что переменилось.

— Почему, маркиз?

— На этих днях вы видели некий садик. В нем гуляли мужчина и женщина. Вон та женщина, — и он кивнул в сторону Инессы. — Должен ли я продолжать?

— Нет, не надо, — глухо ответила Маргарет и закрыла лицо руками. — Кто эта женщина? — И она в свою очередь посмотрела в сторону Инессы.

— Зачем вам знать это? Ну что ж, хорошо, если вы желаете, я вам скажу. Она испанка, хорошего происхождения, вместе с сестрой она была захвачена маврами. Один священник, заинтересовавшийся сестрой, обратил мое внимание на Инессу, и я выкупил ее. Родители ее умерли, ей некуда было деваться, и она осталась жить в моем доме. Вы не должны слишком строго судить меня, здесь это обычное дело. К тому же она была мне очень полезна, так как весьма умна, и благодаря ей я о многом узнаю. Однако последнее время ей надоела такая жизнь, и она хочет получить свободу, которую я обещал вернуть ей в награду за некоторые услуги, и уехать из Гранады.

— Скажите, маркиз, а то, что она выхаживала моего жениха, тоже было одной из услуг?

Морелла пожал плечами:

— Думайте как хотите, сеньора. Конечно, я простил ей эту нескромность, поскольку в конце концов это раскрыло вам правду о человеке, ради которого вы вынесли так много испытаний. Скажите, Маргарет, теперь, когда вы знаете, что представляет собой этот человек, вы все еще остаетесь верны ему?

Маргарет встала и сделала несколько шагов по галерее, затем вернулась и спросила:

— А вы лучше этого падшего человека?

— Думаю, что да, Маргарет. Ведь с тех пор, как я узнал вас, я стал другим человеком; все старое осталось позади, я грешу ради вас, а не против вас. Умоляю, выслушайте меня. Я похитил вас, это правда, но я не причинил и никогда не причиню вам никакого вреда. Ради вас я пощадил вашего отца, хотя мне достаточно было подать знак, чтобы убрать его с моего пути. Я допустил, чтобы он бежал из тюрьмы, но я знаю место, где он прячется у евреев в Гранаде и чувствует себя в безопасности. Я вернул к жизни Питера Брума, хотя в любую минуту я мог допустить его смерть. И все это ради того, чтобы потом меня не терзала совесть при мысли, что только моя любовь к вам была причиной его смерти. Но теперь вы

убедились в его измене и все-таки по-прежнему отказываете мне? Посмотрите на меня, — Морелла встал во весь рост, — и скажите, неужели я тот мужчина, которого женщине стыдно иметь своим мужем? Не забывайте, что я могу многое предложить вам здесь, в Испании: вы станете одной из самых знатных дам страны, а в будущем, — многозначительно добавил он, — быть может, и больше. Надвигается война, Маргарет, этот город и все богатые земли перейдут в руки Испании, и после этого я буду здесь губернатором, почти королем.

— А если я откажусь? — поинтересовалась Маргарет.

— Тогда, — сурово ответил Морелла, — вы останетесь здесь, и ваш лживый возлюбленный и ваш отец останутся здесь, чтобы испытать все тяготы войны вместе с тысячами других христианских пленников, томящихся в темницах Альгамбры. Моя миссия будет закончена, и я уеду отсюда, чтобы занять свое место в бою среди грандов Испании как один из первых военачальников их католических величеств. Но я не хочу запугивать вас, я хочу найти путь к вашему сердцу, потому что я ищу вашей любви и вашей дружбы на всю жизнь и, если это в моих силах, не хочу причи-

нять вреда ни вам, ни вашим близким.

— Вы не хотите причинять им вреда? Но тогда, если я соглашусь, вы отпустите их всех? Я имею в виду моего отца, сеньора Брума и мою кузину Бетти. Ведь это ее, а не меня вы должны были бы просить остаться с вами в качестве вашей жены, будь вы честным человеком, за которого вы себя выдаете.

— Вот этого я не могу сделать! — вспыхнул Морелла. — Видит бог, я не хотел причинить ей зло. Я только использовал ее для того, чтобы быть ближе к вам и знать все. Должен признаться, что я несколько ошибался в ней.

— Разве здесь, в Испании, маркиз, не встречаются честные девушки?

— Редко, очень редко, донна Маргарет. Но я ошибся в Бетти, приняв ее за простую служанку, и я готов сделать все, чтобы исправить это.

— Все, за исключением того, на что вправе претендовать девушка, которую вы просили стать вашей женой. У нас в Англии она могла бы потребовать от вас выполнения вашего обещания или заклеймила бы вас позором. Но вы не ответили на мой вопрос. Будут ли они свободны?

— Как ветер… Особенно сеньора Бетти, — с легкой улыбкой добавил Морелла. — Честно говоря,

в глазах у этой женщины есть что-то пугающее меня. Мне кажется, она очень злопамятна. Ровно через час после нашей свадьбы вы выглянете в окно и увидите их всех, отправляющихся под охраной туда, куда они пожелают.

— Нет, — возразила Маргарет, — на это я не согласна. Я хочу сперва видеть их отъезд, а затем уж заплачу за них выкуп, обвенчавшись с вами. Но не раньше, чем скроется солнце.

— Значит, вы согласны? — быстро спросил Морелла.

— Кажется, я должна это сделать, маркиз. Мой возлюбленный обманул меня. Уже более месяца я пленница в вашем дворце, о котором, насколько мне известно, ходят дурные слухи. Кроме того, если я откажусь, то вы обещали, что всех нас бросят в темницу и затем продадут как рабов. Или же мы умрем пленниками мавров. Маркиз, судьба и вы не оставили мне другого выбора. Через неделю в этот день я выйду за вас замуж, но не обвиняйте меня, если вы найдете меня иной, чем вы представляете, так же как вы нашли иной мою кузину, которую вы обманули. А до тех пор я требую, чтобы вы не беспокоили меня. Если вам нужно будет договориться о чем-нибудь или передать какое-либо поручение, пусть уж эта

женщина Инесса будет вашим посланцем. Ведь о ней я знаю только самое плохое.

— Я буду повиноваться вам во всем, донна Маргарет, — покорно ответил Морелла. — Может быть, вы хотите видеть вашего отца или… — он остановился.

— Никого из них. Я напишу им и пошлю письма через Инессу. К чему мне видеть их? — взволнованно добавила она. — Ведь с прошлым, когда я была свободна и счастлива, покончено навсегда, и вскоре я стану женой благородного маркиза Морелла, одного из знатнейших грандов Испании, который обманул бедную девушку лживыми обещаниями жениться и воспользовался ее влюбленностью и безрассудством для того, чтобы украсть меня из моего дома. Милорд, я прощаюсь с вами на неделю. — С этими словами она прошла по галерее к фонтану и громко окликнула Бетти, приказав ей сопровождать себя в комнату.

Неделя, которую выторговала Маргарет, прошла. Все было готово. Инесса показала Морелла письма его невесты к отцу и Питеру Бруму и их ответы, взволнованные и умоляющие. Однако были и другие письма и другие ответы, о которых Морелла и не подозревал.

Настал наконец день, когда отличные лошади

стояли наготове во дворе, там же находилась охрана. Кастелл и Питер, переодетые в мавританские одежды, ожидали под стражей в одной из комнат неподалеку. Бетти, тоже одетая как мавританка, под густой вуалью, стояла перед маркизом, к которому ее привела Инесса.

— Я пришла сообщить вам, — произнесла она, — что через три часа после того, как сядет солнце и мы проедем под окном моей кузины и хозяйки, она будет готова стать вашей женой. Но если вы побеспокоите ее до этого, она никогда уже не будет вашей женой.

— Я повинуюсь, — ответил Морелла. — Сеньора Бетти, я прошу у вас прощения и надеюсь, что вы примете от меня этот подарок в знак того, что вы простили меня.

С низким поклоном он вручил ей великолепное ожерелье из жемчуга.

— Я возьму его, — горько усмехнулась Бетти. — Может быть, оно пригодится мне для возвращения в Англию. Но простить вас, маркиз Морелла, я не могу. И предупреждаю вас, что у меня есть к вам счет, который я еще предъявлю. Пока что победа на вашей стороне, но бог на небесах ведет счет людской жестокости, и тем или другим путем, но он всегда требует расплаты.

Теперь я пойду попрощаться со своей кузиной Маргарет, но с вами я не прощаюсь, потому что надеюсь еще с вами встретиться.

С рыданием она опустила вуаль, которую чуть-чуть приподняла во время разговора, и вышла вместе с Инессой. Ей она шепнула:

— Он не захочет еще раз прощаться с Бетти Дин.

Они вошли в комнату Маргарет и заперли за собой дверь. Маргарет сидела на низком диване. Рядом с ней, сверкая серебром и драгоценными камнями, лежали ее свадебная фата и платье.

— Скорее, — обратилась Инесса к Бетти.

Та сбросила свое мавританское платье и длинную вуаль, окутывавшую ее голову. При этом обнаружилось, что цвет ее волос совершенно изменился — из золотых они стали темно-каштановыми. Глаза Бетти, обведенные краской, тоже казались уже не голубыми, а черными, как у Маргарет. И, что самое удивительное, на правой стороне подбородка и сзади на шее появились родинки, совершенно такие же, как у Маргарет. Короче говоря, учитывая, что фигуры у них были похожи — разве что Бетти была чуть-чуть полнее, — различить их даже без вуали было чрезвычайно трудно. В искусстве изменять

внешность Инесса была мастерицей, а тут она особенно постаралась.

Маргарет надела на себя белое платье и плотную чадру, совершенно скрывавшую ее лицо, а Бетти с помощью Инессы облачилась в великолепный свадебный наряд, украшенный драгоценными камнями, которые преподнес Морелла в качестве свадебного подарка, и скрыла свои перекрашенные волосы под вуалью, усыпанной жемчугом. Через десять минут все было готово. Бетти успела спрятать под платьем кинжал, и две преображенные женщины стояли, разглядывая друг друга.

— Время идти, — произнесла Инесса.

Тогда Маргарет неожиданно дала волю своим чувствам:

— Мне не нравится эта затея! Никогда не нравилась! Когда Морелла все узнает, гнев его будет ужасен, он убьет Бетти. Я жалею, что согласилась на это.

— Теперь слишком поздно жалеть, сеньора, — заметила Инесса.

— А нельзя сделать так, чтобы Бетти тоже уехала? — в отчаянии спросила Маргарет.

— Можно попытаться, — ответила Инесса, — перед бракосочетанием, согласно старинному

обычаю, я поднесу две чаши вина жениху и невесте. В чашу маркиза будет кое-что подмешано, ибо он не должен сегодня вечером слишком ясно видеть все происходящее. Я могу приготовить это вино покрепче, так, чтобы через полчаса он вообще не знал, женат он или холост. И тогда Бетти, возможно, сумеет бежать вместе со мной и присоединиться к вам. Но это очень рискованно, и если наш замысел будет раскрыт, то дело, вероятно, не обойдется без крови.

Тут вмешалась Бетти:

— Спасай себя, кузина. Если чья-нибудь кровь должна пролиться, то все равно ничего не поделаешь. Во всяком случае, не тебе придется расхлебывать это дело. Я не собираюсь бежать от этого человека, скорее он убежит от меня. Я отлично выгляжу в твоем великолепном платье, и я намереваюсь долго носить его. А теперь уходите, уходите поскорее, пока кто-нибудь не пришел звать меня. Не печальтесь обо мне — я ложусь в постель, которую сама себе приготовила, а если дело дойдет до самого худшего, у меня в кармане есть деньги или то, что их заменит, и тогда мы встретимся в Англии. Передай мою любовь и уважение мастеру Питеру и твоему отцу, и, если я их больше не увижу, скажи им, чтобы добром

вспоминали Бетти Дин, которая причинила им столько горя.

Обняв Маргарет своими сильными руками, она несколько раз поцеловала ее и вытолкнула из комнаты.

Однако, когда они ушли, бедная Бетти села и поплакала, пока не вспомнила, что слезы могут смыть краску с лица. Тогда она вытерла глаза, подошла к окну и стала ждать.

Через некоторое время она увидела шесть мавров, ехавших верхом по дороге к укрепленным воротам. Вслед за ними на прекрасных конях выехали двое мужчин и женщина, также в мавританских одеждах. За ними следовало еще шесть всадников. Кавалькада проехала сквозь ворота и начала взбираться по склону холма. На вершине его всадница остановилась и помахала платком. Бетти ответила на это приветствие, и в следующую минуту всадники скрылись. Бетти осталась одна.

Никогда еще ей не приходилось проводить такого тягостного вечера. Часа через два, все еще стоя у окна, она увидела возвращающуюся мавританскую охрану и поняла, что все в порядке и что теперь Маргарет, ее возлюбленный и ее отец в безопасности начали свое путешествие. Значит,

она рисковала своей жизнью не напрасно.

ГЛАВА XVIII. СВЯТАЯ ЭРМАНДАДА[18]

Длинными коридорами, через огромные пышные залы, через прохладные мраморные дворики лежал путь Инессы и Маргарет. Это было похоже на сон. Они прошли через комнату, в которой женщины, бездельничавшие или работавшие над гобеленами, с любопытством рассматривали их. Маргарет слышала, как одна из них сказала:

— Почему кузина донны Маргарет покидает ее?

И ответ:

— Потому что она сама влюблена в маркиза и не в силах оставаться здесь.

— Ну и дура, — заметила первая женщина. — Она красива, и ей нужно всего только подождать несколько недель.

Они прошли мимо открытой двери. Эта дверь вела в личные покои Морелла. Он сам стоял в дверях и наблюдал за тем, как они проходили.

---

[18] Примечания: 18

Святая эрмандада — союз городов и крестьянских общин Кастилии, Леона, Астурии и Арагона; был использован королем Фердинандом и королевой Изабеллой для подавления феодальной знати. Впоследствии роль Святой эрмандады была сведена к функциям сельской полиции.

Когда Инесса и Маргарет поравнялись с ним, казалось, какое-то сомнение зародилось у маркиза, потому что он внимательно посмотрел на них и шагнул вперед. Но затем, видимо передумав или вспомнив острый язычок Бетти, остановился и отвернулся. Опасность миновала.

В конце концов, никем не потревоженные, они добрались до двора, где их ожидала охрана и лошади. Здесь же, в сводчатом проходе под аркой, стояли Кастелл и Питер. Кастелл поздоровался с Маргарет и поцеловал ее через вуаль. А Питер, не видевший ее вблизи уже много месяцев, с того самого дня, как он уехал в Дедхэм, смотрел на нее не отрывая глаз. Он хотел прикоснуться к ней, чтобы выяснить, действительно ли это Маргарет. Угадав его мысли и понимая, что он может всех выдать, Инесса, у которой в руке была длинная булавка для вуали, сделала вид, что наткнулась на него, и при этом вонзила ему в руку булавку, пробормотав: «Дурак». Питер с проклятьем отскочил назад, стража рассмеялась, а Инесса принялась рассыпаться в извинениях.

Кастелл помог Маргарет сесть в седло, потом сел сам, его примеру последовал Питер, потирая уколотую руку. Он все еще не осмеливался смотреть в сторону Маргарет. Инесса на прощанье

пожала Маргарет руку, словно была равной ей по положению, и сказала несколько ласковых слов, какие обычно в ходу у испанских женщин. Испанский офицер из стражи, охранявшей дворец Морелла, подошел и пересчитал всех:

— Двое мужчин и одна женщина. Все правильно, только я не вижу лица женщины.

Еще мгновение — и он, наверно, приказал бы Маргарет поднять вуаль, но Инесса крикнула ему, что это неприлично делать в присутствии мавров. Офицер кивнул и приказал двигаться.

Они проехали под дворцовой аркой, выехали на дорогу и вскоре оказались под большими воротами. Стража принялась расспрашивать эскорт и рассматривать их. Это продолжалось до тех пор, пока Кастелл не сунул им несколько монет, и стража пропустила путешественников, сказав им на прощанье, что они счастливые христиане, раз живыми уезжают из Гранады. Такими они себя и чувствовали.

На вершине холма Маргарет обернулась и махнула платком, вглядываясь в высокое окно, которое она так хорошо знала. В ответ там тоже взмахнули платком, и Маргарет, думая об одинокой Бетти, которая смотрит им в след в ожидании конца своей отчаянной авантюры, поехала даль-

ше. Вуаль скрывала слезы, катившиеся из ее глаз. Около часа они ехали, обменявшись всего несколькими словами друг с другом, пока не оказались на перекрестке двух дорог, из которых одна вела в Малагу, другая — в Севилью.

Здесь эскорт остановился. Старший заявил, что им приказано сопровождать их только до этого места, и спросил, куда они дальше поедут. Кастелл ответил, что они направятся в Малагу. На это старший заметил, что они мудро поступают, так как на этой дороге они меньше рискуют натолкнуться на банды мародеров и воров, которые называют себя христианскими солдатами и убивают или грабят всех путешественников, попадающих в их руки. Кастелл предложил старшему подарок, тот принял его с важностью, как будто делал большое одолжение, и после поклонов и прощальных слов эскорт отправился обратно.

Трое путешественников поехали по дороге на Малагу, но, как только они убедились, что никто их не видит, они свернули и выехали на дорогу, ведущую в Севилью. Наконец-то они были одни! Остановив лошадей под стеной дома, сожженного во время какого-то налета христиан, они впервые смогли свободно поговорить. Что это

была за минута!

Питер повернул свою лошадь к Маргарет:

— Скажи, любимая, это действительно ты?

Однако Маргарет, не обращая на него никакого внимания, наклонилась к отцу, обвила его шею руками и принялась целовать его сквозь вуаль, благословляя бога, что они дожили до этой встречи. Питер тоже пытался поцеловать ее, но Маргарет тронула свою лошадь, и он чуть не вылетел из седла.

— Будь осторожнее, Питер, — бросила она ему, — а то твоя любовь к поцелуям доведет тебя до новых неприятностей.

Поняв, что она имеет в виду, Питер покраснел и принялся подробно объяснять ей все.

— Прекрати, — прервала она его, — прекрати. Я знаю все, потому что сама видела вас.

Смягчившись, она нежно поздоровалась с ним и протянула ему руку для поцелуя.

— Нам надо спешить, — спохватился Кастелл, — ведь нужно проехать еще двадцать миль, пока мы доберемся до постоялого двора, где Израэль подготовил нам ночлег. Мы будем разговаривать по дороге.

Путешественники спешили изо всех сил и как раз к наступлению темноты подъехали к постоя-

лому двору. При виде его они поблагодарили бога, ибо эта гостиница была уже по ту сторону границы и здесь они были вне досягаемости мавров.

Хозяин постоялого двора, наполовину испанец, ожидал их. Он уже получил письмо от Израэля, с которым у него были дела. Хозяин предоставил путешественникам две довольно бедно обставленные комнаты, но зато предложил хороший ужин и вино, отвел в конюшню лошадей и задал им ячменя. После этого он пожелал путникам спокойной ночи, сказав, чтобы они ничего не боялись, так как он и его люди будут сторожить и предупредят их в случае какой-либо опасности.

Однако заснули они не скоро. Им так много нужно было сказать друг другу, особенно Питеру и Маргарет. Они были так счастливы, что им удалось спастись! Но радость их, подобно звону погребального колокола на веселом пиршестве, омрачала мысль о Бетти и ее роковой свадьбе, в которой она, очевидно, уже сыграла роль Маргарет. В конце концов Маргарет упала на колени и принялась молиться святым, чтобы они защитили ее кузину от страшной опасности, которой она подвергается ради них, и Питер присоединился к ее молитве. После этого они крепко обнялись, а затем все отправились спать — Кастелл с доче-

рью в одну комнату, Питер — в другую.

За полчаса до рассвета Питер уже был на ногах, чтобы присмотреть за лошадьми. Маргарет и Кастелл позавтракали и собирались в дорогу, упаковывая еду, которую им приготовил хозяин. Питер тоже проглотил немного мяса и вина, и при первых проблесках дня, расплатившись с хозяином и взяв у него письма к хозяевам других постоялых дворов, где им предстояло останавливаться, они двинулись по дороге на Севилью, очень довольные, что, по-видимому, их никто не преследует.

Весь этот день, делая остановки только для того, чтобы передохнуть самим и дать отдых лошадям, Маргарет, ее отец и Питер ехали без всяких приключений по плодородной равнине, орошаемой несколькими реками, через которые они переправлялись вброд или по мостам. К ночи они добрались до Осуны. Этот старинный город расположен на высоком холме, и наши путники увидели его издалека. Было уже темно, и это позволило беглецам проехать так, что никто не обратил внимания на их мавританскую одежду.

Наконец они добрались до постоялого двора, который им рекомендовали. Хозяин изумленно посмотрел на их одежду, но, сообразив, что у пу-

тешественников много денег, принял их хорошо, и им удалось получить комнаты.

В Осуне Кастелл собирался купить испанскую одежду, но оказалось, что они попали в праздник и все лавки заперты. Однако ждать до утра беглецы не хотели — они стремились доехать до Севильи к вечеру следующего дня, надеясь, что под покровом темноты им удастся пробраться на борт «Маргарет». Они знали, что капитан предупрежден о предполагаемом путешествии и ждет их. Необходимо было покинуть Осуну до рассвета. Таким образом, к несчастью, как это потом выяснилось, они не имели возможности снять с себя мавританскую одежду и сменить ее на христианскую.

Маргарет, Питер и Кастелл надеялись, что в Осуне к ним присоединится Инесса — она обещала сделать это, если удастся, — и расскажет им все, что произошло после их отъезда из Гранады. Но Инессы не было. Утешая себя тем, что, как бы ни торопилась Инесса, ей трудно было нагнать их, так как они выехали на несколько часов раньше, беглецы покинули Осуну затемно, когда все еще спали.

Проехав несколько миль по равнине, они выехали через оливковую рощу к холмам, где росли

пробковые деревья, и остановились, чтобы перекурить самим и покормить лошадей. Как раз в ту минуту, когда они собирались ехать дальше, Питер увидел группу всадников весьма угрожающей внешности, скачущих с явной целью отрезать их от дороги.

— Бандиты! — лаконично бросил Питер. — Вперед!

Они пустили лошадей в галоп и промчались перед бандитами раньше, чем последние успели достигнуть дороги. Разбойники что-то кричали, вслед полетело несколько стрел, и вся банда бросилась в погоню. Питер, Кастелл и Маргарет скакали вниз по склону холма к лощине, отделявшей их от следующей гряды холмов, тоже покрытых пробковыми деревьями. Это была болотистая лощина шириной примерно в три мили. Питер надеялся, что бандиты откажутся от погони или ему с его спутниками удастся скрыться от преследователей среди деревьев. Однако, когда цель была уже близка, Питер, к своему ужасу, увидел прямо впереди на дороге другую группу людей такого же разбойничьего вида. Их было человек двенадцать.

— Ловушка! — воскликнул Питер. — Мы должны прорваться, в этом наше единственное спасе-

ние. — Он пришпорил лошадь и обнажил меч.

Выбрав место, где линия противников была слабее, Питер довольно легко пробился, но в следующее мгновение он услышал позади себя крик Маргарет и, повернув лошадь, увидел Маргарет и Кастелла в руках бандитов. Эти негодяи держали Маргарет, а один из них пытался сорвать с ее лица вуаль. С яростным криком Питер бросился на него и нанес ему удар такой силы, что меч рассек шлем и череп бандита, и тот свалился замертво, продолжая сжимать в руке вуаль Маргарет.

Пять или шесть человек бросились на Питера, и, хотя ему удалось ранить еще одного противника, они стащили его с лошади. Питер упал навзничь, и бандиты навалились на него, чтобы прикончить, пока он не встал. Их мечи и ножи уже были занесены и Питер прощался с жизнью, когда вдруг он услышал голос, приказывающий остановиться и связать ему руки. Это было быстро сделано, и Питер поднялся с земли. Он увидел перед собой не маркиза Морелла, как ожидал, а человека, облаченного в прекрасные доспехи под грубым плащом, по-видимому, офицера.

— Как ты, мавр, осмелился убить солдата Святой эрмандады в сердце королевских владений? — спросил он, указывая на убитого человека.

— Я не мавр, — возразил Питер на плохом испанском языке, — я христианин, бежавший из Гранады. Я зарубил этого человека потому, что он пытался оскорбить мою невесту. Вы сами на моем месте поступили бы так же, сеньор. Я не знал, что это солдат эрмандады, я думал, что он просто бандит, каких здесь немало в горах.

Эта речь, во всяком случае настолько, насколько тот понял ее, понравилась офицеру. Но прежде чем он успел что-либо сказать, вмешался Кастелл:

— Господин офицер, этот сеньор — англичанин и плохо говорит по-испански…

— Зато он хорошо владеет мечом, — перебил его офицер, взглянув на разрубленный шлем и голову мертвого солдата.

— Да, господин, он человек вашей профессии и, как показывает шрам на его лице, сражался во многих войнах. Он говорит правду. Мы христианские пленники, бежавшие из Гранады, и направляемся в Севилью вместе с моей дочерью, которой, я надеюсь, вы не причините вреда, чтобы просить защиты у их милостивых величеств и найти возможность уехать в Англию.

— Вы не похожи на англичанина, — заметил офицер, — вы смахиваете на марана.

— Я купец из Лондона, мое имя Кастелл. Оно хорошо известно в Севилье, да и повсюду в этой стране, потому что у меня здесь крупные дела, и, если только я смогу увидеть вашего короля, он сам подтвердит это. Пусть вас не смущает наша одежда — мы должны были облачиться в нее только для того, чтобы спастись из Гранады. И я умоляю вас отпустить нас в Севилью.

— Сеньор Кастелл, — ответил офицер, — я капитан Аррано Пуэбло. Поскольку вы не остановились, когда мы требовали этого, и убили одного из моих лучших солдат, вы, конечно, поедете в Севилью, но не один, а со мной. Вы мои пленники, но не бойтесь этого. Никакого насилия в отношении вас или вашей дамы не будет допущено. Вы должны держать ответ за все совершенное перед королевским судом, и там вы все расскажете, будь то правда или ложь.

У Питера и Кастелла отобрали их мечи, им всем разрешили сесть на своих лошадей, и они тронулись по дороге на Севилью.

— В конце концов, — шепнула Питеру Маргарет, — нам нечего больше бояться бандитов.

— Так-то так, — вздохнул Питер, — но я надеялся, что сегодня мы будем ночевать на борту «Маргарет» в то время, как она будет идти вниз

по реке, к открытому морю, а не в испанской тюрьме. Ну и судьба! Второй раз я убиваю человека из-за тебя и вся история начинается сначала. Вот уж не везет.

— Могло быть еще хуже, — ответила Маргарет, вспоминая грубые руки убитого солдата.

Весь остаток этого дня они ехали под палящим солнцем по направлению к Севилье, над которой на несколько сот футов возвышалась башня Жиральда. Когда-то она была минаретом мавританской мечети. В конце концов, под вечер, путешественники оказались в восточном предместье этого огромного города, миновали его, въехали в большие ворота и стали пробираться по извилистым улочкам.

— Куда мы направляемся, капитан Аррано? — поинтересовался Кастелл.

— В тюрьму Святой эрмандады, где вы будете ожидать суда за убийство одного из ее солдат, — ответил офицер.

— Я уже молю бога, чтобы мы скорее туда попали, — заметил Питер, глядя на Маргарет, которая от усталости качалась в седле, как цветок от ветра.

— Я тоже, — пробормотал Кастелл, поглядывая по сторонам на мрачные лица прохожих,

которые, узнав, что пленники убили испанского солдата и принимая их за мавров, целыми толпами сопровождали их, выкрикивая угрозы. Когда они пересекали какую-то площадь, священник в толпе крикнул: «Убейте их!» — и толпа бросилась стаскивать их с коней. Солдаты с трудом оттеснили ее.

Тогда толпа принялась забрасывать их грязью, и вскоре белые одежды путешественников покрылись пятнами. Какой-то парень бросил камень и попал Маргарет в руку, она вскрикнула и выпустила поводья. Этого оказалось достаточно для вспыльчивого Питера — прежде чем солдаты успели вмешаться, он пришпорил лошадь, вырвался вперед и нанес оскорбителю такой удар в лицо, что тот свалился на землю. Кастелл решил, что теперь их уж наверняка убьют; однако, к его изумлению, в толпе вместо этого поднялся хохот, и кто-то крикнул:

— Хороший удар, мавр! У этого неверного тяжелая рука!

Офицер тоже как будто не рассердился. Когда парень поднялся с земли и в руке у него оказался нож, офицер обнажил меч и свалил его одним ударом. Затем офицер обратился к Питеру:

— Не марайте рук об эту уличную свинью,

сеньор.

Он обернулся и приказал солдатам разогнать зевак. Наконец путники выбрались из толпы и после длительной езды по боковым улицам, чтобы избежать главных, оказались перед большим мрачным зданием. Ворота здания распахнулись перед ними и опять захлопнулись. Они очутились во внутреннем дворе. Здесь им приказали спешиться, а лошадей увели. Капитан Аррано вступил в переговоры с комендантом тюрьмы, человеком с суровым, но не злым лицом, который с любопытством рассматривал их. Наконец он подошел и осведомился, есть ли у них деньги, чтобы заплатить за хорошие комнаты, так как он не хочет помещать их в общей камере. Кастелл вместо ответа вытащил пять золотых и, передавая их капитану Аррано, попросил его раздать солдатам в благодарность за то, что они охраняли путешественников во время пути. При этом он добавил — достаточно громко, чтобы все слышали, — что он хотел бы возместить убытки родственникам солдата, которого случайно убил Питер. Это заявление произвело благоприятное впечатление. Один из товарищей убитого заявил, что он сообщит об этом вдове, и от имени всех поблагодарил Кастелла. Они попрощались с офи-

цером, который сказал, что они еще встретятся в суде. Затем их повели всевозможными тюремными переходами в отведенные им комнаты — одну маленькую, а вторую большую, с решетчатыми окнами, дали воды помыться и обещали принести еду.

Через некоторое время тюремщики принесли им мясо, яйца и вино, чему заключенные были весьма рады. Пока они ели, в камеру пришли комендант и нотариус и, дождавшись окончания трапезы, принялись допрашивать заключенных.

— Наша история довольно длинная, — начал Кастелл, — но, с вашего разрешения, я расскажу ее вам. Только прошу вас позволить моей дочери, донне Маргарет, пойти отдыхать, она совершенно измучена. Если возможно, допросите ее завтра.

Комендант согласился. Маргарет откинула вуаль, чтобы обнять отца. Комендант и нотариус были поражены ее красотой и в изумлении уставились на нее. Маргарет протянула руку Питеру для поцелуя, поклонилась присутствующим и ушла прилечь в соседнюю комнату.

После ее ухода Кастелл рассказал всю историю о похищении его дочери маркизом Морелла, чье имя заставило коменданта широко раскрыть глаза, о том, как она была увезена из Лондона

в Гранаду, как они, отец и жених, последовали за ней и как им всем удалось бежать. Однако о Бетти и о заговоре с подменой невесты Кастелл не сказал ни слова. Кастелл назвал свою фамилию, сообщил, чем он занимается, а также назвал своих партнеров и компаньонов в Севилье — фирму Бернальдеса. Оказалось, что комендант знает эту фирму, и Кастелл попросил его разрешения связаться с главой фирмы, сеньором Хуаном Бернальдесом. Кастелл подчеркнул, что он и его спутники не воры и не искатели приключений, а просто английские подданные, попавшие в беду, и еще раз намекнул, что они могут и готовы заплатить за все услуги, которые им будут оказаны. Эти слова не остались незамеченными комендантом.

Комендант обещал связаться со своим начальством и, если не последует никаких возражений, послать человека к сеньору Бернальдесу с просьбой завтра посетить тюрьму.

Наконец комендант и нотариус ушли, тюремщики убрали со стола, заперли дверь, и Кастелл с Питером улеглись в своих постелях, довольные, что они уже в Севилье, хотя и в тюрьме. Эту ночь они спали спокойно.

Утром они проснулись отдохнувшие. После

завтрака появился комендант в сопровождении сеньора Хуана Бернальдеса. Это был не кто иной, как испанский компаньон Кастелла, писавший ему известные читателю тайные письма. Бернальдес был плотный мужчина со спокойным и умным лицом, не слишком многословный.

Приветствовав Кастелла с почтением, которое не укрылось от коменданта, Бернальдес попросил разрешения поговорить с заключенным наедине. Комендант удалился, сказав, что вернется через час. Как только дверь за ним закрылась, Бернальдес обратился к Кастеллу:

— В довольно страшном месте пришлось нам встретиться, Джон Кастелл. Правда, меня это не так уж удивляет: некоторые ваши письма дошли до меня. Ваше судно «Маргарет» отремонтировано и ждет вас; чтобы избежать подозрений, я начал понемногу грузить его товарами для Англии. Только я представить себе не могу, как вы попадете туда. Однако нам нельзя терять время. Рассказывайте мне все по порядку, ничего не упуская.

Кастелл и Питер рассказали ему все как можно короче. Бернальдес слушал молча. Когда они кончили, он обратился к Питеру:

— Очень жаль, молодой человек, что вы не

сумели сдержать свой гнев и убили этого солдата. Неприятности, которые уже почти кончались, теперь начинаются вновь, и в еще худшем виде. Маркиз Морелла весьма могущественный человек в этой стране. Вы могли это заключить даже из того, что их величества послали его в Лондон вести переговоры с вашим английским королем Генрихом в отношении евреев и их судеб в том случае, если кто-нибудь из них после изгнания из Испании будет искать убежища в Англии. Именно об этом все говорят. И я должен предупредить вас, что их величества ненавидят евреев, в особенности маранов. Здесь, в Севилье, их дюжинами сжигают на кострах. — При этом Бернальдес многозначительно посмотрел на Кастелла.

— Я сам сожалею, — вздохнул Питер, — но этот парень так грубо схватил Маргарет, что я совершенно потерял голову и не мог сдержаться. Уже второй раз я попадаю в неприятности по точно такому же поводу. К тому же я думал, что он просто бандит.

— Любовь — плохой дипломат, — слегка улыбаясь, заметил Бернальдес, — и стоит ли считать прошлогодние облака. Что сделано, того не вернешь. Я постараюсь устроить так, чтобы вы все

были вызваны к их величествам послезавтра, когда они будут слушать судебные дела. Лучше вам иметь дело с самой королевой, чем просто с кем-нибудь из судей. У королевы доброе сердце, если к нему найти путь, но только не тогда, когда дело касается евреев или маранов, — и он опять посмотрел на Кастелла. — Однако денег у вас много, а у нас в Испании мы въезжаем на небо на золотых, — добавил он, намекая на деньги и продажность.

Больше они ни о чем не смогли поговорить, — вернулся комендант, который заявил, что время сеньора Бернальдеса истекло, и спросил, кончили ли они свою беседу.

— Не совсем, уважаемый комендант, — сказала Маргарет, — я хотела бы получить ваше разрешение и попросить сеньора Бернальдеса прислать мне христианское платье. Я не хочу предстать перед вашими судьями в одежде неверных. Да и мой отец и сеньор Брум тоже присоединятся к моей просьбе.

Комендант рассмеялся, пообещал им все устроить и даже разрешил поговорить еще пять минут, которые они использовали для того, чтобы обсудить, какую одежду нужно принести. Затем комендант удалился вместе с сеньором Берналь-

десом, оставив их одних.

Тут только они вспомнили, что не спросили у Бернальдеса, не слышал ли он что-либо об Инессе, которой они дали его адрес. Но, поскольку он сам ничего не сказал о ней, они решили, что Инесса еще не приехала в Севилью, и опять со страхом задумались о том, что могло случиться после их отъезда из Гранады.

В эту ночь, к их огорчению и тревоге, на них обрушилась новая неприятность. После ужина пришел комендант и объявил, что, согласно распоряжению суда, перед которым они должны предстать, сеньор Брум, обвиняемый в убийстве, должен быть помещен отдельно от них. И, несмотря на все уговоры и просьбы, Питера увели в отдельную камеру. Маргарет провожала его со слезами.

ГЛАВА XIX. БЕТТИ ПЛАТИТ СВОИ ДОЛГИ

Бетти Дин не была подвержена страхам и предчувствиям. Рожденная в хорошей, но бедной семье, она в свои двадцать шесть лет сама прокладывала себе дорогу в этом жестоком мире и умела использовать любые обстоятельства. Здоровая, сильная, упорная, любящая, романтичная и по-своему честная, она была приспособлена к тому, чтобы встречать взлеты и падения судьбы, бороться с трудностями в этот беспокойный век, и никогда не оставалась в долгу.

Однако те долгие часы, которые она провела одна в высокой башне, ожидая, пока ее позовут, чтобы сыграть роль подложной невесты, были самыми тяжелыми часами в ее жизни. Она понимала, что ее положение, по существу, позорно и может кончиться трагически. Теперь, хладнокровно обдумывая все, она сама удивлялась, почему решила выбрать этот путь. Она влюбилась в маркиза почти с первого взгляда, хотя нечто подобное бывало с ней в отношении других мужчин. Он играл роль влюбленного, пока она,

обманутая, всерьез не отдала ему свое сердце, уверенная в своем ослеплении, что, несмотря на разницу в их положении, он любит ее и хочет сделать своей женой.

Потом пришел мучительный день разочарования, когда она узнала, что была всего-навсего, как сказала Инесса Кастеллу, простой приманкой, чтобы поймать белого лебедя — ее кузину и хозяйку. Это случилось в тот день, когда она была обманута письмом, которое она до сих пор прячет на груди, и когда, к ужасу, услышала, как ее в лицо назвали дурой. Тогда она поклялась в душе, что отомстит Морелла за все. И вот теперь пришел час выполнить свою клятву и отплатить ему обманом за обман.

Продолжала ли она любить этого человека? Она не могла ответить на этот вопрос. Он нравился ей, как и раньше, а в таких случаях женщины прощают многое. Однако одно можно было сказать наверняка: в эту ночь ею руководила не любовь. Была ли это жажда мести? Может быть. Во всяком случае, она страстно хотела получить возможность бросить ему в лицо: «Вот на какую хитрость способна обманутая дура!»

И все-таки она не стала бы делать это только во имя мести, или скорее, она отомстила бы

каким-нибудь другим способом. Нет, истинной причиной было ее желание заплатить долг Маргарет, Питеру и Кастеллу. Ведь это она навлекла на них все несчастья, и именно она должна была вызволить их хотя бы ценой своей жизни и женского достоинства. А может быть, ею руководили и любовь к Морелла, если она еще сохранилась, и желание отомстить ему и вырвать добычу у него из рук. В конце концов, она затеяла эту игру, и она доведет ее до конца, как бы ужасен он ни был.

Солнце село, и темнота обступила Бетти. Она подумала, придется ли ей еще когда-нибудь увидеть рассвет. Ее храброе сердце дрогнуло, и она сжала кинжал, спрятанный под великолепным чужим платьем. Ей пришло в голову, что, может быть, разумнее самой вонзить его себе в грудь, а не ждать, пока обманутый безумец сделает это. Но нет, кому суждено умереть, всегда успеет это сделать.

Раздался стук в дверь, и храбрость Бетти, почти утраченная, вернулась к ней. О, она покажет этому испанцу, что англичанка, которую он заставил поверить, что она его желанная возлюбленная, может оказаться его повелительницей! Во всяком случае, прежде чем все это кончится, он услышит правду.

Бетти открыла дверь. Вошла Инесса с лампой в руках. Она спокойно и внимательно осмотрела Бетти.

— Жених готов, — произнесла она медленно, чтобы Бетти могла разобрать, — и прислал меня за вами. Вы не боитесь?

— Нет, — ответила Бетти. — Скажите мне только, как все это будет устроено.

— Маркиз ожидает вас в комнате перед залой, используемой в качестве капеллы. Там я, как старшая здесь, подам вам обоим по чаше вина. Пейте обязательно из той, которую я буду держать в левой руке, поднесите чашу ко рту под вуалью так, чтобы не открывать лицо, и не произносите ни слова, иначе он узнает ваш голос. Затем мы пройдем в капеллу, где нас будет ждать отец Энрике и все домочадцы. Зала эта большая, а лампы будут слабые, так что никто не узнает вас. К тому времени вино с подмешанным в него наркотиком начнет действовать на Морелла. И тогда при условии, что вы будете говорить очень тихо, вы спокойно можете сказать: «Я, Бетти, вступаю в брак с тобою, Карлос», а не: «я, Маргарет…». Когда с этим будет покончено, он отведет вас в покои, приготовленные для вас, и там, если в моем вине есть какая-нибудь сила, он будет крепко спать

всю ночь. А за это время священник передаст мне брачные документы, один экземпляр которых я отдам вам, а второй спрячу. Ну, а потом… — Инесса пожала плечами.

— Что будет с вами? — спросила Бетти, внимательно выслушав Инессу.

— О, я вместе со святым отцом сегодня же ночью выеду в Севилью, где его ожидают деньги. Это дурной компаньон для женщины, которая отныне собирается стать честной и богатой, но лучше такой, чем никакого. Быть может, мы еще встретимся с вами, а может, и нет. Во всяком случае, вы знаете, где искать меня и всех остальных: в доме сеньора Бернальдеса. А теперь пора. Готовы ли вы стать испанской маркизой?

— Конечно, — невозмутимо ответила Бетти.

И они направились к выходу. Они шли через пустые залы и коридоры. Пожалуй, ни один восточный заговор, задуманный в этих стенах, не был таким смелым и отчаянным. Наконец они добрались до комнаты перед залой и остановились так, чтобы свет от висящей лампы не падал на них. Вскоре дверь раскрылась и вошел Морелла в сопровождении двух секретарей. Как всегда, он был роскошно одет в платье из черного бархата, на шее у него висела золотая цепь, украшенная

драгоценными камнями, а на груди блистали звезды и ордена, указывавшие на его звание. Никогда, во всяком случае так показалось Бетти, Морелла не выглядел столь величественным и красивым. Он был счастлив, готовясь испить чашу радости, которой он так добивался. Да, его лицо говорило, что он счастлив, и Бетти, заметив это, почувствовала, как угрызения совести закрадываются в ее душу. Морелла низко поклонился ей, она ответила ему глубоким реверансом. Ее высокая, изящная фигура склонилась так низко, что колени почти коснулись пола. После этого он подошел к ней и шепнул на ухо:

— Самая красивая, самая любимая! Я благодарю небеса, которые привели меня к этому счастливому часу сквозь много жестоких и опасных дорог. Дорогая моя, я снова прошу вас простить меня за причиненное вам горе. Ведь все это я делал только ради вас, которую я обожаю. Я люблю вас так, как редко любят женщину, и вам, вам одной, я буду верен до последнего дня своей жизни. О, не трепещите, я клянусь, что ни одна женщина в Испании не будет иметь лучшего и более верного мужа! Вас одну я буду лелеять, я буду бороться днем и ночью, чтобы вознести вас до самого высокого положения и удовлетворять каждое

ваше желание. Много блаженных лет проживем мы вместе, пока не настанет мирный конец и мы не ляжем рядом, чтобы уснуть ненадолго и проснуться на небесах. Помня прошлое, я не прошу у вас многого, и все-таки, если вы хотите сделать мне свадебный подарок, который для меня ценнее корон или царств, скажите, что вы простили меня за все, что я сделал худого, и в знак этого поднимите свою вуаль и поцелуйте меня в губы.

Бетти с трепетом слушала эти слова, из которых она полностью поняла только конец. Этого испытания она не предвидела. Однако нужно было пройти и через это, ибо произносить что-либо она не смела. Собрав все свое мужество и помня, что свет не падает ей в лицо, Бетти после небольшой паузы, как бы вызванной скромностью, приподняла свою украшенную жемчугом вуаль и дала Морелла поцеловать себя в губы.

Вуаль упала опять, и Морелла ничего не заподозрил.

«Я хорошая актриса, — подумала про себя Инесса, — но эта женщина играет лучше деревянного Питера. Даже я вряд ли сумела бы сделать это так хорошо».

Однако в глазах ее сверкнула ревность и нена-

висть, которые она не могла скрыть, — ведь она тоже любила этого человека. Инесса подняла приготовленные золотые чаши с вином и, выйдя вперед, прекрасная в своем вышитом восточном платье, опустилась на колено и протянула чаши жениху и невесте. Морелла взял чашу, которую она держала в правой руке, а Бетти взяла из левой. Опьяненный уже первым поцелуем любви, Морелла не заметил злого выражения, промелькнувшего на лице его отвергнутой рабыни. Бетти, приподняв вуаль, поднесла чашу ко рту, коснулась ее губами и вернула Инессе, а Морелла, воскликнув: «Я пью за вас, дорогая моя невеста, самая красивая и самая обожаемая из женщин!» — выпил чашу до дна и бросил ее в качестве подарка Инессе так, что капли красного вина обрызгали ее белую одежду подобно каплям крови.

Инесса смиренно склонилась в поклоне, смиренно подняла с пола драгоценный сосуд, и, когда она выпрямилась, в глазах ее вместо ненависти сверкало торжество.

Морелла взял руку своей невесты и, сопровождаемый секретарями и Инессой, направился в большую залу, где выстроилось множество домочадцев. Величественная пара прошла между

двумя кланяющимися шеренгами дальше к алтарю, где их ожидал священник. Они опустились на колени на расшитые золотом подушки, и церковный обряд начался. Кольцо было надето Бетти на палец, — казалось, что жених с трудом нашел ее палец, — мужчина брал женщину в жены, женщина брала мужчину в мужья. Голос Морелла звучал хрипло, голос Бетти тихо — из всей слушавшей толпы никто не расслышал, какие имена были названы.

Все было кончено. Священник поклонился и благословил их. При свете свечей на алтаре они подписали какие-то бумаги. Отец Энрике вписал туда имена и тоже подписался. Затем он присыпал бумаги песком и вложил их в протянутую руку Инессы. Морелла, по-видимому, не заметил, что она передала одну бумагу невесте, а другие две спрятала у себя на груди. Инесса и священник поцеловали руки у маркиза и его супруги и попросили разрешения удалиться. Морелла кивнул головой, и через десять минут, если бы кто-нибудь прислушался, то уловил бы топот двух коней, мчащихся по дороге на Севилью.

Новобрачные, сопровождаемые пажами и слугами, несущими светильники, миновали величественные и мрачные залы. Невеста шла

покрытая вуалью, с видом обреченной, у жениха были такие глаза, как у человека, идущего во сне. Так они дошли до своей комнаты, и резные двери закрылись за ними.

На следующее утро служанок, ожидавших в соседней со спальней комнате, вызвал звук серебряного колокольчика. Когда две из них вошли туда, их встретила Бетти, теперь уже без вуали, одетая в свободное платье, и сказала:

— Мой муж маркиз еще спит. Помогите мне одеться и приготовьте ему ванну и завтрак.

Служанки в удивлении раскрыли рты. Она смыла с лица краску, и они убедились, что это сеньора Бетти, а вовсе не сеньора Маргарет, на которой, как они слышали, женится маркиз. Однако Бетти резко прикрикнула на них и, плохо произнося испанские слова, приказала им быстрее поворачиваться, чтобы она была одета прежде, чем проснется ее муж. Они повиновались, и, когда Бетти была готова, она вышла с ними в большую залу, где собралось множество слуг, чтобы приветствовать новобрачных. Бетти поздоровалась со всеми и, краснея и улыбаясь, сказала, что маркиз скоро выйдет, и приказала заниматься своими делами.

Бетти так хорошо сыграла свою роль, что хотя

слуги были смущены, однако никому не пришло в голову усомниться в ее положении или власти, тем более что они помнили, что маркиз никому из них не говорил, на которой из двух английских леди он собирается жениться. К тому же Бетти раздала им от имени своего мужа и себя денежные подарки, а затем села завтракать в их присутствии, выпила немножко вина, выслушивая их поздравления и добрые пожелания.

Затем, все так же улыбаясь, Бетти вернулась в спальню, закрыла за собой дверь, уселась в кресло рядом с кроватью и стала ожидать главного сражения — сражения, от которого зависела ее жизнь.

Но вот Морелла пошевелился. Он сел на кровати, осматриваясь и потирая лоб. Наконец его глаза остановились на Бетти, которая, выпрямившись, сидела в кресле. Она поднялась, подошла к нему, поцеловала, назвав мужем, и он, полусонный, ответил на поцелуй. Затем она опять уселась в кресло и стала наблюдать за его лицом.

Оно все изменялось и изменялось. Удивление, страх, изумление, замешательство сменялись на его лице, пока наконец он не обратился к ней по-английски:

— Бетти, где моя жена?

— Здесь, — ответила Бетти.

Он непонимающе посмотрел на нее:

— Нет, я имею в виду донну Маргарет, вашу кузину и мою госпожу, с которой я обвенчался прошлой ночью. И как вы сюда попали? Я был уверен, что вы покинули Гранаду.

Бетти сделала удивленные глаза.

— Я не понимаю вас, — сказала она. — Это моя кузина Маргарет покинула Гранаду, а я осталась здесь, чтобы стать вашей женой, как вы договорились со мной через Инессу.

У Морелла глаза полезли на лоб.

— Договорился с вами через Инессу? Матерь божья! Что вы имеете в виду?

— Что я имею в виду? — переспросила Бетти. — Я имею в виду то, что я сказала. Конечно, — и она в негодовании встала, — если вы не упустили случая сыграть со мной какую-нибудь новую шутку.

— Шутку? — пробормотал Морелла. — О чем говорит эта женщина? Что это, сон или я сошел с ума?

— Я думаю, что сон. Конечно, это сон: ведь я уверена, что человек, с которым я обвенчалась вчера вечером, не был сумасшедшим. Смотрите! — И она развернула перед ним брачный документ, подписанный священником, им и ею, в котором

было записано, что Карлос, маркиз Морелла, такого-то числа в Гранаде обвенчался с сеньорой Элизабет Дин из Лондона, Англия.

Морелла дважды прочитал бумагу и, задыхаясь, откинулся на подушки. Между тем Бетти спрятала документ у себя на груди.

И тут маркиз действительно будто сошел с ума. Он неистовствовал, ругался, скрежетал зубами, искал меч, чтобы убить ее или себя, но не мог найти. Все это время Бетти спокойно сидела и пристально смотрела на него. Она была похожа на воплощение судьбы.

Наконец он устал, и тогда настала ее очередь.

— Выслушайте меня, — начала она. — Тогда в Лондоне вы обещали жениться на мне. У меня спрятано ваше письмо. Вы уговорили меня бежать с вами в Испанию. Через вашу посланницу и бывшую любовницу мы договорились о свадьбе. Я получала от вас письма и отвечала вам, поскольку вы объяснили, что по некоторым соображениям не хотите говорить об этом при моей кузине Маргарет и не можете жениться на мне, пока она, ее отец и возлюбленный не покинут Гранаду. Тогда я попрощалась с ними и осталась здесь одна из любви к вам, так же как я бежала из Лондона по той же причине. Вчера вечером

мы были соединены. Об этом знают все ваши слуги, тем более что я только что завтракала в их присутствии и принимала их поздравления. И вы теперь осмеливаетесь говорить мне, пожертвовавшей для вас всем, что я, ваша жена, маркиза Морелла, не являюсь вашей женой? Ну что ж, выйдите из этой комнаты, и вы услышите, как ваши же слуги будут стыдить вас. Пойдите расскажите обо всем вашему королю и вашим епископам, да и самому его святейшеству папе римскому и послушайте, что они вам ответят. Как бы вы ни были знатны и богаты, они запрут вас в сумасшедший дом или в тюрьму.

Морелла слушал, покачиваясь из стороны в сторону, затем вскочил и с проклятьями бросился на Бетти, однако перед его глазами блеснуло острие кинжала.

— Выслушайте меня, — продолжала Бетти, когда он отпрянул назад. — Я не рабыня и не принадлежу к числу слабых женщин. Вы не убьете меня и даже не выбросите вон. Я ваша жена и во всем равна вам. Я крепче вас телом и разумом, и я отстою свои права перед богом и перед людьми.

— Конечно! — воскликнул Морелла почти с восхищением. — Конечно, вы не слабая женщина! И вы отплатили мне за все с лихвой. А впрочем,

вы, может быть, не так уж умны, просто упрямая дура, и это все месть проклятой Инессы. О, подумать только, — он взмахнул кулаком, — подумать только — я считал, что женился на донне Маргарет, а вместо нее нашел вас!

— Помолчите! — сказала она. — Вы бесстыжий человек. Сначала вы бросаетесь с кулаками на вашу жену, с которой только что обвенчались, а затем оскорбляете ее, говоря, что хотели бы жениться на другой женщине. Помолчите, или я открою дверь, позову сюда ваших людей и повторю им ваши чудовищные слова.

Бетти стояла выпрямившись над лежащим на кровати маркизом.

Морелла, первый гнев которого прошел, посмотрел на нее в раздумье и даже с некоторым уважением.

— Я думаю, — сказал он, — что вы, моя добрая Бетти, оказались бы очень хорошей женой для любого человека, который захотел бы добиться успеха в жизни, если бы он только не был влюблен в другую и не был бы уверен, что женат на ней. Я знаю — дверь заперта и, насколько я могу предполагать, вы держите ключ при себе, так же как и кинжал. Мне душно в этом помещении, и я хотел бы выйти отсюда.

— Куда? — спросила Бетти.

— Допустим, повидать Инессу.

— Как, — спросила она, — вы опять собираетесь ухаживать за этой женщиной? Вы уже забыли, что вы женаты!

— Похоже, что мне не дадут забыть об этом. Давайте заключим сделку. Я хочу на некоторое время и без скандала оставить Гранаду. Каковы ваши условия? Помните, что есть два условия, на которые я не соглашусь: я не останусь здесь с вами, и вы не поедете со мной. Запомните также, что, хотя сейчас у вас есть кинжал, с вашей стороны неразумно продолжать эту шутку.

— Как и с вашей, когда вы заманили меня на борт «Сан Антонио», — заметила Бетти. — Ну что ж, наш медовый месяц начался не слишком приятно. Я не возражаю, если вы на некоторое время уедете… искать Инессу. Поклянитесь, что вы не замыслили причинить мне зло, что вы не будете покушаться на мою жизнь или честь и не будете покушаться на мою свободу или положение здесь, в Гранаде. Клянитесь на распятии.

Она сорвала со стены висевший над кроватью серебряный крест и протянула ему. Бетти знала, что Морелла суеверен, и была уверена, что, если он поклянется на распятии, он не посмеет нару-

шить клятву.

— А если я не сделаю этого? — мрачно спросил он.

— Тогда вы останетесь здесь, пока не выполните мое желание. А ведь вам так хочется уехать! К тому же я сегодня завтракала, а вы нет. У меня есть кинжал, а у вас его нет. И я уверена, что никто не отважится потревожить нас. А пока что Инесса и ее друг священник уедут так далеко, что вы не сможете догнать их.

— Хорошо, я поклянусь, — согласился Морелла; он поцеловал крест и отбросил его прочь. — Вы можете оставаться здесь и управлять моим домом в Гранаде. Я не причиню вам никакого зла и никак не потревожу вас. Но если вы покинете Гранаду, тогда мы скрестим мечи.

— Вы хотите сказать, что сами покидаете этот город. Тогда вот здесь бумага и чернила. Будьте добры, подпишите приказ управляющим вашими имениями на территории мавританского королевства, чтобы они в ваше отсутствие присылали мне все доходы, а также распоряжение вашим слугам во всем повиноваться мне.

— Сразу видно, что вы выросли в доме купца! — произнес Морелла, кусая перо. — Хорошо, если я соглашусь на это, вы оставите меня в покое и не

будете предъявлять других требований?

Бетти подумала о бумагах, которые увезла с собой Инесса, и решила, что Кастелл и Маргарет будут знать, что делать с этими бумагами в случае необходимости. Она подумала также, что, если слишком прижмет Морелла с самого начала, ее могут однажды найти мертвой, как это часто бывает в Гранаде, и ответила:

— Вы многого хотите от обманутой женщины, но у меня осталась еще гордость, и я не буду соваться туда, куда не следует. Пусть будет так. До тех пор, пока вы не пожелаете меня видеть и не пошлете за мной, я не буду разыскивать вас, если вы сами не нарушите нашего договора. А теперь напишите бумаги, подпишите их и позовите сюда ваших секретарей засвидетельствовать вашу подпись.

— На чье имя я должен писать бумаги? — спросил Морелла.

— На имя маркизы Морелла, — отвечала она.

И он, заметив в этих словах лазейку, повиновался. Маркиз подумал, что если она не является его женой, то документ этот не будет иметь никакой силы.

Каким угодно путем, но он должен избавиться от этой женщины. Конечно, он мог устроить так,

чтобы ее убили, но даже в Гранаде нельзя убить женщину, на которой ты только что женился. Это может вызвать нежелательные вопросы. Кроме того, у Бетти есть друзья, а у него есть враги, которые наверняка справятся о ней в случае ее исчезновения. Нет, он подпишет эту бумагу, а потом будет бороться. Сейчас он не может терять время. Маргарет ускользнула от него, и, если ей удастся бежать из Испании, он знал, что никогда больше не увидит ее. Она могла уже покинуть пределы Испании и выйти замуж за Питера Брума. Одна мысль об этом сводила его с ума. Против него был устроен заговор, его перехитрили, обворовали, обманули. Ну что ж, у него остается надежда и… месть. Он еще может сразиться с Питером и убить его. Он может предать еврея Кастелла в руки инквизиции. Он найдет средство договориться с отцом Энрике и с Инессой, и, если счастье улыбнется ему, он может заполучить Маргарет обратно.

Да, конечно, он подпишет все что угодно, если только это освободит его на время от этой служанки, которая называет себя его женой, от этой упрямой, сильной и умной англичанки, которую он хотел сделать своим орудием, а вместо этого сам стал орудием в ее руках.

Итак, Бетти диктовала, а он писал — да, он дошел до этого, — а затем еще и подписал написанное. Распоряжение было исчерпывающим. Оно предоставляло высокочтимой маркизе Морелла право действовать от имени своего мужа во время его отсутствия. Приказ обязывал, чтобы все доходы поступали в ее распоряжение, а слуги и подчиненные выполняли ее приказания, как его собственные. Ее подпись получала такую же силу, как и его.

Когда бумага была готова, Бетти внимательно прочитала ее, следя за тем, нет ли пропусков или ошибок, отперла дверь, ударила в гонг и вызвала секретарей, чтобы они засвидетельствовали подпись своего господина. Они тут же явились, кланяясь и желая им счастья. Про себя Морелла решил, что припомнит им это.

— Я должен уехать, — заявил он. — Засвидетельствуйте мою подпись на этом документе, предоставляющем право управлять моим домом и распоряжаться моим имуществом в мое отсутствие.

Они удивленно посмотрели на него и склонились в поклоне.

— Прочтите эту бумагу вслух, — распорядилась Бетти, — чтобы мой господин и муж мог быть

уверен, что тут нет никакой ошибки.

Один из секретарей повиновался, но, прежде чем он кончил читать, разъяренный Морелла закричал ему с кровати:

— Кончайте скорее и скрепите подпись! А теперь идите и прикажите немедленно готовить лошадей и эскорт. Я сейчас же еду.

Они торопливо покинули комнату. Бетти вышла за ними следом с бумагой в руке. В большой зале, где собрались все слуги, чтобы приветствовать своего господина, она приказала секретарям огласить этот документ и перевести его на арабский язык, чтобы он всем был понятен. Затем она спрятала бумагу и брачное свидетельство и приказала слугам приготовиться к встрече благородного маркиза.

Им недолго пришлось ждать, потому что он тут же появился из спальни, как разъяренный бык на арене. Бетти встала и склонилась перед ним. Следуя ее примеру, по восточному обычаю, упали на колени и все слуги. На мгновение Морелла остановился, похожий на быка, когда тот видит пикадора и готов напасть на него. Затем он взял себя в руки и, выругавшись шепотом, прошел между ними.

Через десять минут, в третий раз за эти сутки,

лошади вылетели из ворот дворца по направлению к севильской дороге.

— Друзья, — сказала Бетти на своем ужасном испанском языке, когда ей доложили, что Морелла покинул дворец, — с моим мужем, маркизом, случилась печальная история. Женщина, по имени Инесса, которой он так доверял, бежала, похитив у него сокровище, которое он ценил больше всего на свете, и вот я, только что выйдя замуж, осталась безутешной, пока он будет искать ее.

ГЛАВА XX. ИЗАБЕЛЛА ИСПАНСКАЯ

На следующий день Бернальдес, компаньон Кастелла, опять появился в тюрьме. Вместе с ним пришли портной и женщина с ящиком, полным женской одежды. Комендант приказал им подождать, пока одежду проверят в его присутствии, а Бернальдесу разрешил тут же пройти к арестованным. Как только тот оказался в камере Кастелла, первыми его словами были:

— Ваш маркиз уже женился.

— Откуда вы знаете об этом? — воскликнул Кастелл.

— От женщины по имени Инесса, которая приехала вместе со священником вчера вечером. Она передала мне документ о его браке с Бетти Дин, подписанный самим Морелла. Я не принес его с собой, потому что боялся обыска. Но сюда пришла сама Инесса, переодетая портнихой, так что вы не выказывайте удивления, если ее допустят к вам. Вероятно, она сумеет рассказать донне Маргарет кое-что, если ей разрешат примерить платья без свидетелей. А потом ее необходимо спрятать

понадежнее, ибо она боится мести Морелла. Но я буду знать, где разыскать ее в случае необходимости. Завтра вы все предстанете перед королевой, я тоже буду там и предъявлю документы.

Едва он успел сказать все это, как в комнату вошел комендант в сопровождении портного и Инессы. Инесса присела в реверансе, взглянув на Маргарет уголком глаз. Она с любопытством рассматривала людей, которых как будто видела впервые.

Когда платья были показаны, Маргарет попросила коменданта разрешить ей примерить их в своей комнате с помощью этой женщины. Комендант согласился, заявив, что и платья и портниха обысканы и у него нет никаких возражений. Маргарет с Инессой удалились в соседнюю комнату.

— Расскажите мне все, — прошептала Маргарет, как только дверь за ними закрылась. — Я умираю от желания услышать ваш рассказ.

Они не могли быть уверенными, что здесь за ними никто не наблюдает сквозь какое-нибудь потайное отверстие, и поэтому Инесса принялась примерять на Маргарет платье. И хотя рот ее был полон колючками алоэ, которые в то время употреблялись в качестве булавок, она рассказала Маргарет все, вплоть до момента своего бегства

из Гранады. Когда она дошла до того места, когда мнимая невеста приподняла вуаль и поцеловала жениха, Маргарет чуть не задохнулась от изумления.

— Боже, как она сумела сделать это? — прошептала она. — Я бы упала в обморок.

— У нее есть мужество, у этой Бетти… повернитесь, пожалуйста, к свету, сеньора… я сама не смогла бы сыграть лучше… мне кажется, что левое плечо чуть выше. Он ничего не заподозрил, безмозглый дурак, даже до того, как я подала ему вино, а после он вообще вряд ли мог что-нибудь соображать… Сеньора говорит, что ей жмет под мышкой? Может быть, немного, но это растянется… Хотелось бы мне знать, что произошло потом. Ваша кузина — тот бык, на которого я сделала ставку, и я верю, что она очистит арену. Она женщина со стальными нервами. Если бы у меня были такие, я давно уже была бы маркизой Морелла или другой человек был бы маркизом… Юбка сидит великолепно. Прекрасная фигура! Сеньора выглядит в ней еще лучше… Кстати сказать, Бернальдес дал мне денег, довольно большую сумму, так что вам не нужно благодарить меня. Я сделала это ради денег и… из ненависти. Теперь я скроюсь, так как не хочу, чтобы мне перерезали

горло, но Бернальдес сможет меня найти, если я понадоблюсь. Что со священником? О, он не представляет опасности. Мы заставили его написать расписку в получении денег. Я думаю, что он уже занял свой пост секретаря инквизиции и тут же приступил к исполнению своих обязанностей. Ведь у них не хватает рук, чтобы пытать евреев и еретиков и грабить их. Оба эти занятия ему по нраву. Я ехала с ним всю дорогу до Севильи, и этот грязный негодяй пытался ухаживать за мной, но я дала ему отпор. — Инесса улыбнулась при этом воспоминании. — Правда, я с ним не совсем поссорилась — он еще может пригодиться. Кто знает! Однако пора, комендант зовет меня. Одну минуту! Да, сеньора, с этими небольшими переделками платье будет превосходным. Вы обязательно получите его сегодня вечером, я приготовлю и остальные, которые вам угодно было заказать по этому же образцу. Благодарю вас, сеньора, вы слишком добры к бедной девушке, — и шепотом: — Матерь божья да хранит вас.

Почти скрытая ворохом платьев, Инесса с поклоном переступила порог двери, которую уже открывал комендант.

Около девяти часов на следующее утро явился один из тюремщиков, чтобы вызвать Маргарет и

ее отца в суд. Маргарет осведомилась, вызывают ли вместе с ними и сеньора Брума, но тюремщик ответил, что он ничего не знает о сеньоре Бруме, так как тот находится в камере для опасных преступников, а эту камеру тюремщик не обслуживает.

Маргарет с отцом отправились в суд. Одеты они были в дорогие платья, сшитые по последней севильской моде, лучшие, какие можно было найти за деньги. Во дворе, к своей радости, Маргарет увидела Питера, который под стражей ожидал их, тоже одетый в христианское платье, которое они просили доставить ему за их счет. Маргарет, забыв о своей застенчивости, бросилась к нему, позволила ему обнять ее при всех и начала расспрашивать, как он себя чувствовал, с тех пор как они расстались.

— Не очень хорошо, — мрачно ответил Питер, — я не знал, увидимся ли мы когда-нибудь. К тому же моя камера находится под землей и в нее сквозь решетку почти не проникает свет. Кроме того, там крысы, которые не дают спать. Поэтому я большую часть ночи не спал и думал о тебе. Куда нас теперь ведут?

— Мы должны предстать перед судом королевы. Возьми меня за руку и иди рядом, но не смотри

на меня так пристально. Что-нибудь не в порядке у меня с платьем?

— Нет, — пробормотал Питер, — я смотрю на тебя, потому что ты в нем прекрасна. Почему ты не накинула вуаль? Ведь здесь, при дворе, наверняка есть еще маркизы.

— Только мавританки носят вуали, Питер, а мы теперь опять христиане. Слушай, я думаю, что никто из них не понимает по-английски. Я видела Инессу, которая очень нежно справлялась о тебе. Не красней, это не подобает мужчине. Разве ты тоже ее видел? Она бежала из Гранады, как и хотела, а Бетти вышла замуж за маркиза.

— Этот брак не будет иметь силы, — покачал головой Питер, — ведь это обман. И я боюсь, что бедняжке придется расплачиваться за него. Однако она дала нам возможность бежать, хотя если говорить о тюрьмах, то мне было гораздо лучше в Гранаде, чем в этой крысоловке.

— Конечно, — невинно заметила Маргарет, — у тебя там был садик для прогулок, не так ли? Ну ладно, не сердись на меня. Ты знаешь, что сделала Бетти? — И Маргарет рассказала Питеру, как Бетти подняла вуаль и поцеловала Морелла, оставшись неузнанной.

— Это не так уж удивительно, — заметил Пи-

тер, — ведь женщины, когда они загримированы, очень похожи друг на друга, особенно в полутемной комнате…

— … или в саду, — добавила Маргарет.

— Удивительно то, — продолжал Питер, предпочитая не обращать внимания на эти слова, — что она вообще согласилась поцеловать этого человека. Он же мерзавец. Рассказывала тебе Инесса, как он обращался с ней? При одной мысли об этом я прихожу в бешенство.

— Ну ладно, Питер, тебя ведь он не просил целовать его. А что касается зла, причиненного им Инессе, то хотя ты, конечно, больше знаешь об этом, чем я, но думаю, что она расплатилась с маркизом. Смотри, вон там впереди Алькасар. Замечательный замок, не правда ли? Ты знаешь, его построили мавры.

— Меня мало интересует, кто его построил, — мрачно заметил Питер. — По-моему, он выглядит не хуже других замков, только побольше. Все, что я знаю о нем, это то, что меня будут там судить за удар по голове тому грубияну, и что, может быть, мы в последний раз видим друг друга. Скорее всего они пошлют меня на галеры, если не куда-нибудь похуже.

— О, не говори так! Мне это и в голову не при-

ходило! Ведь это невозможно! — воскликнула Маргарет, и ее темные глаза наполнились слезами.

— Подожди, вот объявится твой маркиз и предъявит нам обвинение, и ты узнаешь, что возможно и что невозможно, — убежденно произнес Питер.

— Но мы уже прошли через кое-какие испытания, будем и теперь надеяться на лучшее.

В эту минуту они оказались перед воротами Алькасара. Путь от тюрьмы до дворца они прошли по саду апельсиновых деревьев. Здесь солдаты разлучили их.

Их провели через двор, где множество людей бегало взад и вперед, и наконец они очутились в огромном зале с мраморными колоннами, сверкавшем золотом. Это был так называемый Зал правосудия. В конце его на троне, установленном на богато украшенном возвышении, вокруг которого стояли гранды и советники, сидела пышно одетая женщина средних лет. У нее были голубые глаза и рыжие волосы, доброжелательное и открытое лицо, но очень сдержанные и спокойные манеры.

— Королева, — прошептал страж, отдавая честь.

Кастелл и Питер поклонились, а Маргарет присела в реверансе.

Только что закончилось разбирательство какого-то дела, и королева Изабелла, посоветовавшись со своими приближенными, в нескольких словах вынесла решение. Пока она говорила, ее нежные голубые глаза остановились на Маргарет, красота которой поразила ее, потом ее взгляд скользнул по высокой фигуре Питера, и, когда дошел до похожего на еврея Кастелла, королева нахмурилась.

Дело было закончено, поднялись следующие просители, но в этот момент королева махнула рукой и, продолжая смотреть на Маргарет, нагнулась вперед, спросила о чем-то придворного офицера и дала ему какое-то распоряжение. Тот поднялся и вызвал Джона Кастелла, Маргарет Кастелл и Питера Брума, из Англии. Он приказал им приблизиться и отвечать на обвинение в убийстве Луиса База, солдата Святой эрмандады.

Их тут же вывели вперед, и они остановились перед возвышением. Офицер вслух начал читать обвинение.

— Остановитесь, друг мой, — прервала его королева. — Эти люди являются подданными нашего доброго брата, Генриха Английского, и могут не

понимать нашего языка, хотя один из них, мне думается, — и она посмотрела на Кастелла, — родился не в Англии, или, во всяком случае, не англичанин по происхождению. Спросите их, нужен ли им переводчик.

Вопрос был задан, и все они ответили, что могут говорить по-испански, хотя Питер добавил, что говорит довольно плохо.

— Вы тот рыцарь, которого обвиняют в совершении преступления? — спросила королева, глядя в упор на него.

— Ваше величество, я не рыцарь, а простой эсквайр, Питер Брум из Дедхэма, в Англии. Мой отец, сэр Питер Брум, был рыцарем, но он погиб рядом со мной, сражаясь за Ричарда на Босвортском поле, где я получил эту рану, — Питер показал шрам на своем лице. — Я не был посвящен в рыцари.

Изабелла слегка улыбнулась:

— А как вы попали в Испанию, сеньор Питер Брум?

— Ваше величество, — отвечал Питер, а Маргарет время от времени помогала ему, когда он не мог найти подходящего испанского слова, — эта дама, — и он указал на Маргарет, — моя невеста. Она дочь купца Джона Кастелла, стоящего рядом

со мной…

— Вы завоевали любовь очень красивой девушки, сеньор, — прервала его королева. — Но продолжайте.

— Она и ее кузина, сеньора Дин, были похищены в Лондоне человеком, который, насколько я понимаю, является племянником его величества короля Фердинанда. Он был послом при английском дворе, где именовал себя сеньором д'Агвиларом. В Испании он носит имя маркиза Морелла.

— Похищены? Маркизом Морелла? — воскликнула королева.

— Да, ваше величество. Их заманили на борт его корабля и похитили. Сеньор Кастелл и я последовали за ними, мы высадились на борт их корабля и пытались спасти женщин, но корабль потерпел крушение около Мотриля. Маркиз увез их в Гранаду, мы последовали за ним, хотя я был тяжело ранен при крушении. Там, во дворце маркиза, мы были пленниками в течение многих недель, но в конце концов нам удалось бежать. Мы надеялись добраться до Севильи и просить защиты ваших величеств. По дороге — а мы ехали в мавританской одежде, потому что в ней мы бежали, — на нас напали люди, которых мы при-

няли за бандитов. Нас предупреждали о таких злых людях. Один их них грубо схватил донну Маргарет, я ударил его и, к несчастью, убил, за что я сегодня и стою перед вами. Ваше величество, я не знал, что он солдат Святой эрмандады, и я умоляю вас простить меня.

При этом кто-то из придворных воскликнул:

— Хорошо сказано, англичанин!

Королева заметила:

— Если все, что вы рассказали, — правда, то я полагаю, что мы не должны слишком строго судить вас, сеньор Брум. Но как мы можем проверить все это? Вы, например, говорите, что благородный маркиз Морелла похитил двух дам, на что, я думаю, он вряд ли способен. Где же тогда другая дама?

— Я полагаю, — ответил Питер, — что она теперь является женой маркиза Морелла.

— Женой? Кто может это подтвердить? Насколько мне известно, маркиз не спрашивал нашего разрешения на женитьбу, как это принято.

Тут вперед вышел Бернальдес, назвал себя и свое занятие, сообщил, что он является компаньоном английского купца Джона Кастелла, и предъявил документ о браке, подписанный самим Морелла, Бетти и священником Энрике.

Бернальдес добавил, что он получил копии этого документа с гонцом из Гранады и вручил другую копию архиепископу Севильи.

Королева, взглянув на бумагу, передала ее приближенным. Те внимательнейшим образом принялись рассматривать документ. Один из них заявил, что форма документа необычная и, может быть, документ подложный.

Королева подумала немного и затем сказала:

— Есть только один путь узнать правду. Мы приказываем вызвать сюда нашего племянника, благородного маркиза Морелла, сеньору Дин, о которой говорят, что она является его женой, и священника Энрике из Мотриля, который, по-видимому, обвенчал их. Когда все они прибудут сюда, король — мой муж и я разберемся в этом деле. До тех пор я не хочу ничего больше слушать.

Комендант тюрьмы обратился к королеве с вопросом, как поступать с заключенными до прибытия свидетелей из Гранады. Королева ответила, что они остаются под его надзором, и велела хорошо с ними обращаться. Питер попросил, чтобы его перевели в более удобную камеру, где будет меньше крыс и больше света. Королева милостиво согласилась, однако добавила, что будет правильнее поместить его отдельно от его неве-

сты, которая может жить со своим отцом. Однако, заметив огорчение на их лицах, улыбнулась:

— Я думаю, они могут встречаться днем в тюремном саду.

Маргарет поблагодарила, и королева сказала ей:

— Подойдите сюда, сеньора, и посидите немного со мной. — Она указала на скамеечку для ног рядом с собой. — Когда я покончу с этими делами, я хочу поговорить с вами.

Маргарет провели к возвышению, и она присела по левую руку от ее величества, на скамеечке. Она была прекрасна в этот миг. Ее красота и осанка были поистине королевскими. Между тем Кастелла и Питера повели обратно в тюрьму, причем последний, видя вокруг столько галантных грандов, уходил весьма неохотно.

Спустя некоторое время, покончив с делами, королева распустила суд, попросив остаться нескольких офицеров, и обратилась к Маргарет:

— А теперь, прекрасная девушка, расскажите мне все как женщина женщине и не бойтесь, что это будет использовано при судебном разбирательстве над вашим возлюбленным. Ведь вас, по крайней мере сейчас, не в чем обвинять. Прежде всего, скажите мне, действительно ли вы

обручены с этим высоким кавалером и правда ли, что вы любите его?

— Да, ваше величество, — ответила Маргарет, — и мы претерпели много страданий за это время. — Маргарет рассказала всю их историю, которую королева выслушала с большим вниманием.

— Очень странная история, если все это правда, и весьма позорная, — произнесла королева, когда Маргарет кончила. — Но как могло случиться, что Морелла, который хотел заставить вас выйти за него замуж, женился теперь на вашей кузине? Вы что-то скрываете от меня? — И она проницательно посмотрела на Маргарет.

— Ваше величество, — ответила Маргарет, — мне было стыдно рассказывать остальное, однако я верю вам и решусь на это. Прошу только вашего высочайшего снисхождения, если вы посчитаете, что мы, находясь в очень затруднительном положении, поступили плохо. Моя кузина, Бетти Дин, отплатила Морелла его же монетой. Он завоевал ее сердце и обещал жениться на ней, и она с риском для жизни заняла мое место у алтаря, тем самым дав нам возможность бежать.

— Храбрый поступок, хотя и не совсем честный, — заметила королева. — Я только не знаю,

будет ли такой брак считаться действительным, но об этом должна судить церковь. Конечно, на вас всех трудно сердиться. Что вам обещал Морелла, когда просил вас выйти за него замуж в Лондоне?

— Ваше величество, он обещал мне, что вознесет меня высоко, может быть, даже, — и она помедлила, — на то место, которое занимаете вы.

Изабелла нахмурилась, потом рассмеялась и, окинув взглядом Маргарет с ног до головы, сказала:

— Вы достойны этого места, может быть, даже больше, чем я. А что он еще говорил?

— Ваше величество, он уверял меня, что далеко не все любят короля, его дядю; что у него, маркиза Морелла, есть много друзей, которые помнят, как его отец был отравлен отцом короля, и что его мать была мавританской принцессой. Он говорил также, что может прибегнуть к помощи мавров или воспользоваться другими путями для достижения своей цели.

— Ну что ж, — заключила королева, — хотя маркиз и верный сын церкви и мой муж так любит его, я никогда не питала добрых чувств к Морелла и очень благодарна вам за предупрежде-

ние. Хотите ли вы попросить меня о чем-нибудь, прекрасная Маргарет?

— Да, ваше величество. Я осмеливаюсь просить вас быть снисходительной к моему возлюбленному, когда он предстанет перед вами на суде. Поверьте, у него горячая голова и тяжелая рука. Рыцари, подобные ему, — а он рыцарь по крови, — не могут спокойно смотреть, когда их дам оскорбляют грубияны и срывают с них одежду. И еще я прошу вас защитить меня от маркиза Морелла и не разрешить ему не только дотронуться до меня, но и говорить со мной. Несмотря на его звание и великолепие, я ненавижу его.

— Я уже обещала, что у меня не будет предубеждения при разборе вашего дела, моя прекрасная англичанка Маргарет, — улыбаясь, ответила королева, — и я думаю, что если я выполню вашу просьбу, то это не заставит правосудие снять повязку, закрывающую его глаза. Идите и будьте спокойны. Если вы рассказали мне правду, в чем я не сомневаюсь, и если это будет зависеть от Изабеллы Испанской, наказание, которое получит сеньор Брум, не будет слишком тяжелым. Во всяком случае, тень маркиза Морелла, этого незаконнорожденного сына христианского принца и какой-то принцессы из неверных, — эти слова ко-

ролева произнесла с ожесточением, — не упадет на вас. Но я должна предупредить вас, что король, мой муж, любит этого человека — это естественно — и судить маркиза ему будет нелегко. Скажите мне, ваш возлюбленный человек храбрый?

— Очень храбрый, — ответила Маргарет с улыбкой.

— И он может сидеть верхом и держать копье, не так ли? Хотя бы ради вас?

— Да, ваше величество, и владеть мечом тоже не хуже других рыцарей, хотя он совсем недавно оправился после тяжелой болезни. Кое-кто мог убедиться в этом на Босвортском поле.

— Хорошо. А теперь прощайте. — Королева протянула Маргарет руку для поцелуя и, подозвав двух офицеров, приказала им проводить Маргарет обратно в тюрьму и добавила, что она может свободно писать королеве, если понадобится.

В тот же день вечером в Севилью прискакал Морелла. Он был бы здесь гораздо раньше, но его спутал рассказ мавров, сопровождавших Питера, Маргарет и ее отца из Гранады, которые видели, как они направились по дороге на Малагу. Он поскакал по этой дороге, но, не обнаружив никаких следов, вернулся и поехал в Севилью. Здесь он вскоре узнал обо всем, и среди прочих новостей

также о том, что за десять часов до его приезда были посланы гонцы в Гранаду с приказанием явиться ему и Бетти, с которой он был обвенчан.

На следующее утро Морелла попросил аудиенцию у королевы, но ему было отказано, а король, его дядя, находился в отъезде. Тогда он попытался получить разрешение проникнуть в тюрьму, чтобы увидеть Маргарет. Однако он убедился, что ни его высокое звание, ни власть, ни деньги даже не могут открыть ему двери тюрьмы. Это был приказ королевы, и Морелла понял, что ему в этом деле придется столкнуться с Изабеллой как с врагом. Мысль о мести не покидала его, и он начал поиски Инессы и отца Энрике из Мотриля. Но в результате он выяснил, что Инесса исчезла — никто ничего не знал о ней, — а святой отец был в безопасности в стенах инквизиции, откуда он со свойственной ему осторожностью предпочитал не выходить и куда ни один мирянин, какое бы высокое положение он ни занимал, не мог проникнуть, чтобы наложить руку на служителя инквизиции. Итак, исполненный гнева и разочарования, Морелла созвал адвокатов и друзей на совет и стал готовиться к защите против обвинения, которое, он понимал, будет ему предъявлено, все еще надеясь, что случай вернет

ему Маргарет. У него оставалась одна карта, которую он решил пустить в ход. Он знал, что Кастелл еврей, в течение многих лет маскировавшийся под христианина, а для таких в Севилье снисхождения не было. Быть может, ценой спасения ее отца он сумеет завоевать Маргарет, которую он теперь желал еще более страстно, чем когда бы то ни было.

Он был готов сейчас воспользоваться любым способом, лишь бы не допустить, чтобы Маргарет вышла замуж за его соперника Питера Брума. К тому же оставалась еще надежда, что Питер будет приговорен к тюремному заключению, а может быть, и к смерти за убийство солдата эрмандады.

Итак, Морелла приготовился к серьезной борьбе и стал ожидать прибытия в Севилью Бетти, поскольку он не мог предотвратить ее приезд.

ГЛАВА XXI. БЕТТИ ИЗЛАГАЕТ ДЕЛО

Прошло семь дней, в течение которых Маргарет и ее отец спокойно пребывали в тюрьме, где, по правде говоря, они чувствовали себя скорее гостями, нежели заключенными. Им разрешено было принимать посетителей. Среди этих посетителей был и Хуан Бернальдес, который сообщал им обо всем, что происходило за стенами тюрьмы. Через него они послали гонцов встретить и предупредить Бетти о суде, где будет решаться ее дело.

Вскоре гонцы вернулись с сообщением, что маркиза Морелла едет в Севилью с большой пышностью, сопровождаемая огромной свитой, что она благодарит за сообщение и надеется защитить себя.

При этом известии Кастелл раскрыл глаза от изумления, а Маргарет расхохоталась. Хотя она и не знала всего, но была уверена, что каким-то образом Бетти удалось подчинить себе Морелла и тому не так-то легко будет расправиться с нею. Тем не менее Маргарет не могла представить себе, откуда у Бетти взялась такая свита. Она все

время опасалась, что на Бетти могут напасть или обидеть ее, и написала королеве письмо, умоляя ее защитить Бетти.

Не прошло и часа, как Маргарет получила ответ, в котором сообщалось, что ее кузина находится под королевским покровительством и что послан эскорт для ее сопровождения и охраны от каких-либо покушений. Королева также сообщала, что для удобства этой дамы ей приготовлено помещение в крепости вне Севильи, которое будет охраняться и днем и ночью и откуда ее привезут на суд.

Питера все еще держали отдельно от Маргарет и Кастелла, но ежедневно в полдень им разрешали встречаться в окруженном стенами саду при тюрьме, где они могли разговаривать сколько угодно. Здесь же он ежедневно упражнялся в бое на мечах с другими заключенными, используя вместо мечей палки. Кроме того, ему разрешили пользоваться конем, на котором он приехал из Гранады. Питер устраивал турнирные бои с комендантом и другими офицерами и доказал, что он в этом деле сильнее их всех. Он занимался всем этим с увлечением и жаром — Маргарет рассказала ему о намеке, который бросила королева, и Питер хотел вернуть себе былую силу и усо-

вершенствоваться во владении любым оружием, употребляемым в Испании.

Так шло время, пока однажды комендант не объявил им, что суд над Питером назначен на завтра и что они должны будут сопровождать его ко двору, чтобы дать показания. Бернальдес в записке предупредил их, что король вернулся и будет присутствовать на суде вместе с королевой и что их дело вызвало много толков в Севилье. Все интересуются историей женитьбы Морелла, о которой ходят различные слухи.

Бернальдес писал также, что он почти не сомневается, что Маргарет и Кастелл будут освобождены, что корабль готов и ждет их приказаний, что же касается шансов Питера, то он ничего не может сказать определенного, поскольку все будет зависеть от того, как посмотрит король на его преступление — ведь Морелла является хоть и непризнанным, но все же племянником короля и тот к нему благосклонно расположен.

Маргарет и Кастелл спустились в сад. Питер только что вернулся после конных состязаний и, раскрасневшийся от быстрой езды, выглядел очень мужественным и красивым. Маргарет взяла его за руку и, гуляя с ним рядом, сообщила новости.

— Я рад! — воскликнул Питер. — Чем скорее это дело начнется, тем скорее оно кончится. Но вот что, дорогая, — при этих словах лицо Питера стало серьезным, — Морелла имеет большое влияние в Испании, а я нарушил закон этой страны, так что никто не знает, чем все это кончится. Меня могут приговорить к смерти, или к заключению, или, может быть, если мне дадут возможность, я погибну в бою. В любом случае мы будем разлучены на время или навсегда. Если это случится, я умоляю тебя не оставаться здесь ни ради попыток спасти меня, ни по какой-либо другой причине. Ведь пока ты в Испании, Морелла никогда не прекратит своих попыток овладеть тобой. В Англии же ты будешь в безопасности.

Услышав эти слова, Маргарет зарыдала — мысль о том, что может случиться с Питером, приводила ее в отчаяние.

— Я во всем буду повиноваться тебе, — прошептала она, — но как я могу оставить тебя, дорогой мой, пока ты жив! А если, по злому случаю, ты умрешь, чего бог не допустит, разве смогу я жить без тебя? Тогда я последую за тобой.

— Я не хочу этого, — ответил Питер, — я хочу, чтобы ты прожила всю жизнь и пришла ко мне туда в назначенный срок, но не раньше. А еще я

хочу сказать тебе, что, если ты встретишь достойного человека и захочешь выйти за него замуж, ты должна сделать это, потому что я хорошо знаю, что ты никогда не забудешь меня, свою первую любовь. Ведь за этой жизнью есть другая, где нет ни замужества, ни женитьбы. Пусть моя мертвая рука не остановит тебя, Маргарет.

— И все-таки, — произнесла мягко, но с возмущением Маргарет, — будь уверен в одном, Питер: если с тобой случится страшная беда, я останусь верна тебе — живая или мертвая.

— Да будет так, — вздохнул с явным облегчением Питер, потому что он не мог допустить мысли о том, что Маргарет станет женой другого даже после его смерти, хотя его честная, простая душа и страх, что весь остаток ее жизни будет лишен всякой радости, заставили его говорить все то, что он перед этим сказал.

Укрывшись за цветущим кустом, они обнялись так, как обнимаются люди, не знающие, смогут ли они когда-либо еще поцеловать друг друга. Пришел час заката и разлучил их.

На следующее утро Кастелла и Маргарет опять повели в Зал правосудия Алькасара. Но на этот раз Питер не был вместе с ними. Огромный зал был полон советниками, офицерами, грандами

и дамами. Всех их привело сюда любопытство. Однако среди них Маргарет не обнаружила ни Морелла, ни Бетти. Король и королева еще не заняли своих мест на троне. Питер уже стоял на отведенном ему месте, по обе стороны от него стояла стража. Он приветствовал их улыбкой и кивнул головой, когда они заняли свои места неподалеку от него. Когда Кастелл и Маргарет приблизились к своим стульям, загремели трубы, и в конце зала появились рука об руку их величества Фердинанд и Изабелла. Все присутствующие встали и склонились в низком поклоне в ожидании, пока король и королева сядут.

Король, которого наши герои увидели в первый раз, оказался коренастым подвижным человеком с красивыми глазами и широким лбом. Однако Маргарет, глядя на него, подумала, что у него хитрое лицо — лицо человека, никогда не забывающего своих собственных интересов. Как и королева, он был одет в роскошный костюм, расшитый золотом и украшенный гербами Арагона, в руке он держал золотой скипетр, усеянный драгоценными камнями, а у пояса, чтобы показать, что он король-воин, висел длинный меч с крестообразной рукояткой. Улыбаясь, он ответил на приветствия своих подданных, приложив

руку к шляпе и поклонившись. Затем взгляд его остановился на Маргарет, и, обернувшись, он звонким голосом спросил у королевы, та ли это дама, на которой женился Морелла, и, если это она, то почему же он хочет освободиться от нее.

Изабелла ответила, что, насколько она знает, на этой сеньоре он только хотел жениться, а женился на другой, но, как он утверждает, по ошибке. А эта дама обручена с обвиняемым, стоящим перед ними. Все слышавшие этот ответ рассмеялись.

В эту минуту в зал вошел маркиз Морелла, одетый, как обычно, в черный бархат и украшенный орденами. Его сопровождали друзья и адвокаты, облаченные в длинные мантии. На голове у Морелла была черная шляпа, с которой свешивалась жемчужина. Он не снял шляпу даже тогда, когда кланялся королю и королеве, потому что был одним из тех немногих грандов Испании, которые имели право не снимать головного убора перед их величествами. Король и королева ответили на его приветствие — король дружеским кивком, а королева холодным поклоном, — и Морелла занял приготовленное для него место. Как раз в этот момент в дальнем конце зала началось движение и послышался голос офицера, кричавшего: «Дорогу! Дорогу маркизе Морелла!» При этом маркиз,

чей взгляд был прикован к Маргарет, нахмурился и поднялся со своего места, как будто собираясь протестовать, но адвокат, стоявший позади него, шепнул ему что-то, и маркиз снова сел.

Толпа расступилась, и Маргарет, обернувшись, увидела двигавшуюся к ним процессию. Часть людей была в доспехах, часть — в белых мавританских одеждах, украшенных алым орлом — гербом маркиза Морелла. В центре процессии шла высокая красивая дама. Ее шлейф несли две мавританки, на ее светлых распущенных волосах сияла диадема, пурпурный плащ ниспадал с плеч, наполовину прикрывая великолепное платье, украшенное жемчугом, который Морелла подарил Маргарет, а на груди красовалась нитка жемчуга, подаренная маркизом Бетти в виде компенсации за доставленные ей неприятности.

Маргарет смотрела на нее во все глаза, а Кастелл, стоя рядом, бормотал:

— Это наша Бетти! Вот уж воистину одежда красит человека!

Да, это, без сомнения, была Бетти, хотя вспоминая ее в простом шерстяном платье в старом доме в Холборне, трудно было признать бедную компаньонку в этой гордой и величественной даме, выглядевшей так, будто она всю жизнь ходила

по мраморным полам дворцов и общалась с вельможами и королевами. Она шла через огромный зал, статная, невозмутимая, не глядя по сторонам, не обращая внимания на шепот. Она не взглянула ни на Морелла, ни на Маргарет, пока не дошла до открытого пространства перед перегородкой, за которой находился Питер, и стража, глазевшая на нее, поторопилась освободить ей место. Тогда она трижды присела — дважды перед королевой и один раз перед королем. Затем, обернувшись, поклонилась маркизу, который, уставив глаза в пол, не ответил ей, поклонилась Кастеллу и Питеру и наконец, подойдя к Маргарет, подставила ей щеку для поцелуя. Маргарет смиренно поцеловала ее, шепнув на ухо:

— Как поживает ваша светлость?

— Лучше, чем ты, если бы ты была на моем месте, — шепнула в ответ Бетти, незаметно подмигнув ей.

В это время Маргарет услышала, как король сказал королеве:

— Великолепная женщина! Посмотрите на ее фигуру и на эти огромные глаза. Морелла трудно угодить.

— Очевидно, он предпочитает павлинам лебедя, — ответила королева, взглянув на Маргарет,

чья более спокойная и утонченная красота выигрывала рядом с ослепительной красотой ее кузины.

Королева указала Бетти на приготовленное для нее место. Бетти заняла его, свита расположилась позади, переводчик — рядом.

— Я несколько поставлен в тупик, — произнес король, переводя взгляд с Морелла на Бетти и с Маргарет на Питера; по-видимому, комичность положения не укрылась от него. — Какое же дело мы должны разбирать?

Тогда один из советников встал и заявил, что дело, которое представлено на рассмотрение их величествам, заключается в обвинении англичанина, находящегося здесь под стражей, в убийстве солдата Святой эрмандады, но, очевидно, есть и другие обстоятельства, связанные с этим.

— Насколько я понимаю, — заявил король, — нам предстоит рассмотреть обвинение в похищении подданных дружественного нам государства с территории этого государства, ходатайство о признании брака недействительным и встречный иск о признании действительности этого брака и бог знает что еще. Ну, всему свое время. Давайте начнем с этого высокого англичанина.

Суд начался с выступления прокурора, изло-

жившего обвинение против Питера так же, как оно было изложено раньше королеве. Капитан Аррано дал свои показания об убийстве солдата, но, когда адвокат Питера стал задавать ему вопросы, Аррано признал — по-видимому, он не питал злобы к обвиняемому, — что упомянутый солдат грубо оскорбил донну Маргарет и что обвиняемый Питер, будучи иностранцем, мог свободно принять их за шайку бандитов или даже за мавров. Он добавил также, что не может утверждать, что англичанин намеренно хотел убить солдата.

После этого дали показания Кастелл и Маргарет, последняя — с прелестной скромностью. Действительно, когда она рассказала, что Питер — ее нареченный, с которым она должна была обвенчаться, если бы ее не похитили из Англии, и что она позвала его на помощь, когда солдат схватил ее и сорвал с нее вуаль, в зале раздался шепот сочувствия, а король и королева заговорили между собой, не обращая внимания на ее дальнейшие слова.

Затем король переговорил с двумя судьями, после чего поднял руку и объявил, что они приняли решение. Совершенно очевидно, при выяснившихся обстоятельствах, что англичанин не

виновен в намеренном убийстве солдата. Вообще нет никаких свидетельств, что он знал, что тот принадлежит к Святой эрмандаде. Таким образом, он будет освобожден при условии выплаты вдове убитого компенсации, что уже сделано, и небольшой суммы — для мессы за поминание души убитого.

Питер принялся благодарить короля, но его величество, не дослушав его, спросил, хочет ли кто-либо из присутствующих выступить по существу следующих дел. Поднялась Бетти и заявила, что она желает говорить. Через переводчика она объяснила, что получила королевский приказ явиться ко двору и что она готова отвечать на любые вопросы или обвинения, которые могут быть выдвинуты против нее.

— Как ваше имя, сеньора? — осведомился король.

— Элизабет, маркиза Морелла, урожденная Элизабет Дин, из древнего и благородного рода Динов, жителей Англии, — отчеканила Бетти ясным и решительным голосом.

Король кивнул и продолжал:

— Кто-нибудь оспаривает этот титул и происхождение этой дамы?

— Я, — впервые за все это время произнес мар-

киз Морелла.

— На каком основании?

— На многих основаниях, — ответил Морелла. — Она не маркиза Морелла, поскольку я венчался с ней, будучи уверенным, что это другая женщина. Она не происходит из древнего и благородного рода, так как она была служанкой в доме купца Кастелла в Лондоне.

— Это ничего не доказывает, маркиз, — прервал его король. — Мой род, я думаю, можно назвать древним и благородным, вы этого не станете отрицать, однако я играл роль слуги в обстоятельствах, о которых королева помнит… — намек, при котором все присутствующие, знавшие, о чем идет речь, громко рассмеялись, а вместе с ними и королева[19]. — Если оспаривать подлинность брака или благородство происхождения, то это требует доказательств, — продолжал король. — Разве эту даму обвиняют в таких преступлениях, что она не может оправдываться?

— Нет, — быстро ответила Бетти. — Един-

---

[19] Примечания: 19

Во время путешествия из Сарагосы в Вальядому, где Фердинанд должен был жениться на Изабелле, он вынужден был скрываться под видом слуги. Прескотт пишет: «Путешествовать приходилось с величайшей осмотрительностью. Ехали главным образом по ночам; Фердинанд был переодет слугой и во время привалов следил за мулами и прислуживал за столом своим спутникам». — *Примеч. автора.*

ственное мое преступление — бедность и брак с маркизом Морелла.

При этом присутствующие опять рассмеялись.

— Однако, сеньора, сейчас вы никак не выглядите бедной, — заметил король, глядя на ее ослепительный, украшенный драгоценностями наряд, — а что касается женитьбы, то мы здесь склонны рассматривать ее скорее как опрометчивость, нежели преступление. — При этих легкомысленных словах королева слегка нахмурилась, — Однако, сеньора, — быстро добавил король, — предъявите ваши доказательства и простите меня за то, что я пока не называю вас маркизой.

— Вот мои доказательства, сэр, — и Бетти протянула документы о браке.

Судьи и король с королевой прочитали документ, причем королева заметила, что копию этого документа она уже видела.

— Здесь ли находится священник, совершавший брачный обряд? — спросил король.

Встал Бернальдес и заявил, что священник присутствует. Правда, он при этом умолчал о том, что за это ему пришлось уплатить немалую сумму.

Один из судей приказал вызвать священника, и в зал, кланяясь, вошел отец Энрике. Маркиз со

злобой посмотрел в его сторону. Принеся присягу, отец Энрике сообщил, что он был священником в Мотриле и капелланом маркиза Морелла, а теперь является секретарем святейшей инквизиции в Севилье. В ответ на другие вопросы он заявил, что по желанию жениха и с его полного согласия такого-то числа в Гранаде он обвенчал маркиза с дамой, которая стоит сейчас перед ним и которую, насколько ему известно, зовут Бетти Дин; затем по ее просьбе, поскольку она желала, чтобы соответствующая запись об их браке была сделана тут же, он составил документ, с которым суд уже ознакомился, а маркиз и все остальные подписали его там же после венчания, в капелле замка маркиза в Гранаде. Затем отец Энрике добавил, что после этого он покинул Гранаду, чтобы занять место секретаря инквизиции в Севилье, которое было предложено ему святейшими властями в качестве награды за трактат, который он написал против ереси. Вот все, что он знает об этом деле.

После этого поднялся адвокат маркиза и спросил отца Энрике, кто готовил венчание. Священник отвечал, что маркиз никогда прямо с ним об этом не говорил; во всяком случае, маркиз ни разу не назвал имя невесты. Все устраивала

сеньора Инесса.

Вмешалась королева и спросила, где находится сейчас сеньора Инесса и кто она такая. Священник ответил, что сеньора Инесса испанка, одна из приближенных маркиза в Гранаде, которую тот обычно использовал для всевозможных конфиденциальных дел. Она молода и красива, но больше он ничего прибавить не может. Где она сейчас, он не знает, хотя они вместе ехали в Севилью. Вероятно, это известно маркизу.

Священник сел, а Бетти в качестве свидетельницы стала рассказывать через переводчика всю историю своих отношений с маркизом Морелла. Она рассказала, как встретила его в Лондоне, в доме сеньора Кастелла, где она жила, и что он сразу начал ухаживать за ней и покорил ее сердце. После этого он предложил ей бежать вместе с ним в Испанию, обещая жениться. В доказательство этого она показала письмо, написанное им. Письмо это было переведено и вручено суду для изучения — весьма компрометирующее его письмо, хотя оно и не было подписано подлинным именем автора. Затем Бетти рассказала, как обманом ее и Маргарет завлекли на борт испанского корабля и как маркиз отказался жениться на ней, утверждая, что он любит не ее, а ее кузину.

Тогда она расценила это заявление как попытку уклониться от выполнения его обещания. Она не знала, почему он увез и ее кузину Маргарет, но предполагала, что он сделал это потому, что раз уж Маргарет оказалась на борту его корабля, он не имел возможности освободиться от нее.

Потом Бетти описала их путешествие в Испанию, сказав, что все это время она держала маркиза в отдалении, так как на корабле не было священника, который мог бы обвенчать их, к тому же она очень плохо себя чувствовала и ей было стыдно, что она вовлекла свою кузину и хозяйку в такие неприятности. Бетти рассказала, что Кастелл и Брум последовали за ними на другом судне и высадились на их каравеллу во время шторма. Потом она изложила историю кораблекрушения, их путешествие в Гранаду в качестве пленниц и последующую жизнь там. Наконец, она рассказала, как к ней пришла Инесса с предложением маркиза обвенчаться и как Бетти поставила условием, чтобы ее кузина, сеньор Кастелл и сеньор Брум были освобождены. Они уехали, и венчание, как и было условлено, состоялось. Маркиз обнял ее в присутствии нескольких людей — а именно Инессы и двух своих секретарей, которые, за исключением Инессы,

присутствуют здесь и могут подтвердить, что она говорит правду.

После венчания и подписания документа она вместе с маркизом прошла в его личные апартаменты, где до тех пор никогда не бывала, и после этого утром, к ее изумлению, он заявил, что должен уехать путешествовать по делам их величеств. Прежде чем уехать, однако, он дал ей письменное распоряжение, которое она предъявляет, получать его доходы и вести его дела в Гранаде во время его отсутствия. Этот документ Бетти прочитала вслух всем его домочадцам, прежде чем он уехал. Она выполняла его поручения, получала деньги, давала расписки и вообще занимала место хозяйки его дома, пока не получила королевский приказ.

— В это мы можем поверить, — сухо произнес король. — А теперь, маркиз, что вы можете сказать в ответ?

— Я отвечу, — ответил маркиз, весь трепетавший от ярости, — но прежде разрешите моему адвокату задать этой женщине ряд вопросов.

Адвокат принялся допрашивать Бетти, хотя нельзя сказать, чтобы ему удалось взять верх над ней. Прежде всего он начал расспрашивать ее по поводу ее заявления о древнем и благородном

роде, из которого она происходит. Но тут Бетти ошеломила суд перечнем своих предков, первый из которых, некий сэр Дин де Дин высадился в Англии вместе с нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем. Его потомки, клялась она, указанные Дины де Дин, достигли высоких званий и власти, будучи любимцами английских королей и сражаясь за них из поколения в поколение.

Постепенно она дошла до войны Алой и Белой розы, во время которой ее дед был изгнан и лишен земель и титулов, так что ее отец, единственным ребенком которого и, следовательно, представительницей благородного рода Динов де Дин она является, оказался в бедности. Однако он женился на даме из еще более выдающегося рода, чем его собственный: она была прямым потомком знатной саксонской фамилии, гораздо более древней, чем выскочки-норманны.

Маргарет и Питер слушали Бетти с изумлением. Но в этом месте по знаку королевы сбитый с толку суд через главного алькальда попросил Бетти закончить изложение истории ее предков, которых суд уже считает не менее знатными, чем любой другой древний род в Англии.

После этого Бетти спросили о ее отношениях

с Морелла в Лондоне, и она рассказала историю его ухаживаний с такими подробностями и с такой силой воображения, что в конце концов и эта история осталась неоконченной. Так было и с последующими вопросами. Не менее умная, чем адвокат Морелла, отвечая иногда по-английски, Бетти подавила его обилием слов и находчивыми ответами, пока наконец бедняга, не в силах ничего поделать с нею, сел на место, вытирая лоб и проклиная ее про себя.

Затем приносили присягу секретари Морелла и вслед за ними его слуги. Все они, хотя и без особого желания, подтвердили все, что говорила Бетти: как маркиз поцеловал ее, приподняв вуаль, и все остальное. Так Бетти закончила свое выступление, оставив за собой право обратиться к суду после того, как выслушает выступление маркиза.

Король, королева и советники в течение нескольких минут совещались. По-видимому, мнения разделились — некоторые считали, что слушание дела нужно немедленно прекратить и передать его в иной трибунал, другие предлагали продолжить. Наконец королева сказала, что надо дать возможность маркизу Морелла выступить — быть может, он сумеет доказать, что вся эта

история сфабрикована и что он даже не был в Гранаде в то время, когда состоялась его женитьба.

Король и алькальды согласились. Маркиз принес присягу и рассказал свою историю, заметив, что она не принадлежит к числу тех, которые он с гордостью будет повторять в обществе. Он рассказал, как он впервые встретил Маргарет, Бетти и Питера на публичной церемонии в Лондоне, влюбился в Маргарет и сопровождал ее в дом ее отца, купца Джона Кастелла.

Впоследствии он узнал, что Кастелл, бежавший еще в детстве со своим отцом из Испании, оказался некрещеным евреем, делавшим вид, что он христианин. Это заявление произвело в суде сенсацию, а лицо королевы стало каменным. Впрочем, женился он на христианке, и дочь его была крещена и выросла христианкой, оставшись преданной этой вере. Она даже не знала — он уверен в этом, — что отец ее придерживается еврейской веры, иначе, конечно, он, Морелла, не добивался бы ее руки. Их величества могут быть уверены, продолжал маркиз, что по причинам, которые им известны, он стремился узнать всю правду о евреях в Англии, о чем он уже писал им, хотя из-за кораблекрушения и домашних дел не успел лично доложить им о своей миссии.

Продолжая свой рассказ, Морелла признал, что ухаживал за служанкой Бетти для того, чтобы иметь доступ к Маргарет, чей отец не доверял ему, зная кое-что о его миссии. Что же касается благородного происхождения Бетти, то он сильно в нем сомневается.

Тут встала Бетти и громко заявила:

— Я объявляю маркиза Морелла негодяем и лжецом! В моем мизинце больше благородной крови, чем во всем его теле и, — добавила она, — чем в теле его матери.

При этом намеке маркиз вспыхнул, а Бетти, удовлетворенная своим выпадом, села на место.

Маркиз продолжал рассказывать, как он сделал предложение Маргарет, но она отказалась выйти за него замуж. Он понял, что ее отказ был вызван тем, что она обручена со своим родственником, сеньором Питером Брумом, головорезом, который и в Лондоне попал в неприятную историю за убийство человека, а здесь, в Испании, убил солдата Святой эрмандады. Будучи влюблен в нее и зная, что он может предложить ей высокое положение и богатство, маркиз пришел к мысли похитить Маргарет. А чтобы осуществить это, ему пришлось, вопреки своему желанию, похитить и Бетти.

После многих приключений они приехали в Гранаду, где он сумел продемонстрировать донне Маргарет, что сеньор Брум воспользовался своим заключением, чтобы завести роман с живущей у него в доме женщиной по имени Инесса, о которой здесь упоминали.

На этот раз не выдержал Питер. Он встал и назвал маркиза в лицо лжецом, прибавив, что, если бы у него была возможность, он бы доказал ему это. Однако король приказал Питеру сесть и замолчать.

Убедившись в неверности своего возлюбленного, продолжал маркиз, донна Маргарет в конце концов согласилась стать его женой при условии, что ее отцу сеньору Бруму и ее служанке Бетти Дин будет позволено уехать из Гранады…

— … где, — заметила королева, — вы не имели никакого права удерживать их, маркиз. За исключением, пожалуй, отца — Джона Кастелла, — многозначительно добавила она.

— Да, с сожалением должен признаться, я действительно не имел права держать их.

— Следовательно, — резко продолжала королева, — не было ни законных, ни моральных оснований для этого брака.

При этих словах адвокаты одобрительно заки-

вали головами.

Маркиз осмелился утверждать, что основание было, так как донна Маргарет, во всяком случае, сама захотела этого. В день, назначенный для свадьбы, пленники были отпущены, но теперь он понял, что благодаря хитрости Инессы, подкупленной Кастеллом и его друзьями евреями, донна Маргарет бежала вместо своей служанки Бетти, с которой он после этого прошел через процедуру бракосочетания, будучи уверенным, что это Маргарет.

Что касается поцелуя перед церемонией, то это произошло в темной комнате, и он думает, что лицо Бетти и ее волосы были подкрашены, чтобы больше походить на Маргарет. В отношении всего последующего, то он уверен, что чаша вина, которую он выпил, перед тем как вести невесту к алтарю, была отравлена — он только смутно помнит церемонию, а после нее не помнит уже ничего до тех пор, пока не проснулся на следующее утро с головной болью и не увидел сидящую рядом с ним Бетти.

Что касается доверенности, которую она показывала, то, будучи в тот момент вне себя от гнева и разочарования и чувствуя, что если он останется там, то совершит преступление, убив

эту женщину, столь жестоко обманувшую его, он дал ей эту доверенность, только чтобы бежать от нее. Их величества обратят внимание на то, что эта доверенность выдана маркизе Морелла. Поскольку этот брак недействителен, маркизы Морелла не существует. Следовательно, и документ этот недействителен. Такова правда, к ней больше нечего добавить.

ГЛАВА XXII. ОСУЖДЕНИЕ ДЖОНА КАСТЕЛЛА

Закончив свои показания, маркиз Морелла сел, а король и королева начали шептаться между собой. В это время главный алькальд спросил Бетти, есть ли у нее вопросы к маркизу Морелла. Бетти с большим достоинством встала и через переводчика спокойно заявила, что есть и очень много. Однако она не намерена унижать себя ни одним вопросом, пока грязь, которую он вылил на нее, не будет смыта, а смыта она может быть только кровью. Маркиз заявил, что она женщина без роду и племени, и сказал, что их брак недействителен. Так как она женщина и не может потребовать от него, чтобы он подтвердил свои обвинения с помощью меча, она полагает, что имеет право поступать согласно законам чести и просить разрешения искать себе защитника — если одинокая женщина может найти такого в чужой стране, — чтобы защитить ее доброе имя и наказать этого низкого и подлого клеветника.

Среди тишины, наступившей после слов Бетти, поднялся Питер.

— Я прошу разрешения ваших величеств быть этим защитником, — сказал он. — Ваши величества заметили, что, даже по собственным словам маркиза, он причинил мне больше зла, чем может причинить один человек другому. К тому же он солгал, сказав, что я был неверен моей нареченной, донне Маргарет, и, конечно, я имею право отомстить ему за эту ложь. Наконец, я заявляю, что считаю сеньору Бетти хорошей и честной женщиной, которой никогда не касалась тень позора, и, как ее земляк и родственник, я хочу защитить ее доброе имя перед всем миром. Я чужестранец, и у меня здесь мало друзей, а может быть, и вовсе их нет, но все-таки я не могу поверить, что ваши величества откажут мне в праве на удовлетворение, которое во всем мире в подобном случае один дворянин может потребовать от другого. Я вызываю маркиза Морелла на смертельный бой без пощады для побежденного. И вот доказательство этого.

С этими словами Питер пересек открытое пространство перед барьером, сорвал с руки кожаную перчатку и бросил ее прямо в лицо Морелла, считая, что после такого оскорбления тот не может не принять вызов.

Морелла с проклятием схватился за меч, но,

прежде чем он успел выхватить его, офицеры бросились к нему, и суровый голос короля приказал им прекратить эту ссору в присутствии королевской четы.

— Я прошу у вас прощения, ваше величество, — задыхаясь, произнес Морелла, — но вы видели, как этот англичанин поступил со мной, с испанским грандом.

— Да, — промолвила королева, — но мы также слышали, как вы, испанский гранд, поступили с этим английским джентльменом и какое бросили ему обвинение, в которое вряд ли верит донна Маргарет.

— Конечно, нет, ваше величество, — сказала Маргарет. — Пусть меня тоже приведут к присяге, и я объясню многое из того, о чем говорил вам маркиз. Я никогда не хотела выходить замуж ни за него, ни за кого-либо другого, кроме этого человека, — и она дотронулась до руки Питера, — и все, что он или я сделали, мы сделали для того, чтобы спастись из коварной ловушки, в которой оказались.

— Мы верим этому, — с улыбкой ответила королева и отвернулась, чтобы посоветоваться с королем и алькальдами.

Долгое время они говорили так тихо, что никто

не мог расслышать ни единого слова, при этом они посматривали то на одну, то на другую сторону в этой странной тяжбе. Какой-то священник был приглашен ими для участия в обсуждении, и Маргарет подумала, что это дурной признак. В конце концов решение было принято, и ее величество официально, как королева Кастилии, тихим, спокойным голосом огласила приговор. Обратившись прежде всего к Морелла, она сказала:

— Маркиз, вы предъявили очень серьезные обвинения даме, которая утверждает, что она ваша жена, и англичанину, чью невесту вы, по вашему собственному признанию, увезли обманом и силой. Этот джентльмен от своего имени и от имени этих дам бросил вам вызов. Принимаете ли вы его?

— Я с готовностью бы принял его, ваше величество, — ответил Морелла мрачно, — до сих пор никто не имел оснований сомневаться в моей храбрости, но я должен напомнить, что я… — Он приостановился, затем продолжал: — Ваши величества знают, что я не только испанский гранд… поэтому вряд ли мне пристало скрестить меч с клерком купца еврея, потому что таково было звание и положение этого человека в Англии.

— Вы могли снизойти и сражаться со мной на борту вашего судна «Сан Антонио», — с ненавистью воскликнул Питер, — почему же вы теперь стыдитесь закончить то, что вы не постыдились начать? Кроме того, я представитель рода, уважаемого в моей стране, и заявляю вам, что в любви и в бою я считаю себя равным любому из похитителей женщин и незаконнорожденных негодяев, живущих в этом королевстве.

Опять король и королева посовещались между собой по вопросу о благородном происхождении противников, который в те времена играл весьма важную роль, особенно в Испании. Наконец Изабелла сказала:

— По законам нашей страны испанский гранд не имеет права встречаться в поединке с простым иностранным джентльменом. Раз маркиз посчитал удобным выдвинуть это соображение, мы поддерживаем его и считаем, что он не обязан принять этот вызов для сохранения своей чести. Однако мы видели, что маркиз Морелла готов принять этот вызов, и решили сделать все, что в наших силах, чтобы никто не мог сказать, что испанец, причинивший зло англичанину и открыто вызванный на бой в присутствии своих суверенных властителей, отказался от этого по

причине своего звания. Сеньор Брум, если вы согласны получить из наших рук то, что с гордостью принимали другие ваши соотечественники, мы намерены, считая вас храбрым и честным человеком благородного происхождения, посвятить вас в рыцари ордена Сант-Яго, а следовательно, дать вам право обращаться или сражаться как с равным с любым испанским дворянином, если только он не прямой потомок королей, на что, как мы думаем, могущественный и блестящий маркиз Морелла не претендует.

— Я благодарю ваши величества, — ответил изумленный Питер, — за честь, которую вы мне оказываете и в которой я бы не нуждался, если бы мой отец встал не на ту сторону в битве на Босвортском поле. Еще раз приношу вам свою благодарность и полагаю, что теперь маркиз не будет считать для себя унизительным решить наш долгий спор так, как ему хочется.

— Подойдите сюда, сеньор Питер Брум, и преклоните колено, — приказала королева, когда Питер перестал говорить.

Он повиновался, и Изабелла, взяв меч у короля, посвятила его в рыцари, трижды ударив по правому плечу и произнеся при этом традиционные слова:

— Встаньте, сэр Питер Брум, рыцарь благороднейшего ордена Сант-Яго.

Питер повиновался, поклонился, отступая назад, как полагалось по обычаю, и, споткнувшись, чуть не упал с возвышения. Некоторые приняли это за хорошее предзнаменование для Морелла. Король сказал:

— Сэр Питер, наш церемониймейстер назначит время вашего поединка с маркизом, наиболее удобное для вас обоих. Пока что мы приказываем вам обоим, чтобы никаких неподобающих слов или действий не было между вами — ведь вы скоро встретитесь лицом к лицу в смертном бою, чтобы узнать суд господа бога.

Присутствующие решили, что суд окончен, и многие собрались уже уходить, но королева подняла руку и сказала:

— Остаются еще вопросы, по которым мы должны вынести решение. Вот эта сеньора, — она указала на Бетти, — просит, чтобы ее брак с маркизом Морелла был признан действительным, а сам маркиз Морелла настаивает на обратном. Так мы его, кажется, поняли? Мы не властны решить этот вопрос, поскольку он связан с таинствами церкви. Мы предоставляем решение этого вопроса его святейшеству папе римскому

или его легату, надеясь, что он разберется во всем со свойственной ему мудростью и так, как сочтет нужным, если, конечно, заинтересованные стороны пожелают перенести свой спор на его суд. Пока что мы постановили и объявляем, что сеньора, урожденная Бетти Дин, должна повсюду в наших владениях, если его святейшество папа римский не решит иначе, именоваться маркизой Морелла и маркиз, ее муж, должен в течение всей своей жизни предоставлять ей подобающее содержание. После же его смерти, если не будет другого постановления святого престола, она должна унаследовать ту часть его земель и имущества, которая, согласно закону нашей страны, принадлежит жене, и владеть ею.

Пока Бетти благодарила их величества с таким усердием, что драгоценности на ее груди дребезжали, а Морелла хмурился и лицо его стало темным, как грозовая туча, присутствующие, перешептываясь, опять поднялись, чтобы разойтись. Однако королева снова подняла руку:

— Мы хотим спросить сэра Питера Брума и его нареченную, донну Маргарет, по-прежнему ли они желают вступить в брак?

Питер посмотрел на Маргарет, Маргарет — на Питера, и он ответил громко и ясно:

— Ваше величество, это самое заветное наше желание.

Королева слегка улыбнулась:

— А вы, сеньор Кастелл, согласны выдать свою дочь за этого рыцаря?

— Да, конечно, — с достоинством ответил Кастелл. — Если бы не этот человек, — и он с ненавистью посмотрел в сторону Морелла, — они давно бы уже соединились, а поэтому, — добавил он многозначительно, — то небольшое состояние, которым я располагаю, уже передано через доверенных лиц в Англии в их владение. Так что теперь я завишу от их милосердия.

— Хорошо, — сказала королева. — Остается решить еще один вопрос. Хотите ли вы оба обвенчаться накануне поединка между маркизом Морелла и сэром Питером Брумом? Подумайте, донна Маргарет, прежде чем ответить, потому что, согласившись, вы можете очень скоро оказаться вдовой, а если вы отложите эту церемонию, то можете никогда уже не стать его женой.

Маргарет и Питер обменялись несколькими словами, и Маргарет ответила за них обоих:

— Если мой возлюбленный погибнет, — ее нежный голос задрожал при этих словах, — все равно мое сердце будет разбито. Пусть я проживу

остаток моих дней, нося его имя, чтобы, зная о моем безысходном горе, никто не тревожил меня своей любовью. Я хочу остаться его супругой на небесах.

— Хорошо сказано! — заметила королева. — Мы объявляем, что вы будете обвенчаны в нашем соборе в Севилье накануне того дня, когда маркиз Морелла и сэр Питер Брум встретятся в поединке. Кроме того, чтобы не было никаких попыток причинить вам зло, — королева посмотрела в сторону Морелла, — вы, сеньора Маргарет, будете моей гостьей до того момента, когда покинете нас, чтобы обвенчаться. Вы же, сэр Питер, вернетесь в тюрьму, но вы будете пользоваться полной свободой видеть кого пожелаете и ходить когда и куда захотите, но под нашей защитой, поскольку и на вас может быть совершено покушение.

Королева умолкла, но неожиданно заговорил король своим резким тонким голосом:

— Решив вопросы рыцарства и брака, нам остается решить еще один вопрос, который я не хотел предоставлять нежным устам нашей королевы. Дело это касается вечной жизни человеческой души и христианской церкви на земле. Нам было заявлено, что этот человек, Джон Кастелл, купец из Лондона, — еврей; ради выгоды он всю свою

жизнь притворялся христианином и в качестве такового женился на христианке. Более того: он является нашим подданным, так как он родился в Испании, и, следовательно, подсуден гражданским и церковным законам нашего государства.

Король остановился. Маргарет и Питер со страхом смотрели друг на друга. Один только Кастелл стоял неподвижно, хотя он знал лучше, чем кто-либо из них, что должно последовать за этими словами.

— Мы не судим его, — продолжал король, — у нас нет власти в столь высоких вопросах, но мы обязаны передать его в руки святейшей инквизиции, чтобы его судили там.

Маргарет громко вскрикнула. Питер оглядывался по сторонам, словно ища помощи. Никогда в своей жизни он не был так потрясен. Маркиз Морелла улыбнулся в первый раз за весь день. По крайней мере от одного врага он освободится. Кастелл же подошел к Маргарет и нежно обнял ее. Затем он пожал руку Питеру и сказал ему:

— Убей этого вора, — он кивнул в сторону Морелла, — я знаю, что ты это сделаешь и сделал бы, даже если бы таких, как он, было десять. Будь хорошим мужем моей девочке, а я знаю, что ты будешь таким, иначе я спрошу с тебя там, где

нет ни евреев, ни христиан, ни священников, ни королей. А теперь помолчи и смирись с тем, с чем необходимо смириться, как делаю это я. Я хочу еще кое-что сказать, прежде чем оставлю вас и этот мир. Ваши величества, я не оправдываюсь, и, когда меня будет допрашивать судья инквизиции, их задача будет легка, потому что я не собираюсь ничего скрывать и буду говорить только правду, хотя я буду делать это не из страха и не из боязни боли. Ваши величества, вы обещали, что эти двое, достаточно хорошие христиане от рождения, будут обвенчаны. Я хотел бы спросить вас, может ли мое преступление против религии, в котором меня обвиняют, разъединить их или нанести им какой-либо ущерб?

— Даю вам слово, — поспешно ответила королева, словно желая опередить короля, — даю вам слово, Джон Кастелл, что ваше дело, к чему бы вас ни приговорили, не коснется ни их самих, ни их собственности, — медленно добавила она.

— Серьезное обещание, — пробормотал король.

— Это мое обещание, — решительно заявила королева, — и я сдержу его во что бы то ни стало. Эти двое будут обвенчаны, и, если сэр Питер останется жив, они уедут из Испании в полной

безопасности, и никакое новое обвинение не будет предъявлено им ни одним судом королевства; их также не будут преследовать или возбуждать против них дела ни в каком другом государстве ни от нашего имени, ни от имени наших должностных лиц. Пусть мои слова будут записаны, один экземпляр пусть будет подписан и сохранен в архивах, а второй передан донне Маргарет.

— Ваше величество, — сказал Кастелл, — я благодарю вас. Теперь, если я умру, я умру счастливым. Я дерзну сообщить вам, что, если бы вы не сказали этого, я убил бы себя здесь, на ваших глазах. И еще я хочу вам сказать, что инквизиция, которую вы учредили, уничтожит Испанию и превратит ее в прах и тлен.

Он кончил говорить, и, когда смысл его смелых слов дошел до сознания собравшихся, по толпе придворных пробежал вздох, похожий на испуг. Тем временем толпа позади Кастелла расступилась, и появились шедшие двумя рядами монахи с лицами, закрытыми капюшонами, и стража из солдат, — все они, без сомнения, ожидали здесь заранее. Они подошли к Джону Кастеллу, дотронулись до его плеча, сомкнулись вокруг него, словно скрыв его от всего земного, и, окруженный ими, он исчез.

Воспоминания Питера об этом странном дне в Алькасаре навсегда остались несколько туманными. Это было неудивительно. На протяжении всего нескольких часов его судили, жизнь его висела на волоске и вдруг его оправдали. Он увидел Бетти, превратившуюся из скромной компаньонки в блистательную и великолепную маркизу, подобно тому как личинка превращается в бабочку; был свидетелем того, как она выступала против своего супруга, который обманул ее и которого она обманула в свою очередь, и как она выиграла свое дело благодаря находчивости и силе характера.

В качестве ее защитника и защитника Маргарет он вызвал Морелла на поединок, и, когда его противник отказался под предлогом различия в звании, по воле королевы Изабеллы, которой Маргарет рассказала о тайных притязаниях Морелла, он был неожиданно награжден высоким званием рыцаря испанского ордена Сант-Яго.

Более того: самое страстное его желание было удовлетворено — он получил возможность встретиться в честном и равном бою со своим врагом, которого он справедливо ненавидел, и биться с ним насмерть. Ему было также обещано, что через несколько дней Маргарет станет

его женой, хотя могло случиться, что она будет носить это имя не больше часа. До тех пор им обещали безопасность и защиту от предательства и происков Морелла. Им было также обещано, что в любом случае им нигде и никогда не будет больше предъявлено никаких обвинений.

И, наконец, когда уже все, казалось, кончилось благополучно, не считая предстоящего поединка, о котором он, привыкший к подобным вещам, меньше всего думал, когда в конце концов его чаша, очищенная от грязи и песка, наполнилась красным вином битвы и любви, когда она была уже почти у его уст, судьба подменила ее и наполнила отравой и желчью. Кастелл, отец его невесты, человек, которого он любил, был брошен в подвалы инквизиции, откуда — Питер хорошо это знал — он мог выйти только в желтом балахоне, «переданным в руки светской власти», чтобы погибнуть медленной и мучительной смертью на костре в Квемадеро, где сжигали еретиков.

Что принесет ему победа над Морелла, если даже небеса дадут ему силу, чтобы сокрушить своего врага? Что это будет за свадьба, которая окажется скрепленной и освященной смертью отца невесты на мучительном костре инквизи-

ции? Разве смогут они когда-нибудь забыть запах дыма этого костра? Кастелл — храбрый человек, и никакие мучения не заставят его отречься от своей веры. Сомнительно даже, станет ли он под пытками отрицать ее, он, который был крещен своим отцом из соображений безопасности и продолжал поддерживать этот обман ради своего дела и ради того, чтобы иметь жену-христианку. Нет, Кастелл был обречен, и Питер мог спасти его от инквизиции и короля не больше, чем голубь может защитить свое гнездо от голодных ястребов.

О, эта последняя сцена! Никогда в жизни Питер не забудет ее! Огромный зал с разрисованными арками и мраморными колоннами; лучи полуденного солнца, падающие сквозь окна и, подобно крови, льющиеся на черные одежды монахов; душераздирающий крик Маргарет и ее помертвевшее лицо, когда отца оторвали от нее и она в обмороке упала на украшенную драгоценностями грудь Бетти; жестокая усмешка на губах Морелла; страшная улыбка короля; жалость в глазах королевы; взволнованный шепот толпы; быстрые, короткие реплики адвокатов; скрип пера писца, безразличного ко всему, за исключением своей работы, когда он записывал решения;

и над всем этим — прямой, вызывающий, неподвижный Кастелл, окруженный служителями смерти, удаляющийся в темноту галереи, уходящий в могильный мрак.

ГЛАВА XXIII. ОТЕЦ ЭНРИКЕ И ПЕЧЬ БУЛОЧНИКА

Прошла неделя. Маргарет жила во дворце, Питер дважды был у нее и нашел ее в полном отчаянии. Даже то, что они должны быть обвенчаны в следующую субботу, — день, на который назначен был также поединок между Питером и Морелла, не доставлял ей ни радости, ни утешения. Ведь на следующий день, на воскресенье, в Севилье был назначен «акт веры» — аутодафе, на котором еретики — евреи, мавры и люди, занимавшиеся богохульством, — должны ответить за свои преступления: одни будут сожжены на костре в Квемадеро, другие — публично признаются в своих вопиющих грехах перед тем, как их заточат на пожизненное одиночное заключение, а кое-кого задушат, прежде чем их тела будут преданы огню. Было известно, что Джону Кастеллу предназначена главная роль в этой церемонии.

Маргарет на коленях, в слезах умоляла королеву о милосердии. Но слезы действовали на сердце королевы не больше, чем вода, капающая на бриллиант. Мягкая в других вопросах, в делах,

касающихся религии, она становилась хитрой, как лиса, и жестокой, как тигр. Она была даже возмущена поведением Маргарет. Разве мало для нее было сделано? — спросила королева. Разве она не дала своего королевского слова не предпринимать никаких шагов, чтобы лишить обвиняемого собственности, которая есть у него в Испании, если он будет признан виновным; разве она не обещала, что никакие наказания, которые по закону и обычаю падают на детей этих людей, преданных позору, не коснутся Маргарет? Разве Маргарет не будет обвенчана со своим возлюбленным и, если он останется в живых после поединка, ей не дадут возможность с почетом уехать вместе с ним и даже не заставят смотреть, как ее отец искупит свои преступления? Ведь как хорошая христианка она должна радоваться, что он получил возможность примирить свою душу с богом и его судьба станет уроком для других приверженцев его религии. Может быть, она тоже еретичка?

Королева неистовствовала до тех пор, пока Маргарет, совершенно измученная, не ушла от нее, задавая себе вопрос, может ли быть справедливой религия, которая требует от детей, чтобы они доносили на своих родителей и обрекали их

на муки. Где об этом сказано у спасителя или его апостолов? А если об этом не сказано там, то кто это придумал?

— Спаси его! Спаси его! — в отчаянии рыдала Маргарет перед Питером. — Спаси его или, клянусь тебе, как бы я ни любила тебя и сколько бы ни считалось, что мы обвенчаны, ты никогда не будешь моим мужем.

— Это несправедливо, — мрачно покачал головой Питер, — ведь не я передал его в руки этих дьяволов. Скорее всего, это кончится тем, что я разделю его участь. И все-таки я попытаюсь сделать все, что в человеческих силах.

— Нет, нет! — закричала она в отчаянии. — Не делай ничего, что может навлечь на тебя опасность!

Но Питер вышел, не ожидая ее ответа.

Ночью Питер сидел в потайной комнатке одной из булочных Севильи. Кроме него, там было несколько человек — отец Энрике, ныне секретарь святейшей инквизиции, одетый как мирянин, Инесса, Бернальдес и старый еврей Израэль из Гранады.

— Я привела его сюда, — сказала Инесса, указывая на отца Энрике. — Не важно, как мне удалось это сделать. Но поверьте, это было довольно рис-

кованно и неприятно. А какая от этого польза?

— Никакой пользы, — нагло заявил отец Энрике, — кроме той, что я положил в карман десять золотых.

— Тысяча дублонов, если наш друг будет спасен целым и невредимым, — промолвил Израэль. — О бог мой! Подумай об этом — тысяча дублонов!

Глаза секретаря инквизиции загорелись.

— Они бы мне весьма пригодились, — сказал он, — и ад еще лет десять свободно может обойтись без одного грязного еврея, но я не знаю, как это сделать. Я знаю другое: что вас всех ждет его участь. Это страшное преступление — пытаться подкупить служителя святейшей инквизиции.

Бернальдес побледнел, Израэль стал кусать ногти, но Инесса похлопала священника по плечу.

— Уж не думаешь ли ты предать нас? — спросила она своим нежным голоском. — Послушай меня, я кое-что понимаю в ядах и клянусь тебе, если ты замыслишь дурное, то не пройдет и недели, как ты в судорогах отправишься на тот свет и никто не узнает, откуда попал к тебе яд. Или я околдую тебя — ведь я недаром прожила дюжину лет среди мавров, — у тебя распухнет голова, иссохнет тело и ты станешь богохульствовать, не понимая, что говоришь, пока тебя с позором не

поджарят на костре.

— Околдуешь меня? — отозвался отец Энрике с дрожью. — Ты уже сделала это, иначе я не был бы здесь.

— Тогда, если ты не хочешь очутиться на том свете раньше срока, — продолжала Инесса, похлопывая его нежно по плечу, — думай, думай, ищи выход, верный слуга святейшей инквизиции.

— Тысяча золотых дублонов! Тысяча дублонов! — прокаркал старый Израэль. — Но если ты не сумеешь ничего сделать, то рано или поздно, теперь или через месяц, — смерть, смерть медленная и жестокая.

Теперь отец Энрике совсем перепугался.

— Вам нечего бояться меня, — хрипло произнес он.

— Я рада, что ты наконец нас понял, друг мой, — прозвучал мягкий, насмешливый голос Инессы, которая, подобно злому духу, все время стояла позади монаха. Она опять нежно похлопала его по плечу, на этот раз обнаженным лезвием кинжала. — А теперь быстро выкладывай свой план. Становится поздно, и всем святым людям пора уже спать.

— У меня нет никакого плана. Придумай сама! — сердито ответил священник.

— Хорошо, друг мой, очень хорошо. Тогда я попрощаюсь с тобой, потому что вряд ли мы встретимся в этом мире.

— Куда ты идешь? — с беспокойством спросил он.

— Во дворец, к Морелла и к одному его другу и родственнику. Выслушай, что я тебе скажу. Я могу заслужить прощение за мое участие в свадьбе, если я смогу доказать, что некий подлый священник знал, что совершает обман. Ну, а я могу доказать это — ты, надеюсь, помнишь, что дал мне расписку, — а если я сделаю это, что произойдет со священником, который вызвал ненависть испанского гранда и его знатного родственника?

— Я служитель святейшей инквизиции, никто не посмеет тронуть меня! — выкрикнул отец Энрике.

— Я думаю, что найдутся люди, которые пойдут на риск. Король, например.

Отец Энрике бессильно откинулся на спинку стула. Теперь он догадался, кого подразумевала Инесса, говоря о знатном родственнике Морелла, и понял, что попал в ловушку.

— В воскресенье утром, — заговорил он глухим шепотом, — процессия направляется по улицам к театру, где будет прочитана проповедь тем, кто

должен будет идти в Квемадеро. Около восьми часов процессия ненадолго вступит на набережную, где будет мало зрителей и потому дорога там не охраняется. Если дюжина смелых молодцов, переодетых крестьянами, будет ждать там с лодкой наготове, то, может быть, они сумеют… — И отец Энрике замолк.

Тут в первый раз заговорил Питер, который до тех пор сидел молча, наблюдая за этой сценой.

— В таком случае, преподобный отец, как эти смелые парни сумеют узнать жертву, которую они ищут?

— Еретик Джон Кастел, — ответил священник, — будет сидеть на осле, одетый в замарру[20] из овчины, с нарисованными на ней чертями и подобием пылающей головы. Все это очень хорошо нарисовано, я умею рисовать и сам делал это. Кроме того, у него у одного будет на шее веревка, по которой его можно будет узнать.

— Почему он будет сидеть на осле? — с яростью спросил Питер. — Потому, что вы пытали его так, что он не может ходить?

— Нет, нет! — возразил доминиканец, съежившись под этим яростным взглядом. — Его ни разу

---

[20] Примечания: 20
Замарра — балахон позора.

не допрашивали, ни одного поворота манкуэдры, клянусь вам, сэр рыцарь! Зачем это — ведь он открыто признал себя презренным евреем!

— Будь осторожнее в выражениях, друг мой, — прервала его Инесса, фамильярно похлопывая его по плечу: — здесь есть люди, которые придерживаются другого мнения, чем вы в вашем святом доме, но которые умеют применять манкуэдру и могут устроить неплохую дыбу при помощи доски и одного или двух воротов, какие есть в соседней комнате. Воспитывайте в себе учтивость, высокоученый священник, иначе, прежде чем покинуть это место, вы станете длиннее на целый локоть.

— Говори дальше, — приказал ему Питер.

— Кроме того, — продолжал дрожащим голосом отец Энрике, — был приказ не пытать его. Инквизиторы полагали — это было, конечно, неправильно с их стороны, — что у него есть соучастники, чьи имена он выдаст, но в приказе было сказано, что так как он долго жил в Англии и только недавно прибыл в Испанию, то у него не может быть сообщников. Так что он цел и невредим. Я слышал, что никогда ни один нераскаявшийся еврей не шел на костер в таком отличном состоянии, как бы богат и уважаем

он ни был.

— Тем лучше для тебя, если ты не врешь, — заметил Питер. — Продолжай.

— Больше нечего рассказывать. Могу еще добавить, что я буду идти рядом с ним вместе с двумя стражами, и, конечно, если его вырвут у нас и под руками не окажется лодки для преследования, мы ничего не сможем сделать. Ведь мы, священники, люди мирные и можем даже разбежаться при виде грубого насилия.

— Я советую вам бежать быстро и как можно дальше, — проронил Питер. — Однако, Инесса, где гарантия, что ваш друг нас не обманет? Ведь он может провести кого угодно.

— Тысяча дублонов, тысяча дублонов, — пробормотал старик Израэль подобно сонному попугаю.

— Он, может быть, надеется выжать еще больше из наших трупов, старик. Что вы скажете, Инесса? Вы лучше разбираетесь в этой игре. Как мы можем заставить его сдержать слово?

— Я думаю, смертью, — сказал Бернальдес, понимая, какой опасности он подвергается как компаньон и родственник Кастелла и номинальный владелец судна «Маргарет», на котором тот должен был бежать. — Мы знаем все, что он мо-

жет рассказать, и, если мы отпустим его, он рано или поздно предаст нас. Убейте его, чтобы он не смог мешать нам, и сожгите его труп в печи.

Тут отец Энрике упал на колени и со слезами и стонами начал умолять о милосердии.

— Чего ты так хнычешь? — спросила Инесса, глядя на него задумчивым взглядом. — Ведь твоя смерть будет гораздо легче, чем та, на которую ваши праведники обрекают многих гораздо более честных мужчин… женщин. Что касается меня, то я думаю, что сеньор Бернальдес дал правильный совет. Лучше умереть одному, чем всем нам. Ведь ты понимаешь, что мы не можем довериться тебе. Есть ли у кого-нибудь веревка?

Отец Энрике пополз к ней на коленях и начал целовать подол ее платья, умоляя во имя всех святых пожалеть его. Ведь он попал в эту ловушку из-за любви к ней.

— К деньгам, ты хочешь сказать, гадина, — поправила Инесса, отталкивая его туфлей. — Я вынуждена была слушать твои любовные бредни, когда мы ехали вместе, и еще раньше, но здесь мне это ни к чему. И если ты заговоришь опять о любви, ты живым отправишься в печь булочника. О, ты забыл об этом, но у меня к тебе большой счет. Ты ведь был связан с инквизицией

здесь, в Севилье, — не так ли, — еще до того, как Морелла дал тебе за твое рвение приход в Мотриле и сделал одним из своих капелланов. У меня была сестра… — Она наклонилась и шепнула ему на ухо имя.

Он издал звук — это был скорее вопль.

— Я не имел никакого отношения к ее смерти! — запротестовал он. — Ее предал в руки инквизиции кто-то другой, давший против нее ложные показания.

— Да, я знаю. Это был ты. Ты, мерзавец с душой змеи, ты был зол на нее, и ты дал ложные показания. Ты добровольно, сам донес на Кастелла, заявив, что в твоем доме в Мотриле он прошел мимо распятия, не поклонившись. Это ты уговаривал учинить ему допрос, уверяя их, что он богат и у него достаточно богатые друзья, чтобы и из них выжать немало денег. Ты ведь рассчитывал получить свою долю, не так ли? Я неплохо осведомлена. Даже то, что происходит в темницах святейшей инквизиции, доходит до ушей Инессы. Ну что ж, ты все еще считаешь, что печь булочника слишком горяча для тебя?

Теперь отец Энрике от ужаса вообще лишился языка. Он лежал на полу, глядя на эту безжалостную женщину с нежным голосом. Она обманула

его и превратила в свое орудие, она завлекла его сюда сегодня, она ненавидит его, и ненавидит по заслугам.

— Пожалуй, лучше будет не марать нам руки, — сказал Питер. — Душить крыс — маленькое удовольствие, а его могли выследить. Нет ли какого-нибудь другого пути, Инесса?

Она подумала немного, затем ткнула отца Энрике ногой:

— Вставай, святой секретарь святейшей инквизиции, и садись писать. Это будет нетрудно для тебя. Вот здесь есть перья и бумага. А я буду диктовать:

> *Обожаемая Инесса!*
>
> *Твое долгожданное письмо благополучно дошло до меня в этом проклятом святом доме, где мы избавляем еретиков от их грехов для пользы их душ и от их богатств — для нашей собственной пользы…*

— Я не могу писать это, — простонал отец Энрике, — это страшная ересь.

— Нет, это только правда, — возразила Инесса.

— Ересь и правда — это часто одно и то же. Они сожгут меня за это.

— Это как раз то, что утверждают многие еретики. Они умирают за то, что считают правдой, почему бы и тебе этого не сделать? Слушай, — еще более сурово сказала она, — что ты предпочитаешь: быть сожженным на костре в Квемадеро, а это случится не раньше, чем ты предашь нас, или сгореть более скромно — в печи булочника в ближайшие полчаса? Продолжай свое письмо, ученый грамотей! Написал то, что я сказала? А теперь пиши:

Я понял все, что ты мне говорила о суде в Алькасаре в присутствии их величеств. Я надеюсь, что англичанка выиграла свое дело. Это была прелестная шутка, которую я сыграл с благородным маркизом в Гранаде. Такой ловкой шутки не бывало даже у нас здесь, в инквизиции. Ну что ж, у меня к маркизу был большой счет, и он заплатил мне сполна. Мне бы хотелось видеть выражение его лица, когда он узнал в своей новобрачной служанку и понял, что хозяйка бежала с другим. Племянник короля, мечтающий сам стать королем, женился на английской служанке! Хорошо, очень хорошо, дорогая

Инесса. Что касается этого еврея, Джона Кастелла, я думаю, что все можно устроить, если есть деньги, потому что, ты знаешь, даром я ничего не делаю. Таким образом…

И дальше Инесса с удивительной ясностью продиктовала его предложение, как спасти Кастелла, с которым читатель уже знаком, и закончила письмо так:

Эти инквизиторы — жестокие звери, хотя они еще больше любят деньги, чем кровь; все их разговоры о борьбе за чистоту веры — все равно что ветер в горах: они столько же думают о вере, сколько горы о ветре. Они хотели пытать этого беднягу, думая, что из него посыпаются мараведи, но я намекнул там, где надо, и их фокус не удался. Дорогая, я должен кончать, время идти по делам, но я надеюсь увидеть тебя, как мы условились, и мы проведем веселый вечерок. Мой привет новобрачному маркизу, если ты его встретишь.

Твой Энрике.

P.S. Моя служба вряд ли будет такой выгодной, как я надеялся, так что я очень рад заработать что-нибудь на стороне, чтобы купить тебе подарок, от которого заблестят твои прелестные глазки.

— Вот так, — тихо сказала Инесса. — Я думаю, что этого достаточно, чтобы тебя сожгли три или четыре раза. Дай-ка мне прочитать: хочу проверить, все ли здесь правильно написано и подписано, а то в подобном деле очень многое зависит от почерка. Ну, так будет хорошо. Теперь ты понимаешь, что, если не выполнишь обещания, другими словами, если Джон Кастелл не будет спасен или если кому-нибудь станет известно о нашем маленьком заговоре, это письмо немедленно попадет куда следует и некий секретарь инквизиции пожалеет, что он вообще родился на свет. Ты будешь умирать, — прибавила она свистящим шепотом, — медленно, как умирала моя сестра.

— Тысяча дублонов, если дело удастся и ты будешь жив, чтобы потребовать их, — проговорил Израэль. — Я не откажусь от своего слова. Смерть, позор и пытки или тысяча дублонов. Теперь ему известны наши условия. Завяжите ему глаза,

сеньор Бернальдес и уведите его отсюда, а то он отравляет здесь воздух. Но прежде, Инесса, пойди и спрячь письмо. Ты знаешь где.

Той же ночью две фигуры, закутанные в плащи, плыли в маленькой лодке по направлению к «Маргарет». Это были Питер и Бернальдес. Привязав лодку, они поднялись на борт корабля и прошли в каюту. Здесь их ожидал капитан Смит. Честный моряк был так рад увидеть Питера, что крепко сжал его в своих объятиях. Они ведь не виделись после той отчаянной попытки взять на абордаж «Сан Антонио».

— Судно готово к выходу в море? — спросил Питер.

— Оно никогда не было более готово, — ответил капитан. — Когда я получу приказ поднимать паруса?

— Когда хозяин судна будет на борту, — сказал Питер.

— Тогда мы сгнием здесь. Его ведь схватила инквизиция. Что вы задумали, Питер Брум? Что вы задумали? Есть какой-нибудь шанс?

— Да, капитан, я надеюсь, если здесь найдется дюжина крепких английских парней.

— Найдется, и даже больше. Но каков ваш план?

Питер рассказал ему все.

— Не так плохо, — произнес Смит, стукнув тяжелым кулаком себя по колену, — но рискованно, очень рискованно. Эта Инесса, должно быть, хорошая девушка. Я не прочь был бы жениться на ней, несмотря на ее прошлое.

Питер рассмеялся, представив себе, какую странную пару они составили бы.

— Выслушайте до конца, — попросил он. — В эту субботу госпожа Маргарет и я будем обвенчаны, затем перед заходом солнца я встречусь с маркизом Морелла на большой арене, где происходит обычно бой быков. Вы с пятью — шестью матросами будете при этом присутствовать. Я могу победить, могу и погибнуть…

— Никогда! Никогда! — воскликнул капитан. — Я не поставлю и пары старых башмаков за этого великолепного испанца. Вы разделаете его, как треску.

— Бог знает! — отозвался Питер. — Если я одержу победу, я и моя жена простимся с их величествами и направимся к набережной, где нас должна ожидать лодка, и вы переправите нас на борт «Маргарет». Если же я погибну, вы заберете мое тело и перевезете его таким же образом на борт «Маргарет». Я хочу, чтобы меня

забальзамировали в вине, отвезли в Англию и там похоронили. В любом случае вы уйдете на корабле вниз по течению, за излучину реки, чтобы думали, что вы уплыли совсем. Вместе с приливом в темноте вы подниметесь обратно и станете позади этих старых, брошенных судов. Если кто-нибудь спросит вас, почему вы вернулись, скажете, что троих или четверых ваших людей не оказалось на борту и вы вынуждены были вернуться за ними, или придумайте еще что-нибудь. Затем в том случае, если я буду убит, вы с десятком ваших лучших матросов высадитесь на берег. Место вам укажет вот этот джентльмен. Пусть все наденут испанскую одежду, чтобы не привлекать внимания, и пусть будут хорошо вооружены. Вы должны походить на зевак с какого-нибудь корабля, высадившихся на берег посмотреть на представление. Я уже объяснил вам, каким образом вы узнаете Кастелла. Как только увидите его, бросайтесь к нему, рубите каждого, кто попробует остановить вас, тащите Кастелла в лодку и гребите изо всех сил к судну. На корабле должны выбрать якоря и поднять паруса, как только увидят ваше приближение. Таков план, и один бог знает, чем это кончится. Все зависит от удачи и от матросов. Войдете вы

в эту игру ради любви к хорошему человеку и ко всем нам? В случае успеха вы все станете богатыми на всю жизнь.

— Да, — ответил капитан, — и вот вам моя рука. Мы вырвем его из этого ада, если это только в человеческих силах. Это так же верно, как то, что меня зовут Смит. И я сделаю это не ради денег. Мы так долго бездельничали здесь, дожидаясь вас и нашу госпожу, что будем рады поразмяться. Во всяком случае, раньше чем это дело будет кончено, там останется несколько мертвых испанцев. А если мы будем побеждены, я оставлю помощника и достаточное количество людей, чтобы довести судно до Тильбюри. Но мы победим, я не сомневаюсь в этом. Через неделю в этот день мы будем плыть через Бискайский залив, и ни одного испанца не будет на расстоянии трех сотен миль от нас, — вы, ваша жена и господин Кастелл. Раз я говорю так, значит, знаю.

— Откуда вы знаете? — с любопытством спросил Питер.

— Потому что мне приснилось все это вчера ночью. Я видел вас и госпожу Маргарет, сидящих рядышком, как голубки, и обнимающих друг друга. А я в это время разговаривал с хозяином. Солнце садилось, дул ветер с юго-юго-запада, и

надвигалась буря. Говорю вам, что я видел это во сне, а мне редко снятся сны.

ГЛАВА XXIV. СОКОЛ НАПАДАЕТ

Наступил день свадьбы Маргарет и Питера. Питер выехал из ворот тюрьмы и остановился у ворот дворца, как ему было приказано. Он был одет в белые доспехи, присланные ему в подарок королевой в знак ее добрых пожеланий в предстоящем поединке с Морелла. На шее у него висел на ленте рыцарский орден Сант-Яго, на щите был изображен герб Питера — устремляющийся вниз сокол. Это изображение повторялось и на белом плаще. Позади него ехал знатный дворянин, державший в руках его шлем с перьями и копье. Сопровождал их эскорт королевской стражи.

Ворота дворца раскрылись, и из них на коне выехала Маргарет в великолепном белом с серебром наряде. Вуаль была приподнята так, что было видно лицо. Ее сопровождали дамы, все на белых лошадях, а рядом с Маргарет, почти затмевая ее роскошью своей одежды, ехала вместе со своей свитой Бетти, маркиза Морелла, — по крайней мере, пока.

Хотя Маргарет никогда нельзя было назвать иначе, как прекрасной, сегодня она выглядела

утомленной и бледной, когда приветствовала своего жениха у ворот дворца. В этом не было ничего удивительного — ведь она знала, что через несколько часов его жизнь будет поставлена на карту в смертельном поединке, а завтра отец ее будет заживо сожжен в Квемадеро.

Они встретились, приветствовали друг друга; запели серебряные трубы, и сверкающая процессия двинулась по узким улицам Севильи. Питер и Маргарет не обменялись и несколькими словами — сердца их были слишком полны, они уже сказали друг другу все, что можно было сказать, и теперь ждали исхода событий. Однако Бетти, которую многие в толпе принимали за невесту, потому что она выглядела гораздо более счастливой, чем они оба, не могла молчать. Она упрекнула Маргарет за то, что та не радуется в такой день.

— О, Бетти, Бетти, — ответила Маргарет, — как я могу быть веселой, когда на сердце у меня лежит тяжесть завтрашнего дня!

— Пусть она провалится, тяжесть завтрашнего дня! — воскликнула Бетти. — С меня хватает тяжестей сегодняшнего дня, однако я не унываю. Никогда в жизни мы не будем ехать так, как сейчас, когда все смотрят на нас и каждая

женщина в Севилье завидует нам и милости к нам королевы.

— Я думаю, что это на тебя они смотрят и тебе завидуют, — сказала Маргарет, бросив взгляд на эту блистательную женщину, едущую рядом с ней.

Она понимала, что красота Бетти затмевает ее собственную, во всяком случае в глазах уличной толпы, подобно тому как роза, сверкающая на солнце, затмевает лилию.

— Может быть, — улыбнулась Бетти. — Но если это так, то только потому, что я легче смотрю на вещи и смеюсь даже тогда, когда мое сердце истекает кровью. В конце концов, твое положение гораздо более прочное, чем мое. Если твой муж должен сейчас сразиться насмерть, то же самое должен делать и мой муж, а, между нами говоря, я больше уверена в победе Питера. Он ведь очень упорный боец и удивительно сильный — слишком упорный и слишком сильный для любого испанца.

— Да, это так, — слабо улыбаясь, произнесла Маргарет. — Питер — твой защитник, и, если он проиграет, на тебе навсегда останется печать служанки и безродной женщины.

— Служанкой я была или, во всяком случае,

чем-то вроде этого, — заметила Бетти задумчиво, — а что касается моего происхождения, то это уж что есть. Зато я могу выдержать там, где другие не выдержат. Так что это все меня не очень волнует. Меня беспокоит другое: что, если мой защитник убьет моего мужа?

— Ты не хочешь, чтобы он был убит? — Маргарет посмотрела на Бетти.

— Пожалуй, нет, — ответила Бетти слегка дрогнувшим голосом и на мгновение отвернула лицо. — Я знаю, что он мерзавец, но ты понимаешь, я всегда любила этого мерзавца, так же как ты всегда ненавидела его. Поэтому я ничего не могу с собой поделать, но я бы предпочла, чтобы он встречался с кем-нибудь другим, у кого удар не так силен, как у Питера. Кроме того, если он погибнет, его наследники обязательно начнут судиться со мной.

— Во всяком случае, твоего отца не собираются сжечь завтра, — сказала Маргарет, чтобы переменить тему разговора, которая, по правде говоря, была не из приятных.

— Нет, кузина. Если мой отец получил по заслугам, то его безусловно сожгли и он все еще продолжает гореть — в чистилище, — но, видит бог, я никогда не брошу вязанку дров в его костер.

Однако твоему отцу не грозит такая опасность, так зачем терзаться по этому поводу?

— Почему ты так говоришь? — удивилась Маргарет, которая не посвящала Бетти в детали заговора.

— Я не знаю, но я уверена, что Питер вызволит его из беды. Питер — это посох, на который можно опереться, хотя и выглядит он таким черствым и молчаливым, — в конце концов, это свойства посоха… Смотри, вон собор: разве он не красив? И огромная толпа народа ожидает у дверей. Теперь надо улыбаться, кузина. Кланяйся и улыбайся, как это делаю я.

Они подъехали к собору, и Питер, соскочив с коня, помог сойти своей невесте. Процессия выстроилась в должном порядке, и они проследовали в собор, сопровождаемые церковными служителями с жезлами.

Маргарет никогда раньше не была в этом соборе и никогда больше не видела его, но память о нем осталась у нее на всю жизнь. Прохлада и полумрак после ослепительного блеска солнца, семь огромных приделов храма, тянущихся без конца направо и налево, мрачные своды, колонны, уходящие ввысь, подобно тому как большие деревья в лесу стремятся к небу, торжественный

полумрак, пронизанный лучами света, льющимися из высоких окон, сверкающее золото алтаря, звуки пения, гробницы — все это захватило ее, подавило и навсегда запечатлелось в ее памяти.

Медленно приблизились они к ступенькам огромного алтаря. Здесь стояли многочисленные прихожане, и здесь же, направо, сидели на троне король и королева Испании, решившие почтить эту свадьбу своим присутствием. Более того: когда подошла невеста, королева Изабелла в знак особой милости встала и, наклонившись, поцеловала ее в щеку. Пел хор, играла музыка. Это было превосходное зрелище — свадьба Маргарет, устроенная в одном из самых знаменитых соборов Европы. Однако, глядя на облаченных в сверкающие одеяния епископов и священников, созванных сюда для того, чтобы оказать ей честь, на то, как они двигаются взад и вперед, совершая таинственный обряд, Маргарет думала о другом обряде, столь же торжественном, который состоится завтра на самой большой площади Севильи, где эти же самые церковные служители будут приговаривать людей — возможно, среди них и ее отца — на обручение с огнем.

Рука об руку преклонили Маргарет и Питер колена перед огромным алтарем. Облака благово-

ний поднимались от качающихся кадил, теряясь во мраке. Точно так же завтра дым костров будет подниматься к небу. Они стояли, она и ее муж, завоеванный наконец ею, завоеванный после стольких страданий и которого она, возможно, потеряет прежде, чем ночь спустится на землю. Священники пели, епископ в роскошном облачении наклонился над ними и прошептал слова брачного обряда, на палец ей надели кольцо, слова обещания были произнесены, было дано благословение, и они стали мужем и женой. Разлучить их могла только смерть, — она стояла так близко от них в этот час.

Все было кончено. Маргарет и Питер поднялись, повернулись и на какое-то мгновение остановились. Маргарет обвела взглядом присутствующих и неожиданно увидела темное лицо Морелла, стоящего несколько в стороне и окруженного своими приближенными. Он смотрел на нее. Он подошел к ней и, низко поклонившись, прошептал:

— Мы участвуем в странной игре, леди Маргарет. Хотел бы я знать, чем она кончится. Буду ли я мертв сегодня вечером, или вы станете вдовой? И где начало этой игры? Не здесь, я думаю. И где дадут плоды те семена, что мы посеяли? Не

думайте обо мне плохо, потому что я любил вас, а вы меня нет.

Он опять поклонился, сначала Маргарет, потом Питеру, и прошел, не обратив внимания на Бетти, которая стояла рядом, глядя на него своими большими глазами, словно тоже раздумывая, чем кончится эта игра.

Король и королева, окруженные придворными, вышли из собора, вслед за ними двинулись новобрачные. Они вновь сели на своих коней и в сиянии южного солнца, под приветственные крики толпы направились ко дворцу, где их ждал свадебный пир. Там для них был приготовлен стол, поставленный только чуть ниже королевского стола. Свадебный пир был великолепен и тянулся очень долго, но Маргарет и Питер почти ничего не ели и, не считая церемониальной чаши, ни одна капля вина не коснулась их губ. Наконец запели трубы, король и королева поднялись, и король своим тонким голосом объявил, что он не прощается с гостями, так как весьма скоро они все встретятся в другом месте, где храбрый новобрачный — английский джентльмен — будет защищать честь своей родственницы и соотечественницы в поединке с одним из первых грандов Испании, которого она обвиняет в

причинении ей зла. Этот поединок, увы, не будет развлекательным турниром, он будет битвой насмерть, таковы его условия. Он не может пожелать успеха ни одному из противников, но он уверен, что во всей Севилье нет ни одного сердца, которое не отнеслось бы с должным уважением и к победителю и к побежденному, он уверен также, что оба противника будут доблестными, как подобает храбрым рыцарям Испании и Англии.

Вновь запели трубы, и придворные, назначенные сопровождать Питера, подошли к нему и объявили, что ему пора надеть доспехи. Новобрачные поднялись, окружающие отошли в сторону, чтобы не слышать их разговора, но с любопытством смотрели на них. Питер и Маргарет обменялись несколькими словами.

— Мы расстаемся, — произнес Питер, — и я не знаю, что сказать.

— Не говори ничего, муж мой, — ответила Маргарет. — Твои слова сделают меня слабой. Иди и будь храбр — сражайся за свою честь, за честь Англии и мою. Живой или мертвый — ты мой любимый, и живые или мертвые — мы встретимся. Мои молитвы будут с тобой, сэр Питер, мои молитвы и моя вечная любовь. Может быть, они дадут силу твоим рукам и уверенность твоему

сердцу.

Затем Маргарет, не желая обнимать его на глазах у всех, присела перед ним в таком низком поклоне, что ее колено почти коснулось земли, он же низко склонился перед ней. Странное и величавое расставание — так, по крайней мере, подумали все собравшиеся. Взяв Бетти за руку, Маргарет покинула Питера.

Прошло два часа. Пласа де Торос, где должен был происходить поединок, — потому что на большой площади, на которой обычно устраивались турниры, готовили завтрашнее аутодафе, — была переполнена народом. Это был огромный амфитеатр, — возможно, построенный еще римлянами, — где устраивались всевозможные игры, в том числе и бои быков. Двенадцать тысяч зрителей могли разместиться на скамейках, поднимавшихся ярусами вокруг огромной арены, и вряд ли в этот день там можно было найти хоть одно свободное место. Арена, достаточно большая, чтобы кони, взяв разбег с любого конца ее, могли набрать полную скорость, была посыпана белым песком, так же как это, вероятно, делалось и в те времена, когда на ней сражались гладиаторы. Над главным входом, как раз против центра арены, сидели король и королева

со своими приближенными, и между ними, но чуть позади, прямая и молчаливая, как статуя, — Маргарет. Лицо ее было закрыто подвенечной вуалью. Напротив них, по другую сторону арены, в беседке, окруженная свитой, сидела Бетти, сверкая золотом и драгоценностями, поскольку она была дамой, за чье доброе имя, по крайней мере формально, происходил этот поединок. Она сидела тоже совершенно неподвижно, привлекая взоры всех собравшихся. В ожидании поединка все разговоры вертелись вокруг нее, — это создавало рокот, подобный рокоту волн, бьющихся ночью о берег.

Загремели трубы, затем наступила тишина. Предшествуемый герольдами в золотых одеждах, через главный вход на арену выехал маркиз Морелла в сопровождении свиты. Под ним был великолепный черный конь, и сам он был одет в черные доспехи, над шлемом развевался черный плюмаж из страусовых перьев. На его алом щите был изображен орел с короной, указывавший на его звание, и под ним гордый девиз: «То, что я беру, я уничтожаю». Маркиз остановил своего коня в центре арены, поднял его на дыбы и заставил сделать круг на задних ногах. Он отсалютовал королевской чете длинным копьем со стальным

наконечником. Толпа приветствовала его криками. После этого Морелла со своими людьми отъехали к северному концу арены.

Вновь зазвучали трубы, и появился герольд, а за ним верхом на белом коне, одетый в белые доспехи, сверкавшие на солнце, с белым плюмажем на шлеме, выехал высокий и суровый сэр Питер Брум. На его щите был изображен золотой, устремляющийся вниз сокол с девизом: «За любовь и честь». Он так же выехал на середину арены и сделал круг совершенно спокойно, словно ехал по дороге, при этом он тоже поднял свое копье в знак приветствия. На этот раз толпа молчала — рыцарь был иностранец. Однако солдаты, бывшие в толпе, говорили друг другу, что вид у него бравый и победить его будет нелегко.

В третий раз зазвучали трубы, и оба рыцаря двинулись навстречу друг другу и остановились перед королевскими величествами. Главный герольд громко возвестил условия поединка. Они были краткими: поединок должен продолжаться до смертельного исхода, если только король и королева не пожелают прекратить его раньше, а победитель согласится с их пожеланиями; рыцари будут биться на конях или пешими, копьями, мечами или кинжалами, но сломанное оружие

не может быть заменено, нельзя заменять также коней и доспехи; победителя с почетом проводят с поля боя, и ему разрешено будет уехать, куда он пожелает, в королевстве или за его пределы, ему не будет предъявлено никакого обвинения, и его не должна преследовать кровавая месть; тело побежденного будет отдано его друзьям для похорон также с подобающими почестями; исход поединка не должен ни в какой мере влиять на решение церковного или гражданского суда по иску дамы, утверждающей, что она маркиза Морелла, или со стороны благородного маркиза Морелла, который, как она утверждает, является ее мужем.

Условия поединка были оглашены, противников спросили, согласны ли они с этими условиями, на что оба четко и ясно ответили: «Да». Тогда герольд от имени сэра Питера Брума, рыцаря ордена Сант-Яго, вызвал благородного маркиза Морелла на смертельный поединок, поскольку названный маркиз оскорбил его родственницу, английскую леди Элизабет Дин, которая утверждает, что она жена маркиза, должным образом обвенчанная с ним, и нанес многие другие оскорбления сэру Питеру Бруму и его жене, донне Маргарет Брум, в знак чего герольд бросил пер-

чатку, которую маркиз Морелла поднял острием своего копья и перебросил через плечо, приняв таким образом вызов.

Соперники опустили забрала, их оруженосцы подошли проверить, хорошо ли укреплены доспехи, оружие, подпруги и поводья у коней. Все было в полном порядке, помощники герольдов взяли коней под уздцы и развели их в противоположные концы арены. По сигналу короля раздался звук трубы, и оруженосцы, бросив поводья, отскочили назад. Вторично зазвучала труба, и рыцари подобрали поводья, наклонились над гривами лошадей, прикрылись щитами и подняли копья, выставив их вперед.

Зрители застыли в напряженном молчании, и среди этой тишины пронесся звук третьей трубы — для Маргарет он прозвучал как глас судьбы. Из двенадцати тысяч глоток вырвался вздох, подобный порыву ветра на море, и замер вдали. Подобно стрелам, выпущенным навстречу друг другу, их кони с каждым шагом увеличивали скорость. Вот они встретились. Оба копья ударились о щиты, и оба противника покачнулись. Острия копей сверкнули, отклонившись в сторону или вверх, и рыцари, удержавшись в седлах, проскакали мимо, задев друг друга, но не ранив. В конце

арены оруженосцы поймали коней за поводья и повернули их. Первая схватка закончилась.

Вновь запели трубы, и опять противники помчались навстречу друг другу и встретились в центре арены. Как и в первый раз, копья ударили по щитам, но столкновение было столь сильным, что копье Питера разлетелось на куски, а копье Морелла, скользнув по щиту противника, застряло в его забрале. Питер пошатнулся в седле и стал падать назад. Когда казалось, что он вот-вот должен упасть с коня, завязки его шлема лопнули. Шлем был сорван с его головы, и Морелла проскакал мимо со шлемом на острие копья.

— Сокол падает! — закричали зрители. — Сейчас он свалится с коня!

Но Питер не свалился. Он отбросил разбитое копье и, ухватившись за ремень седла, подтянулся обратно в седло. Морелла пытался остановить коня, чтобы повернуть обратно и напасть на англичанина раньше, чем он оправится, но его конь стремительно мчался, остановить его было невозможно, пока он не увидит перед глазами стену. Наконец противники вновь повернулись друг к другу. Но у Питера не было копья и шлема, а на острие копья Морелла висел шлем его противника, от которого он тщетно пытался

освободиться.

— Вытаскивай меч! — кричали Питеру.

Это были голоса капитана Смита и его матросов. Питер опустил руку, чтобы взяться за меч. Но он не сделал этого и, оставив меч в ножнах, пришпорил коня и вихрем понесся на Морелла.

— Сокола сейчас проткнут! — закричали кругом. — Орел побеждает! Орел побеждает!

Действительно, казалось, что этим все кончится. Копье Морелла было направлено на незащищенное лицо Питера, но, когда копье было совсем близко, Питер бросил поводья и ударил своим щитом по белому плюмажу, развевавшемуся на конце копья Морелла, тому самому, что перед этим был сорван с головы Питера. Он рассчитал правильно: белые перья качнулись очень невысоко, однако достаточно для того, чтобы, пригнувшись в седле, Питер мог проскользнуть под смертоносным копьем. А когда противники поравнялись, Питер выбросил свою длинную правую руку и, обхватив Морелла, словно стальным крюком, вырвал его из седла. Черный конь помчался вперед без всадника, а белый — с двойной ношей.

Морелла обхватил Питера за шею, и тела их переплелись, черные доспехи перемешались с

белыми, противники раскачивались в седле, а испуганный конь мчался по арене, пока наконец не свернул резко в сторону. Противники упали на песок и некоторое время лежали, оглушенные падением.

— Кто победил? — кричали в толпе.

Им отвечали:

— Оба готовы!

Наклонившись вперед в своем кресле, Маргарет сорвала вуаль и смотрела на арену. Лицо ее было мертвенно бледным.

— Глядите, они упали вместе, вместе и зашевелились и теперь поднялись невредимыми.

Питер и Морелла отскочили друг от друга и выхватили длинные мечи. И пока оруженосцы ловили коней и подбирали сломанные копья, они уже стояли лицом к лицу. Питер, у которого не было шлема, держал высоко свой щит, чтобы защитить голову, и спокойно ожидал атаки.

Морелла первым нанес удар, и его меч со скрежетом столкнулся со сталью. Прежде чем Морелла успел вновь стать в позицию, Питер нанес ему ответный удар, однако Морелла успел пригнуться, и меч только срезал черные перья с его шлема. С быстротой молнии устремилось острие меча Морелла прямо в лицо Питера, но

англичанин успел чуть отклониться, и удар миновал его. Вновь атаковал Морелла и нанес удар такой силы, что, хотя Питер успел подставить свой щит, меч испанца скользнул по нему и пришелся по незащищенной шее и плечу. Кровь окрасила белые доспехи, и Питер зашатался.

— Орел побеждает! Орел побеждает! Испания и орел! — вопили десять тысяч глоток.

Вслед за этим наступило минутное молчание, и в этой тишине в толпе раздался женский голос, в котором Маргарет узнала голос Инессы:

— Нет, сокол нападает!

Не успел замереть звук ее голоса, как Питер, видимо разъяренный болью от раны и страхом поражения, с боевым кличем: «Да здравствуют Брумы!» — собрал все силы и ринулся прямо на Морелла — зрители увидели, что половина шлема испанца валялась на песке. На этот раз пришла очередь Морелла покачнуться. Более того — он выронил свой щит.

— Вот это удар! Хороший удар! — раздались голоса в толпе. — Сокол! Сокол!

Питер увидел, что противник потерял щит, и то ли из рыцарства, как подумала толпа, приветствовавшая этот жест, то ли потому, что он хотел освободить свою левую руку, но он отшвырнул

свой щит и, схватив меч обеими руками, бросился на испанца. С этого момента, хотя он был без шлема, исход поединка уже не вызывал сомнения. Бетти говорила о Питере как об упорном бойце с тяжелым ударом. На этот раз Питер доказал, что она была права. Свежий, будто он только что вышел на арену, Питер наносил удар за ударом злополучному испанцу, пока удары его меча по толедской стали доспехов противника не стали напоминать удары молота по наковальне. Это были страшные удары, но сталь еще выдерживала, и Морелла, сопротивляясь изо всех сил, отступал, пока наконец не оказался перед трибуной, где сидели их величества и Маргарет.

Краем глаза Питер увидел, где они находятся, и в душе решил, что именно сейчас и здесь он закончит бой. Отпарировав выпад отчаявшегося испанца, Питер нанес ему сокрушительный удар, меч его блеснул подобно радуге, и, хотя черная сталь выдержала, Морелла почти был сбит с ног. Воспользовавшись этим, Питер высоко поднял меч и с криком «Маргарет!» опустил его со всей силой, на какую был способен. Меч сверкнул подобно молнии, быстрый, ослепивший всех, кто смотрел на него. Морелла пытался отвести меч противника. Напрасно. Его собственный меч раз-

лелся, шлем был рассечен, и, широко раскинув руки, он тяжело рухнул на землю.

Наступило минутное молчание, и среди этого молчания раздался пронзительный женский голос:

— Сокол победил! Английский сокол победил!

Вслед за этим поднялся неистовый шум: «Он мертв!», «Нет, он двигается!», «Убей его!», «Пощади его, он хорошо сражался!»

Питер оперся о свой меч, глядя на поверженного противника. Затем он взглянул на короля и королеву, но они сидели молча, не подавая никакого знака. Он видел Маргарет, которая пыталась встать и крикнуть что-то, но женщины, стоявшие рядом, усадили ее обратно. Глубокая тишина воцарилась вокруг, тысячи людей напряженно ждали конца. Питер посмотрел на Морелла. Увы, тот еще был жив, его меч и прочный шлем смягчили силу мощного удара. Морелла был только ранен и оглушен.

— Что я должен делать? — обратился Питер к королевской чете.

Король, казалось, был взволнован, он хотел сказать что-то, но королева наклонилась к нему, шепнула несколько слов, и он остался сидеть неподвижно. Оба молчали. Молчала и внимательно

но наблюдавшая за всем этим толпа. Понимая, что означает это ужасающее молчание, Питер бросил меч и вытащил кинжал, чтобы разрезать ремни шлема Морелла и нанести последний удар.

В эту секунду он услышал шум, донесшийся с другого конца арены, и, взглянув в ту сторону, увидел самую странную картину, какую ему когда-либо приходилось наблюдать. С перил павильона напротив него, легко, как кошка, спускалась женщина. С кошачьей ловкостью она спрыгнула с высоты десяти футов и, подобрав свои юбки, бросилась к нему. Это была Бетти. Без сомнения, это была Бетти. Бетти в ее роскошном наряде, с развевающимися волосами. Питер в изумлении смотрел на нее. Все кругом замерли пораженные. Через полминуты она уже была рядом с ним и, став над телом Морелла, закричала:

— Оставь его! Говорю тебе, оставь его!

Питер не знал, что делать и что сказать, и двинулся было, чтобы поговорить с ней, но она стремительно бросилась к мечу Питера, лежавшему на песке, подняла его и, отскочив назад к Морелла, крикнула:

— Тебе придется сначала сразиться со мной, Питер!

И она действительно так стремительно стала наступать на него с его собственным мечом в руках, что он вынужден был отступить, чтобы избежать удара. По скамьям прокатилась волна хохота. Засмеялся даже Питер. Ничего подобного никогда еще не было видано в Испании. Смех замер, и Бетти, у которой был отнюдь не тихий голос, опять закричала на ужасном испанском языке:

— Пусть он убьет сначала меня, прежде чем убить моего мужа! Отдайте мне моего мужа!

— Бери его, если тебе хочется, — ответил Питер.

И Бетти, бросив меч, подняла лежащего без сознания испанца своими крепкими руками, как будто это был ребенок; его кровоточащая голова легла ей на плечо. Бетти пыталась унести его, но не смогла.

Присутствующие громко приветствовали ее, а Питер с жестом отчаяния отбросил свой кинжал и опять обратился к их величествам. Король встал и поднял руку, дав знак оруженосцам Морелла взять его тело. Бетти помогала им.

— Маркиза Морелла, — произнес король, в первый раз обращаясь к ней с этим титулом, — ваша честь восстановлена, ваш защитник победил. Что

вы хотите сказать?

— Ничего, — ответила Бетти, — кроме того, что я люблю этого человека, хотя он дурно обращался со мной и с другими. Я знала, что, если он скрестит меч с Питером, он искупит свои грехи. Я повторяю, что люблю его, и, если Питер хочет убить его, он должен сначала убить меня.

— Сэр Питер Брум, — сказал король, — решение в ваших руках. Мы отдаем вам жизнь этого человека — вы можете подарить ее ему или поступить по своему усмотрению.

Питер немного подумал и затем произнес:

— Я дарую ему жизнь, если он признает эту даму своей законной женой и будет всегда жить с ней, прекратив против нее все судебные дела.

— Дурак, как он может это сделать, — воскликнула Бетти, — когда ты своим здоровенным мечом выбил из него всякое соображение!

— Тогда, — смиренно предложил Питер, — может быть, кто-нибудь сделает это за него?

— Я, — сказала Изабелла, в первый раз нарушив молчание. — Я это сделаю. От имени маркиза Морелла я обещаю вам это, дон Питер Брум, перед лицом всех собравшихся здесь. Я еще добавлю: если он выживет и если он захочет нарушить это обязательство, данное от его имени для того, что-

бы спасти его от смерти, имя его будет предано позору. Объявите об этом, герольды!

Герольды затрубили в трубы, и один из них объявил громогласно решение королевы. Толпа громко приветствовала это решение.

После этого оруженосцы унесли Морелла, все еще остававшегося без сознания; Бетти в перепачканном кровью платье шла рядом с ним. Питеру подвели его коня, и он, невзирая на раны, сел на него и объехал арену. Его встречали такими овациями, каких эта площадь никогда не слышала. Отсалютовав мечом, Питер и его оруженосцы исчезли в воротах, через которые они выехали.

Так необычно закончился этот поединок, который впоследствии получил название «Боя испанского орла с английским соколом».

ГЛАВА XXV. «МАРГАРЕТ» УХОДИТ В МОРЕ

Наступила ночь. Питер, ослабевший от потери крови и с трудом двигавшийся из-за полученных ран, попрощался с королем и королевой Испании, которые наговорили ему массу приятных слов. Они назвали его украшением рыцарства и предлагали ему высокое положение и звание, если он согласится поступить к ним на службу. Однако Питер поблагодарил их и отказался, сказав, что он слишком много перестрадал в Испании, чтобы жить здесь. Король и королева поцеловали его жену, прекрасную Маргарет, которая прильнула к своему раненому мужу, как плющ обвивает дуб, и не отходила от него ни на шаг. Ведь еще недавно она почти не надеялась обнять его живого. Итак, король и королева поцеловали ее, а Изабелла, сняв с себя драгоценную цепь, повесила ее на шею Маргарет в качестве прощального подарка и пожелала ей счастья с таким мужем.

— Увы, ваше величество, — ответила Маргарет, и ее темные глаза наполнились слезами, — как я могу быть счастливой, думая о завтрашнем дне?

Изабелла покраснела и ответила:

— Донна Маргарет Брум, будьте благодарны за то, что вам принес сегодняшний день, и забудьте о завтрашнем и о том, что он должен унести. Идите, и пусть бог будет с вами обоими!

Они удалились, и маленькая кучка английских матросов в испанских плащах, которые сидели в амфитеатре и ахали, когда наносил удары орел, но ликовали, когда побеждал сокол, повели или, скорее, понесли Питера под покровом темноты к лодке, стоявшей неподалеку от места поединка. Они отплыли, никем не замеченные, ни толпой, ни даже оруженосцами Питера, уверенными, что он, как и предупредил их, вернулся со своей женой во дворец. Так они доплыли до «Маргарет», судно снялось с якоря и, спустившись вниз по течению, стало за излучиной реки.

Это была тяжелая ночь — в ней не было места для любви и нежности. Разве могли думать об этом Маргарет и Питер, измученные сомнениями и страхом, пережившие сегодня такой ужас и такую радость! Рана Питера была глубокой и тяжелой, хотя его щит и умерил силу удара меча Морелла и острие меча пришлось, по счастливой случайности, по плечу так, что не задело артерии и не тронуло кости. Однако он потерял много

крови, и капитан Смит, который был гораздо более умелым хирургом, чем это можно было предполагать, счел необходимым промыть рану спиртом, причинившим Питеру сильную боль, и зашить ее шелковой ниткой. На руках и на бедрах у Питера были страшные кровоподтеки, а спина была разбита во время падения с коня вместе с Морелла.

Большую часть ночи Питер пролежал в полузабытье. И когда наступил рассвет, он смог только подняться со своей койки, чтобы вместе с Маргарет опуститься на колени и молиться о спасении ее отца из рук жестоких испанских священников.

Ночью Смит, воспользовавшись приливом, повел судно опять вверх по течению и бросил якорь под прикрытием старых, разбитых кораблей, о которых говорил ему Питер. Перед этим он закрасил старое название судна и на его месте написал «Санта Мария» — название корабля такой же постройки и тоннажа, как и «Маргарет», который, по слухам, ожидался в порту. Поэтому ли, или потому, что на реке было в то время много судов, но случилось так, что никто из властей не обратил внимания на их возвращение, а если и заметил, то не стал сообщать, не придав этому

особого значения. Во всяком случае, пока все шло хорошо.

По сведениям отца Энрике, подтвержденным другими источниками, процессия «Акта веры» должна была выйти на набережную около восьми часов, пройти но ней всего ярдов сто и свернуть на улицу, ведущую к площади, где было все приготовлено для совершения мессы. «Очищенные» должны будут здесь быть посажены в клетки и отвезены на Квемадеро.

В шесть часов утра Смит собрал в кающе двенадцать матросов, которых он выбрал в помощь себе для предстоящего предприятия. Питер, стоя рядом с Маргарет, сообщил им весь план в подробностях и умолял их во имя их хозяина и ради его дочери сделать все, что возможно, чтобы спасти хозяина от страшной смерти.

Матросы поклялись; у них кипела кровь, не говоря уже о том, что им была обещана большая награда, а тем, кто погибнет, — вознаграждение их семьям. Затем они позавтракали, разобрали мечи и ножи и укутались в испанские плащи, хотя, говоря по правде, этих парней из Эссекса и Лондона с трудом можно было принять за испанцев. Лодка была готова, и тут Питер, хотя он едва мог стоять, заявил, что поедет с ними.

Однако капитан Смит, с которым, вероятно, уже раньше переговорила Маргарет, топнул ногой по палубе и заявил, что здесь командует он и он не допустит этого. Раненый человек, заявил Смит, будет им только обузой, он займет лишь место в маленькой шлюпке, а помочь им не сможет ни на суше, ни на воде. Кроме того, Питера узнают в лицо тысячи людей, видевшие его вчера, и наверняка узнают, тогда как никто не обратит внимания на дюжину матросов, высадившихся с какого-то судна, чтобы покутить и посмотреть на представление. И, наконец, ему лучше остаться на борту «Маргарет», ибо, если дело обернется плохо, здесь будет слишком мало людей, чтобы быстро вывести корабль в открытое море и доплыть до Англии.

Питер все-таки настаивал на своем, пока Маргарет, обняв его, не спросила, не думает ли он, что ей будет лучше, если она потеряет сразу и отца и мужа. А ведь если они потерпят неудачу, это может случиться. Только тогда Питер, страдающий от боли и очень слабый, уступил, и капитан Смит, отдав последние распоряжения своему помощнику и пожав руки Питеру и Маргарет, спустился со своими двенадцатью матросами в шлюпку. Укрываясь за старыми судами, шлюпка

направилась к берегу.

«Маргарет» находилась на расстоянии выстрела из лука от берега, и с палубы между кормой одного старого судна и носом другого открывался вид на набережную. Здесь и расположились Питер и Маргарет. Один из матросов взобрался на мачту, откуда был виден почти весь город и даже старый мавританский замок, где теперь помещалась инквизиция. Наконец этот матрос крикнул, что процессия вышла — он увидел знамена, людей у окон и на крышах; к тому же колокол собора медленным звоном возвестил о том же. Затем потянулось длительное ожидание. Они видели, как группа матросов в испанских плащах показалась на набережной и смешалась с немногочисленной толпой, собравшейся там, — основная масса народа толпилась на площади и на прилегающих улицах.

В конце концов, как раз когда часы на соборе пробили восемь, «триумфальное» шествие, как оно именовалось, вступило на набережную. Первым появился отряд солдат, вооруженных копьями, затем распятие, задрапированное черным крепом, которое нес священник, за ним следовали другие служители церкви, в белоснежных одеждах, символизировавших чистоту.

Затем появились люди, тащившие деревянные или сделанные из кожи изображения каких-то мужчин и женщин, которые благодаря бегству в другие страны или в царство смерти избежали лап инквизиции. Следом за ними несли гробы, по четыре человека каждый, — в этих гробах были тела или кости умерших еретиков, которые ввиду смерти тех, кому они принадлежали, должны были быть тоже сожжены в знак того, что сделала бы с ними инквизиция, если бы могла, — это давало ей право конфисковать оставшееся от человека имущество.

Затем шли раскаявшиеся. Головы их были обриты, ноги босы, одни были одеты в темные одежды, другие — в желтые балахоны с красным крестом, называемые санбенито. После них появилась группа еретиков, осужденных на сожжение. Они были облачены в замарры из овечьих шкур, разрисованные дьявольскими рожами, их собственными портретами, окруженными пламенем. На этих несчастных были также высокие, похожие на епископские митры шапки, так называемые «короза», разрисованные изображениями пламени. Рты у них были заткнуты кусками дерева, иначе они могли бы осквернять и заражать окружающих еретическими речами,

в руках они несли свечки, которые сопровождающие их монахи время от времени зажигали, если те гасли.

Сердца Питера и Маргарет дрогнули, когда в конце этой ужасной процессии появился человек верхом на осле, одетый в замарру и корозу, но с петлей на шее. Отец Энрике сказал правду — это, без сомнения, был Джон Кастелл. Как во сне, смотрели Питер и Маргарет на его позорный наряд.

Следом за ним шли роскошно одетые чиновники, инквизиторы, знатные люди, члены Совета инквизиции; впереди них развевалось знамя, именуемое Святым знаменем веры.

Кастелл поравнялся с маленькой группой моряков, и казалось, что-то произошло с упряжью осла, на котором он сидел, потому что тот остановился и человек в одежде секретаря подошел к нему, по-видимому для того, чтобы поправить упряжь, заставив тем самым остановиться всю процессию, следующую за ним. Идущие впереди уже миновали набережную и завернули за угол. Непонятно, что там случилось, но еретика потребовалось снять с осла; его грубо стащили с ослиной спины, а животное, словно обрадовавшись освобождению от ноши, задрало голову вверх и громко стало орать.

Люди из немногочисленной толпы, стоявшей вдоль набережной, двинулись к ним, как будто для того, чтобы помочь, и среди них — несколько человек в таких накидках, какие были на матросах с «Маргарет».

Офицеры и гранды позади начали кричать: «Вперед! Вперед!», но люди, окружившие осла, вместо этого начали подталкивать его вместе с седоком ближе к воде. В это время прискакала стража узнать, что случилось.

И тут неожиданно возникло замешательство, причину которого было невозможно разгадать, — в следующее мгновение Маргарет и Питер, схватившие друг друга за руки, увидели, что человека, который до этого ехал на осле, быстро тащат вниз по ступенькам набережной туда, где находилась шлюпка с «Маргарет».

Помощник капитана, стоявший у штурвала, тоже видел все это. Он свистнул, и по этому сигналу якорный канат был обрублен — времени для подъема якоря не было, — а матросы, стоявшие на реях, распустили паруса, и судно тут же начало двигаться.

Между тем на набережной шла битва. Еретик был уже в шлюпке вместе с частью матросов, но остальные сдерживали толпу священников

и вооруженных служителей, пытавшихся схватить его. Один из священников с мечом в руке проскользнул между матросами и тоже свалился в шлюпку. Наконец все уже были в шлюпке, за исключением одного человека — капитана Джона Смита, которого атаковали трое противников. Весла были подняты, но матросы ждали. Капитан взмахнул мечом, и один из нападающих рухнул. Остальные двое бросились на капитана, один прыгнул ему на спину, другой повис на шее. С отчаянным усилием капитан бросился в воду, увлекая за собой обоих нападающих. Одного из них больше уже не увидели, так как Смит заколол его, а второй вынырнул рядом с шлюпкой, которая была уже на расстоянии нескольких ярдов от набережной; один из матросов ударил его веслом по голове, и тот пошел ко дну.

Однако Смита не было видно, и Питер и Маргарет решили, что он утонул. Матросы тоже, по-видимому, решили так, потому что они начали грести, но неожиданно большая загорелая рука появилась над водой и схватилась за корму шлюпки, а гулкий голос пророкотал:

— Гребите, ребята, я здесь!

Матросы налегли с такой силой, что ясеневые весла гнулись, как луки. В это время двое моряков

схватили священника, прыгнувшего в шлюпку, и выбросили его за борт; он некоторое время барахтался, не умея плавать и хватаясь за воздух руками, а потом исчез. Шлюпку подхватило течением, вот она уже обогнула нос первого из старых кораблей, за которым виднелась «Маргарет». Ветер посвежел, и судно набирало скорость.

— Спустите трап и приготовьте канаты! — закричал Питер.

Это было сделано, но недостаточно быстро, потому что в следующий момент шлюпка ударилась о борт корабля. Матросы успели ухватиться за канаты и удерживали шлюпку, в то время как капитан Смит, наполовину захлебнувшийся, цеплялся за кормовую доску; вода почти покрывала его с головой.

— Спасайте сначала его! — закричал Питер.

Один из матросов сбежал по трапу и бросил капитану петлю. Смит поймал ее одной рукой и постепенно надел на себя. Тогда матросы схватились за веревку и вытащили его на палубу, где он лег, тяжело дыша и выплевывая воду. Судно двигалось все быстрее, настолько быстро, что Маргарет умирала от страха, как бы шлюпку не затянуло под корпус и не утопило.

Но матросы знали свое дело. Они постепенно

отвели шлюпку назад, пока ее нос не оказался на уровне трапа. Первым они помогли вылезти Кастеллу. Он схватился за перекладину трапа, и сильные руки подхватили его. Он полз, шаг за шагом, пока наконец его ужасная, дьявольски разукрашенная шапка, лицо с белым пятном там, где была сбрита борода, раскрытый рот, в котором до сих пор торчал деревянный кляп, не показались над бортом, как сказал потом помощник капитана, подобно лику сатаны, бежавшего из ада. Матросы подняли его, и он без чувств упал на руки дочери. Один за другим поднимались вслед за ним матросы — все были живы, хотя двое были ранены и покрыты кровью. Да, никто не погиб — все до одного были в безопасности на палубе «Маргарет».

Капитан Смит выплюнул последние остатки речной воды, приказал принести ему чарку вина и тут же выпил ее. Питер и Маргарет в это время вытащили проклятый кляп изо рта Кастелла и дали ему глоток спирта. Смит, словно большая собака, стряхнул с себя воду и, ни слова не говоря, подошел к штурвалу и взял его из рук помощника. Плыть по реке было делом трудным, и никто не знал реку так хорошо, как капитан Смит. «Маргарет» как раз поравнялась со знаменитой

Золотой башней, и вдруг по ним выстрелила пушка, но ядро пролетело далеко от судна.

— Смотрите! — воскликнула Маргарет, указывая на всадников, скачущих на юг вдоль берега реки.

— Они хотят предупредить форты, — отозвался Питер, — Бог послал нам этот ветер, мы должны успеть прорваться к морю.

Ветер крепчал, он дул с севера, но какой это был длинный и тяжелый день! Час за часом плыли они вниз по реке, которая становилась все шире. Они плыли то мимо деревень, где кучки людей, завидев их, размахивали оружием, то мимо пустынных болот и равнин, покрытых соснами.

Когда они были уже у Бонанцы, солнце стояло довольно низко, а когда миновали Сан-Лукар, оно уже садилось. В широком устье реки, где белые волны бились об узкий мол, к ним спешили на веслах две большие галеры, чтобы захватить их. Галеры были очень ходкими, и спастись, казалось, не было никакой возможности.

Маргарет и Кастелла отправили вниз, матросы заняли свои места. Питер решительно направился на корму, где упорный капитан Смит стоял у штурвала, не разрешая никому дотронуться до него. Смит посмотрел на небо, на берег и на

спасительное открытое море впереди. Затем он приказал поднять все паруса и мрачно посмотрел на галеры, подстерегавшие их, подобно борзым, у выхода в море. Галеры держались на веслах посередине канала. По обе стороны кипели буруны, через которые не мог пройти ни один корабль.

— Что вы хотите делать? — спросил Питер.

— Мастер Питер, — сквозь зубы процедил Смит, — когда вы вчера дрались с испанцем, я не спрашивал вас, что вы собираетесь делать. Придержите ваш язык и предоставьте все мне.

«Маргарет» была быстроходным судном, но никогда еще она не развивала такой скорости. Позади нее свистел ветер. Ее крепкие мачты согнулись, как удочки, а снасти скрипели и стонали под тяжестью наполненных ветром парусов, ее левый борт лежал почти на уровне воды, так что Питер должен был лежать на палубе — стоять было невозможно — и видел, как вода бежала в трех футах от него.

Галеры выстроились, преграждая путь «Маргарет». В полумиле от нее они встали нос к носу, отлично зная, что никакое судно не может проскользнуть по пенящемуся мелководью. Они ждали, что «Маргарет» должна будет замедлить ход — это было неизбежно, — и тогда они возь-

мут ее на абордаж и перебьют малочисленную команду. Смит что-то приказал помощнику, и неожиданно в лучах заходящего солнца на грот-мачте взвился английский флаг, при виде которого матросы разразились восторженными криками. Смит отдал новый приказ, и был поднят последний кливер. Теперь время от времени левый борт погружался в воду, и Питер чувствовал, как соленая вода обжигает его израненную спину.

Испанские капитаны держали галеры на прежнем месте. Они не могли понять, что этот иностранец — сумасшедший или не знает речного фарватера? Ведь он пойдет ко дну со всеми, кто у него на борту. Они стояли, ожидая, когда этот леопардовый флаг и надувшиеся паруса будут спущены, но «Маргарет» прямо, словно бык, мчалась на них. Она была на расстоянии не более четверти мили и шла прямо по курсу, когда наконец на галерах поняли, что она пойдет ко дну не одна.

На испанских судах началось смятение, заливались свистки, кричали люди, надсмотрщики бросились вниз подстегивать рабов, поднятые весла казались красными в свете заходящего солнца, когда они с силой били по воде. Бушпри-

ты галер стали раздвигаться — пять футов, десять футов, может быть, двенадцать футов. И прямо в эту полоску открытой воды, словно камень, пущенный из пращи, словно стрела из лука, ринулась несущаяся по ветру «Маргарет».

Что же случилось? Спросите об этом у рыбаков Сан-Лукара и у пиратов Бонанцы, где история эта передается из поколения в поколение. Огромные весла треснули, как тростник, верхняя палуба левой галеры была разорвана, словно бумага, крепкими реями летящей «Маргарет», борт правой галеры завернулся, как стружка под рубанком, и «Маргарет» прорвалась.

Капитан Смит оглянулся — два больших испанских судна тонули. Словно раненые лебеди, они кружились и трепетали у пенящегося мола. Затем он повернул судно на другой галс, крикнул плотника и спросил у него, дал ли корабль течь.

— Никакой, сэр, — ответил тот, — но его потребуется заново смолить. Это был дуб против яичной скорлупы, и у нас была скорость!

— Хорошо, — сказал Смит. — С двух сторон находились мели, выбор оставался один — жизнь или смерть, но я был уверен, что они дадут нам пройти. Пришлите сюда помощника взять штурвал. Я должен поспать.

Солнце опустилось в бурлящее море, и ускользнувшая от власти Испании «Маргарет» повернула свой разбитый бушприт к Уэссану, к Англии.

ЭПИЛОГ

Прошло десять лет с тех пор, как капитан Смит провел «Маргарет» через мель Гвадалквивира столь замечательным образом. Был конец мая. В Эссексе леса стояли зеленые, птицы пели, луга пестрели цветами. В чудесной долине Дедхэма можно было видеть длинный низкий дом со многими остроконечными крышами — прелестный старый дом из красного кирпича и почерневшего от времени дерева. Дом этот стоял на небольшом холме. Сзади к нему примыкал лес, а впереди тянулась длинная аллея из дубов, которая шла через парк к дороге, ведущей к Колчестеру и Лондону. По этой аллее майским днем шел старый седой человек с быстрыми черными глазами. С ним было трое детей — мальчик лет десяти и две маленькие девочки, которые цеплялись за руки старика и за его одежду и засыпали его вопросами.

— Куда мы идем, дедушка? — спросила одна из девочек.

— Навестить капитана Смита, дорогая моя, — ответил старик.

— Я не люблю капитана Смита, — заявила другая девочка, — он толстый и всегда молчит!

— А я люблю, — прервал ее мальчик, — он дал мне замечательный нож, который мне нужен, когда я играю в моряка. И мама его любит, и папа, и дедушка, потому что он спас его, когда жестокие испанцы хотели его сжечь. Правда, дедушка?

— Правда, дорогой мой, — ответил старик. — Смотрите, вон белка пробежала по траве. Может, вы ее поймаете раньше, чем она добежит до дерева?

Дети бросились со всех ног и, так как дерево оказалось невысоким, начали карабкаться на него вслед за белкой. Между тем Джон Кастелл, ибо это был он, вышел через ворота парка и направился к маленькому домику у дороги. У дома на скамье сидел полный мужчина. Очевидно, он поджидал гостя, потому что указал ему на место рядом с собой и, когда Кастелл сел, спросил:

— Почему вы не пришли вчера, хозяин?

— Из-за ревматизма, друг мой, — ответил Кастелл. — Я получил его в подвалах этой проклятой инквизиции в Севилье. Они были очень сырые и холодные, эти подвалы, — задумчиво добавил он.

— Многим они казались довольно жаркими, —

проворчал Смит, — к тому же пребывание в них обычно оканчивалось большим костром. Странно, что мы никогда больше ничего не слышали об этом деле. Я думаю, все это потому, что королева Изабелла хорошо относилась к нашей Маргарет и не хотела поднимать этого вопроса перед Англией и мутить воду.

— Может быть, — заметил Кастелл. — А вода ведь была мутная.

— Мутная? Как на отмели Темзы при отливе. Умная женщина эта Изабелла. Никто другой не додумался бы так выставить человека на посмешище, как она поступила с Морелла, когда отдала его жизнь Бетти и обещала от его имени, что он признает ее своей женой. После этого он уже не представлял никакой опасности в смысле заговоров против короны. Да, он должен был сделаться посмешищем всей страны, а таким людям никогда ничего не удается. Вы помните испанскую пословицу: «Королевский меч рубит, костры, зажженные попами, сжигают, но уличные песенки убивают быстрее». Хотелось бы мне знать, что случилось с ними со всеми. А вам, хозяин? Не говоря, конечно, о Бернальдесе — он ведь уже много лет в Париже и, говорят, живет там неплохо.

— Да, — улыбнулся Кастелл, — конечно, хотелось бы узнать, если только для этого не потребовалось бы ехать в Испанию.

В этот момент прибежали дети, ворвавшись одновременно в калитку.

— Не помните мою клумбу, маленькие разбойники! — закричал капитан Смит, замахнувшись на них тростью, в то время как они спрятались за его спину и стали корчить гримасы.

— Где белка, Питер? — спросил Кастелл.

— Мы согнали ее с дерева, дедушка, и окружили на берегу ручья, и там…

— Что — там? Поймали вы ее?

— Нет, дедушка. Когда нам казалось, что мы уже поймали ее, она прыгнула в воду и уплыла.

— Некоторые люди в трудном положении поступали так же, — смеясь, заметил Кастелл, припоминая одну речную набережную.

— Это было нечестно! — с негодованием закричал мальчик. — Белки не должны плавать, и, если я поймаю ее, я посажу ее в клетку.

— Я думаю, что эта белка останется в лесу до конца своей жизни.

— Дедушка! Дедушка! — закричала младшая девочка, просунув голову в калитку. — Много народу едет сюда на лошадях. Такие красивые!

Иди сюда, посмотри!

Эта новость возбудила любопытство старых джентльменов, поскольку не так много людей приезжало в Дедхэм. Во всяком случае, они оба поднялись, правда с некоторым трудом, и направились к калитке. Да, ребенок был прав: в двухстах ярдах от них двигалась внушительная кавалькада. Впереди на великолепном коне ехала высокая, красивая дама, одетая в черный шелк, лицо ее было прикрыто черной вуалью. Рядом с ней ехала другая дама, закутанная так, будто здешний климат был для нее слишком холодным. Между ними на пони ехал маленький красивый мальчик. Слуги и служанки, человек шесть или восемь, огромная повозка, нагруженная багажом, которую тянули четыре крупные фламандские лошади, замыкали эту процессию.

— Кто же это? — воскликнул, вглядываясь, Кастелл.

Капитан Смит тоже посмотрел и втянул носом воздух, как он часто делал на палубе в туманное утро.

— По-моему, пахнет испанцами, — заявил он, — а я не люблю этого запаха. Посмотрите на их такелаж. Скажите, хозяин: кого вам напоминает это трехмачтовое судно со всеми его парусами?

Кастелл с сомнением покачал головой.

— Я припоминаю, — продолжал Смит, — высокую девушку, разукрашенную, как майское дерево, которая бежала по белому песку во время поединка в Севилье… Да, я забыл, что вас там не было.

До них донесся громкий, звонкий голос, приказавший по-испански кому-то пойти к дому и узнать, где здесь ворота. Тут Кастелл сразу узнал всадницу.

— Это Бетти! — воскликнул он. — Клянусь бородой Авраама, это Бетти!

— Я тоже так думаю, только не упоминайте Авраама, хозяин. Он очень опасный человек, этот Авраам, в христианских странах. Говорите — «клянусь ключами святого Петра» или «болезнями святого Павла».

— Дитя, — обратился Кастелл к одной из своих внучек, — беги в дом и скажи папе и маме, что приехала Бетти и привезла с собой половину Испании. Ну, быстро! И запомни имя: Бетти.

Удивленная девочка побежала, а Кастелл и Смит пошли навстречу путникам.

— Не можем ли мы быть полезны вам, сеньора? — спросил Кастелл по-испански.

— Маркиза Морелла, если вам угодно… — на-

чала она тоже по-испански, затем неожиданно продолжала по-английски: — Боже мой! Да ведь это мой старый хозяин, Джон Кастелл, с белой бородой вместо черной!

— Она стала белой после того, как меня побрил святой цирюльник в святейшей инквизиции, — сказал Кастелл. — Ну, слезай же с этого коня, Бетти, дорогая… прошу прощения — благороднейшая и высокорожденная маркиза Морелла, — и поцелуй меня.

— Хоть двадцать раз, если пожелаете! — воскликнула Бетти, с такой стремительностью падая с высоты в его объятия, что, если бы не мощная поддержка Смита, они оба свалились бы на траву.

— Чьи это дети? — спросила Бетти, расцеловав Кастелла и пожав руку Смиту. — Впрочем, нечего спрашивать: у них глаза моей кузины и длинные носы, как у Питера. Как они? — озабоченно добавила она.

— Ты сама увидишь через одну — две минуты. Пошли своих людей и багаж к дому, хотя я не знаю, где они там все разместятся, и пойдем с нами.

Бетти помедлила, так как она рассчитывала произвести эффект своим триумфальным въез-

дом в полном параде. Но в эту минуту появились Маргарет и Питер — Маргарет с ребенком на руках, и Питер, выглядевший так же, как и всегда, худощавый, с длинными руками и ногами, суровый на вид, но с добрыми глазами. Вслед за ним появились слуги и маленькая Маргарет.

Поднялось настоящее столпотворение, прерываемое объятиями, но в конце концов свита была отправлена в дом, и багаж был разгружен. За ними ушли дети вместе с маленьким мальчиком испанского типа, с которым они уже успели подружиться; остались Бетти и ее закутанная спутница. Эту даму Питер некоторое время рассматривал, словно знакомую.

По-видимому, она заметила его интерес, потому что, как бы случайно, откинула один из платков, закрывавших ее лицо, показав один нежный и блестящий глаз и кусочек щеки оливкового цвета. Тут Питер сразу же узнал ее.

— Как вы поживаете, Инесса? — сказал он, протягивая ей с улыбкой руку, ибо он действительно был рад видеть ее.

— Так, как может чувствовать себя бедный путник в чужой и очень сырой стране, дон Питер, — ответила она томным голосом. — Но меня утешает, что я вижу перед собой старого друга,

которого последний раз я видела в лавке одного булочника. Вы помните?

— Помню! — воскликнул Питер. — Это не такая вещь, которую можно забыть. Инесса, что стало с отцом Энрике? Я слышал несколько разных версий.

— Трудно сказать что-либо определенное, — ответила Инесса, открывая свои смеющиеся красные губы. — В старом мавританском замке, где помещается святая инквизиция, так много темниц, что невозможно сосчитать арестантов, как бы хороша ни была информация. Все, что я знаю, это то, что у этого бедняги начались неприятности из-за нас. Возникли подозрения по поводу его поведения во время процессии, которую капитан, может быть, помнит, — и она кивнула в сторону Смита. — Кроме того, человеку в его положении было очень опасно посещать еврейские кварталы и писать неосторожные письма — нет, не то, о котором вы думаете, я держу слово, — другие, в которых он просил вернуть то письмо. Некоторые из них пропали.

— Он умер? — спросил Питер.

— Хуже, я думаю, — ответила Инесса, — заживо погребен — «наказание стеной».

— Бедняга! — вздрогнул Питер.

— Да, — задумчиво заметила Инесса, — докторам не нравятся их собственные лекарства.

— Я вижу, Инесса, — сказал Питер, взглянув в сторону Бетти, — что маркиз не последовал за вами.

— Только дух его, дон Питер, не иначе.

— Значит, он умер? Что убило его?

— Смех, я думаю, или, вернее, то, что он был предметом этого смеха. Он совершенно выздоровел от ран, которые вы ему нанесли, и потом, конечно, он должен был сдержать обещание, данное королевой, и признать благородную леди, в прошлом Бетти, своей маркизой. Он не мог этого не сделать после того, как она отбила его у вас с помощью вашего же меча и выходила его. Но конца этому не было. О нем пели песенки на улицах и спрашивали, как поживает его крестная мать Изабелла, потому что это она дала за него обещание и поклялась от его имени; потом его еще спрашивали, ломала ли маркиза еще копья ради него, и так далее.

— Бедняга! — сказал Питер с выражением глубокого сочувствия. — Жестокая судьба! Лучше бы я убил его.

— Конечно. Но не говорите этого при благородной Бетти — она уверена, что он был очень

счастлив в семейной жизни под ее защитой. Он молча страдал, и даже я, которая так ненавидела его, стала жалеть его. Подумайте: один из самых гордых людей Испании, блестящий гранд, племянник короля, опора церкви, посол их величеств к маврам сделался предметом шуток простонародья, да и знати тоже.

— Знати? Кого же?

— Почти всех, потому что королева подавала пример. Я не знаю, за что она так ненавидела его, — добавила Инесса, проницательно взглянув на Питера, но, не дождавшись ответа, продолжала: — Она делала это очень умно, всегда оказывая высокочтимой Бетти самый любезный прием, подзывая ее к себе, восхищаясь ее английской красотой и тому подобное. А то, что делала королева, повторяли все, пока моя легко возбуждающаяся хозяйка чуть не потеряла голову. А маркиз почувствовал себя плохо и после взятия Гранады уехал туда, чтобы жить спокойно. Бетти уехала вместе с ним. Она была ему хорошей женой и сэкономила много денег. Она похоронила его год назад — он умер тихо — и поставила ему один из лучших памятников в Испании — он еще не закончен. Вот и вся история. Теперь она привезла сына, юного маркиза, сюда, в Англию,

на год или два, потому что у нее очень любящее сердце и ей очень хотелось видеть вас всех. К тому же она решила, что для сына будет лучше уехать на время из Испании. Что касается меня, то теперь, после смерти Морелла, я первое лицо в доме — секретарь, главный поставщик сведений и все что угодно.

— Вы не замужем, я полагаю? — спросил Питер.

— Нет, — ответила Инесса. — Я видела так много мужчин, когда была молода, что, мне кажется, этого вполне достаточно. Или, может быть, — продолжала она, устремив свои нежные блестящие глаза на него, — был один, который мне слишком нравился, чтобы хотеть…

Она остановилась. Они как раз шли по подъемному мосту напротив Старого замка. Роскошная Бетти и прекрасная Маргарет в окружении остальных, разговаривая, прошли через широкие двери в просторный вестибюль. Инесса посмотрела им вслед и заметила стоящие, подобно стражу, у подножия широкой лестницы покрытые вмятинами белые доспехи и расколотый щит с золотым соколом — подарок Изабеллы, — в которых Питер сражался с маркизом Морелла и победил его. Затем она сделала шаг назад и критически

осмотрела здание.

Над каждым крылом здания возвышалась каменная башня, построенная с целью обороны; вокруг замка тянулся глубокий ров. Внутри круга, образуемого рвом и окруженного тополями и древними тисовыми деревьями, в южном углу замка, находился отгороженный садик с дорожками, с цветущим боярышником и другими кустами. В самом конце его, почти скрытый ивами, был каменный бассейн. Глядя на все это, Инесса сразу заметила: насколько позволяли обстоятельства и климат, Питер, устраивая этот сад, скопировал другой, в далеком южном городе Гранаде, скопировал вплоть до ступенек и скамей. Она повернулась к нему и с невинным видом сказала:

— Сэр Питер, вы не возражаете погулять со мной в этом саду сегодня вечером? В этой башне, кажется, нет никаких окон.

Питер стал красным, как шрам на его лице, и, смеясь ответил:

— А вдруг одно найдется? Пойдемте в дом, Инесса. Никого здесь не встретят с большим удовольствием, чем вас, но я никогда не буду больше гулять с вами наедине в саду.